

АНДРЕЙ ЕВЛАМПИЕВИЧ МАДЖИ

ПОЛВЕКА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Виктор
Дубовицкий

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ А. ДОНИША
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
И
ОТДЕЛ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
УНИВЕРСИТЕТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Виктор ДУБОВИЦКИЙ

АНДРЕЙ ЕВЛАМПИЕВИЧ МАДЖИ
ПОЛВЕКА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Душанбе 2018

ISBN 978-99975-987-2-1

ББК63.3(2 тадж) +63.5(2 тадж)

Д-79

Дубовицкий В.В.

Андрей Евлампиевич Маджи: полвека научных исследований в Центральной Азии, 2018

Книга *«Андрей Евлампиевич Маджи: полвека научных исследований в Центральной Азии»* представляет собой биобиблиографическую работу о жизни и деятельности востоковеда А. Е. Маджи, внесшего большой вклад в мировую науку. В книге приведены уникальные архивные документы о жизни и деятельности этого ныне несправедливо забытого ученого, а также около 70 иллюстраций. Включены ранее неизвестные работы А. Е. Маджи, его личный архив и другие биобиблиографические данные.

Работа может быть использована учеными, занятыми исследованием истории науки региона, аспирантами и студентами вузов, а также всеми интересующимися историей Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана и Афганистана конца XIX – первой половине XX века.

Взгляды представленные в данной книге отражают личные взгляды автора и не всегда отражают идеи Университета Центральной Азии и его сотрудников.

ISBN 978-99975-987-2-1 © Виктор Дубовицкий, автор, 2018

© Университет Центральной Азии, 2018

Предисловие

Грань веков всегда богата на события. А если учесть, что реальная история никогда не согласовывается ни с юлианским, ни с григорианским календарем (как, впрочем, и с другими формами организации человеческой жизни), то века эти имеют разную продолжительность, начинаясь и кончаясь далеко не на «нули»! Так, например, историки считают, что «галантный» XVIII век завершился не в 1800, а в 1786 г. Великой Французской Революцией, давшей старт перевороту в идеологии, политике и культуре всего мира, происходившему вплоть до начала Первой мировой войны – то есть до 1914 г. Это и был реальный, а не календарный XIX век. А сравнительно недавно завершившийся век XX был на удивление коротким и насыщенным (1914-1991 гг.): две мировые войны, социалистические революции, развал колониальных систем и распад Советского Союза. Так что мы с Вами, читатель, тоже имеем счастье жить на грани веков. Хорошо это или плохо – судите сами; но помните о старинном китайском проклятии: *«чтобы жить тебе в эпоху перемен!»*.

Эта книга не только и не столько о полузабытом востоковеде Андрее Евлампиевиче Маджи, сколько о жизни русского человека на Востоке, родившегося и жившего на грани веков XIX и XX. Его судьба вобрала в себя большинство важнейших событий, произошедших в исторической России и Средней Азии, как ее части, в первые шесть десятилетий насыщенного событиями и кровавого XX века: революции, гражданская война, разруха, голод, грандиозное строительство нового общества, снова война и снова – полуголодное существование. Вся жизнь этого человека можно характеризовать одним словом – *«преодоление»*.

О замечательных деятелях науки, в том числе и об ученых Таджикистана, написано немало книг. Однако, по мнению автора, все они страдают излишней «академичностью», за которой не видно характера человека, всех факторов, повлиявших на становление его как ученого. Именно поэтому в этой книге, имеющей характер биобиблиографического издания, избран свободный, публицистический стиль изложения, призванный раскрыть все аспекты жизни и деятельности ученого-востоковеда. Вместе с тем, в приложении к монографии помещен ряд ранее неопубликованных статей А.Е.Маджи, а также перечень его опубликованных и неопубликованных работ.

В тексте, написанном автором, специальные термины, географические названия (топонимы) и имена собственные даются в транскрипции, принятой в современном русском языке. В цитатах, используемых в тексте, термины, топонимы и имена оставлены в транскрипции, принятой в исторический период написания или издания текста. Автор приводит расшифровку используемых в тексте аббревиатур в конце книги.

Автор книги хочет выразить искреннюю признательность за помощь в работе над книгой дочери Андрея Евлампиевича Маджи, Татьяне Андреевне Маджи, любезно предоставившей возможность работать с личным архивом ее отца, а также поделившейся воспоминаниями о нем.

Автор выражает также признательность одному из учеников А.Е. Маджи, академику АН Республики Таджикистан – Олимову Караматулло Алимовичу – за его воспоминания об учителе.

Особую благодарность автор выражает своей супруге – Ирине Михайловне Дубовицкой – постоянному редактору и художественному оформителю всех его научных и литературных трудов.

И, наконец, автор благодарен руководителю Отдела культурного наследия и гуманитарных наук Университета Центральной Азии Эльмире Кочумкуловой и старшему научному сотруднику того же отдела в г. Душанбе, Сунатулло Джонбобоеву и Алтын Капаловой, без участия и поддержки которых эта книга не увидела бы свет.

Глава I. От Венеции до Ферганы

Героя нашей книги нельзя отнести к «Иванам, не помнящим родства»: в личном архиве ученого сохранилась целая папка под названием *«История моей фамилии. Список лиц, носивших фамилию Маджи»*, с рукописью, принадлежащей перу его отца – Евлампия Николаевича, помеченной 1907 г. Судя по всему, Маджи-старший планировал издать целую книгу о генеалогических розысках предков. Книга так и не увидела свет, оставшись в рукописи, ныне пожелтевшей и нечеткой. Однако из собранных в ней сведений все же становится ясно, что Маджи принадлежат к одной из старейших аристократических семей Северной Италии, входящих в число основателей города Венеции и Венецианской Республики. И это – не просто фантазии затерявшегося в глубинах Азии учителя рисования: Евлампий Маджи не только собрал впечатляющие литературные сведения о своей фамилии, но и предпринял розыски на исторической родине, в Венеции, где побывал в 1904 г.

Николай Гаэтанович Маджи – дед
А.Е. Маджи

Как выяснилось, его дед и прадед Андрея Маджи – Гаэтано Маджи – был вынужден уехать из Италии в Россию в начале XIX в., спасаясь от преследования австрийских властей, оккупировавших север страны: после падения импе-

рии Наполеона в 1815 г. она была расколота на девять государств, унижена и разграблена. Всплеск национально-освободительного движения под руководством «Молодой Италии», созданной в 1831 г. Джузеппе Мадзини, на краткое время привел к независимости Венецию и Ламбардию, но уже в 1849 г. австрийцы снова захватили обе области.

А род Маджи (венецианский беглец женился в России) тем временем продолжил и начал укореняться на чужбине. Прошло лишь несколько десятков лет (чужие дети растут быстро!), как сын Гаэтано – Николай Гаэтанович Маджи, окончив вуз, сдал выпускные экзамены в Санкт-Петербургской Императорской Академии Художеств, получив направление в Западную Сибирь. До этого, как свидетельствует ташкентский историк В. Германов, он удостоился приглашения знаменитого русского художника (опять же итальянского происхождения) Карла Брюллова участвовать в росписи кафедрального Исаакиевского собора в «Северной Венеции» – в Санкт-Петербурге¹.

Потомок Николая Гаэтановича – Евлампий Николаевич, также был человеком неординарным. Он сыграл большую роль в судьбе своего сына – Андрея. Обратимся к фактам, содержащимся в «Аттестате» № 1585, выданном бывшему учителю рисования и чистописания и помощнику классных наставников Скобелевской мужской гимназии, статскому советнику Евлампию Николаевичу Маджи 2 ноября 1911 г. В 1885 г. он окончил Омскую учительскую семинарию и начал карьеру учителя в Ялуторовском городском приходском училище Западно-Сибирского учебного округа. В августе 1890 г. он переходит на работу в Тобольскую гимназию, где со следующего года назначен младшим учителем рисования и чистописания. Произошло это не вдруг, а «согласно прошения и ввиду представленных им двух похвальных отзывов, полученных от Санкт-Петербургской Императорской Академии Художеств за рисунки, бывшие на конкурсах 1875 и 1881 гг.»². С тех пор рисование, черчение и чистописание становятся его специализацией, выручая и в полугодовалые советские годы, когда милиция и даже НКВД приглашает Евлампия Николаевича в качестве эксперта-почерковеда.

22 января 1891 г. Евлампий Николаевич, по решению Департамента герольдии Правительствующего Сената, получает первый дворянский чин коллежского регистратора.

Помимо работы учителем рисования в гимназиях и училищах Тобольска в 1897–1898 гг. он преподает иконопись в Тобольской духовной семинарии. 14 июля 1900 г. Е.Н. Маджи, «согласно приказу Туркестанского генерал-губернатора назначен на должность учителя рисования и чистописания Маргеланской мужской прогимназии (Ферганская область)»³, где ему одновременно поручено

¹ Германов В. Потомки венецианского клана Маджи в Петербурге, Тобольске, Ходженте, Фергане, Бухаре, Ташкенте, Душанбе. Часть 1. // Восток Свыше, 2011 г., № 22–23. С. 66.

² Личный архив Маджи А.Е. Свидетельства, аттестаты, дипломы. Аттестат № 1585. Л. 10.

³ Там же.- Л.12.

чено и преподавание французского языка. Е.Н. Маджи успешно трудится на уровне среднего образования вплоть до августа 1911 г., когда уходит в отставку в чине статского советника. Награжден двумя государственными орденами и несколькими ведомственными наградами в области образования.

Отец сыграл огромную роль в становлении Андрея и его брата Петра, в выборе их пути профессиональных востоковедов. Последнее не могло бы произойти, не будь он сам увлечен Востоком, о чем свидетельствуют и его письма, и несколько опубликованных работ⁴.

Именно переезд семьи Маджи из Тобольска в далекий и таинственный Туркестан в 1900 г. стал поворотным моментом в судьбе каждого из ее членов. Огромная территория в центре Азии, площадью в пять миллионов квадратных километров, только что вошедшая в состав Российской империи, теперь активно осваивалась в экономическом и культурном планах. Численность европейского населения Туркестанского генерал-губернаторства в начале XX века едва достигла 5 %⁵ от общей численности, и в основном все оно было сосредоточено в городах и станционных поселках Среднеазиатской и Ташкентской железных дорог – двух тонких кровеносных сосудов европейской цивилизации, протянувшихся сюда через степи и пустыни из Центральной России.

Новые («русские») города возникали здесь первоначально как военно-административные пункты, но некоторые со временем превращались в крупные промышленные и торговые центры. Возникали они часто и возле старых городов, а иногда и на соседних землях совершенно самостоятельно. Так появились «новый Ташкент», «новая Бухара» (Каган), «новый Самарканд», «русский Ходжент», «Термез-крепость» – русские слободки рядом с седыми от тысячелетней древности городами Мавераннахра. У Нового Маргелана (Скобелева) была другая судьба.

В 1876 г., после ликвидации Кокандского ханства и образования на его тер-

⁴ Маджи Е.Н. Самоучитель сартовского [узб.] языка. В 8ми ч. – Скобелев, 1919. Ч. 2. Ключ к азбуке. (Перевод слов). 18 С. [19–59]; Маджи Е.Н. Самоучитель узбекского языка. В 8-ми ч. – Фергана, 1926. Ч. 3. Вып. 3. Грамматика. (Этимология, синтаксис, фразы). [12] С. [26–337]. Ч. 4. Вып. 3. Ключ к грамматике. (Перевод фраз).[16] С. [26–338].

⁵ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 19, Туркестанский край. Под редакцией В.И. Масальского. 1914 г. С. 38.

Евлампи́й Николаевич Маджи – отец
А.Е. Маджи

А.Е. Маджи (второй справа) в семейном кругу

ритории Ферганской области, ее первый военный губернатор М.Д. Скобелев обратился к Туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману с предложением устроить административный центр не в отличавшейся плотной застройкой, загрязненностью и плохим климатом бывшей столице ханства – Коканде, а на новом месте, в районе кишлака Ас-Саке или Маргелана. Вскоре здесь началось строительство нового города, куда 27 апреля 1877 г. были официально переведены из Коканда областные учреждения. Выбором названия нового города занималась канцелярия Туркестанского генерал-губернатора. Уже тогда предлагались наименования «Фергана» или «Ферганск», но, в конце концов, остановились на компромиссном решении – Новый Маргелан. В декабре 1907 г. в двадцатипятилетнюю годовщину смерти героя Шипки и присоединителя Туркменистана генерала М.Д. Скобелева город был переименован в его честь, а на соборной площади установлена мраморная триумфальная колонна, увенчанная его бронзовым бюстом (работа скульптора А.Л. Обера). Имя первого губернатора Ферганской области город носил до 1924 г.

Новый город разместился 10–12 верстах от Старого Маргелана, выше по руслу речки Маргелансай, которая и была основным источником его водоснабжения. Явным неудобством оказалось наличие болот в северной и северо-западной части. Осушить их удалось не сразу. Поэтому долгое время малярийная лихорадка приносила городу немало бед.

При его планировке и строительстве была применена та же верная радиально-кольцевая система, что и при строительстве «русского Самарканда»:

центром планировочной структуры города была крепость, от которой веером расходились улицы⁶. Крепость находилась на окраине, на самом возвышенном месте, и от города была отделена широкой эспланадой. Обнесенная крепостными стенами, она имела в плане форму неправильного пятигранника с пятью выносными бастионами. Причем три бастиона находились на юго-востоке крепости и были направлены в сторону подходящих дорог, а два бастиона располагались на северо-западной стороне, беря под защиту артиллерией находящийся здесь город.

По направлению к этим бастионам были разбиты основные радиальные проспекты. На севере от цитадели, на краю города, возникла дача военного губернатора, а затем, вниз по саю, узкой длинной полосой разместился городской сад общественного пользования. В современном понимании этот утопающий в зелени город собственно городом и не был: до 1920х годов здесь не было водопровода и канализации, а твердое покрытие на проспектах (смесь песка и щебня) появилось только в 1909 г.!

Семья Маджи в Новом Маргелане. 1902 г.

На облик города повлияло и то, что он был расположен в стороне от основной железной дороги и не стал центром торговой и промышленной деятельности, уступив эту роль Коканду. Небольшая железнодорожная ветка, подходящая к окраине города от станции Горчаково, заканчивалась только станционными и складскими помещениями. Вся промышленность составляли пивоваренный завод и гренажная фабрика. Не было и рабочих окраин.

Чисто военно-административный характер города предполагал жизнь размеренную и благополучную: в 1897 г., накануне приезда сюда семьи Маджи, его население составляло всего 8977 человек, в то время как население прежней столицы Кокандского ханства – г. Коканда – приблизилось к 100 тысячам жителей!⁷

Вплоть до советского времени основой жилой застройки города были особняки, окруженные обширными садовыми участками. Вот каким предстал он перед сибиряком Евлампием Маджи в августе 1900 г.:

⁶ Нильсен В.А. У истоков современного градостроительства Узбекистана. - Ташкент, 1988.- С. 121.

⁷ Там же. - С. 122.

«В 2 часа дня наш вагон остановился перед маргеланским вокзалом... Маргеланский вокзал находится в верстах в 2-х от нового города. Из-за садов его не видно, так как он находится на равнине. У вокзала мы увидели десяток легких извозчиков и столько же ломовых. Легкие – четырехместные коляски, запряженные парю, а ломовые – с двухколесными арбами, каждое колесо которых превышало сажень. Мы сели в коляску, а багаж сложили в арбу; везти нас велели в номера Витте, помещающиеся вблизи мужской прогимназии. От вокзала в город ведет Самаркандский проспект, усаженный справа и слева высокими тополями, придающими городу очень красивый вид. Впоследствии, мы увидели, что и все другие проспекты также усажены тополями. В глухих переулках или на концах города встречаются аллеи с акациями, но только здешние акации вовсе не такие, как наши: в Сибири акация – куст, здесь – акация высокое, толстое и ветвистое дерево. У корней тополей и акаций слева и справа каждой улицы струятся быстрые, журчащие арыки или канавки с проточной водой, берущие начало из реки Ак-Сай. Вода в арыках почти везде прозрачная, как хрусталь».

Вот так – местами поэтично, местами до педантичности точно описывает Евлампий Николаевич поразивший его воображение русский город в глубинах Азии. Его путевой дневник, написанный во время долгой и тяжелой дороги от Тобольска до Ферганской долины, дает потому хорошее представление о местности, где провел свое детство и юность его младший сын, Андрей.

«Сегодняшним днем я оканчиваю описание путешествия из Тобольска в Маргелан. Но прежде, чем положить перо, я хочу написать несколько строк о Маргелане, чтобы ознакомить с ним моих тобольских читателей, которым я и посвящаю настоящий мой труд. Спешу оговориться при этом, что те сведения, которые я сейчас сообщу им, собраны в каких-нибудь три недели. Есть сомнения, что они будут очень поверхностны, но зато в них положено мое первое впечатление, полученное от житья в краю, столь резко отличающемся от Сибири.

Мы, сибиряки, понятие о городе привыкли соединять с рядами домов, близко стоящими друг к другу, с окнами на улицу; причем, что улица главная и там дома стоят гуще, а садов все меньше и меньше вокруг них.

Новый Маргелан совершенно не похож на такой город: густые аллеи тополей и акаций на улицах и большие сады при каждом доме совершенно закрывали собой дома и новому человеку, идущему или едущему по здешним улицам, кажется, что он идет лесом, а вовсе не городом. Это впечатление леса как-то гнетет вновь приезжего: он знает, что находится в городе, но города не видно! Вследствие этого получается какая-то пустота на душе, тоска одиночества. Как в лесу ни ягод, ни грибов всех сразу не увидишь – их искать надо, так и в Новом Маргелане дома надо искать между деревьев. Фергана присоединена к России 24 года назад; следовательно, Новый Маргелан возник очень недавно. Улицы его распланированы очень правильно. Его главные проспекты:

Самаркандский, Махрамский, Абрамовский, Кокандский – удивительно прямые, просто как стрела; побочные улицы почти везде идут к этим улицам под правильными прямыми углами; так что человеку, прожившему в этом городе 2 дня, уже нельзя заблудиться; но, тем не менее, в душе получается представление о парке, но не о городе.

Знакомство с Новым Маргеланом еще много облегчается прибитыми табличками с надписями их названий. Эти названия здесь уже не в таком духе, как в Тобольске или другом старинном русском городе.

В Тобольске, например, улицы получают названия по большей части от строящихся на ней церквей (таковы Большая Архангельская, Малая Архангельская, Ильинская, Петропавловская, Благовещенская, Захарьевская, Покровская, Рождественская), или же зовутся по своим физическим качествам (например: Мокрая, Болотная, Завальная) или по тем сословиям, что там живут (Кузнечная, Солдатская).

В Маргелане все названия улиц или исторические, или географические; или, наконец, взяты из исторического быта; его проспекты носят названия Самаркандский, Абрамовский, Махрамский, его улицы называются – Андижанская, Ошская, Чустская, Петербургская, Московская, Офицерская, Губернаторская, Штабная, Комендантская, Крепостная. Перечень тобольских улиц говорит, что Тобольск – старинный русский православный город, что в нем больше десятка церквей, окрестивших своими именами улицы. Совсем иное говорят жителям названия Нового Маргелана, перечень здешних улиц. Махрамский проспект напоминает им знаменитую Махрамскую битву, после которой было завоевано Кокандское ханство; Самаркандский проспект говорит им, что недалеко отсюда прежняя столица Тамерлана – Самарканд; Кокандский проспект напоминает, что нынешняя Ферганская область образована из Кокандского ханства; Абрамовский проспект назван в честь первого губернатора Абрамова; улицы города: Андижанская, Ошская и Чустская напоминают о городах Ферганской области – Андижане, Оше и Чусте; улицы Московская, Петербургская – напоминают им, что Фергана – часть обширной России; Губернаторская – напоминает, что Маргелан областной город; Офицерская, Комендантская – город военный.

Все главные улицы аккуратно поливаются каждый день, потому что при постоянном бездожде мельчайшая пыль после каждого проехавшего экипажа поднималась бы столбом. По всем городским улицам протекают канавки или арыки; арыки, кроме того, проводят воды в каждый двор и сад. С виду вода в них чистая, но пить ее некипяченую все брезгуют, так как в ней моют посуду (столовую и ночную) и белье. Водопровода в городе нет, потому что каждый житель может употреблять воду из протекающего возле дома арыка сколько угодно.

Я нанял четыре больших (не менее 5 аршин высоты), светлых комнаты за 16

рублей в месяц.

Против нас через дорогу течет речка Ак-Сай, где мы и черпаем воду. Квартира наша находится в восточной области города, квартала за три от его начала; речка Ак-Сай тоже втекает в город с восточной части, следовательно, в гигиеничном плане вода, даже в арыках перед нашей квартирой хорошая, она не успевает загрязниться. Совсем не такова вода в западных районах города: пройдя по всему городу, она напитывается кое-какими нечистотами; хотя на вид чистая, как хрусталь.

Скоро будет уже месяц, как мы живем в Новом Маргелане, но дождя до сих пор еще не было; в течение этого месяца пасмурных дней совсем не было. Вообще здешний климат и здешнее небо составляют прямую противоположность тобольскому. В Тобольске 2/3 дней в году пасмурные, а половина – с дождевыми или снеговыми осадками; небо тобольское постоянно пасмурное и потому беловатого или свинцового цвета; ветры там дуют каждый день. Совсем не то в Новом Маргелане. Небо здесь постоянно безоблачное и ярко-голубого цвета, ветров нет, дождей летом нет, да и осенью редки; климат здесь сухой, потому, что город стоит на песчаной почве; (Тобольск – город сырой потому, что стоит на болотистой земле, составляющей начало северной тундры). Вследствие почти постоянно пасмурной погоды у тоболяка невольно появляется меланхолическое настроение духа; здесь же в Маргелане при вечно ясном небе и на душе, как-то ясно.

Верстах в 50 от Нового Маргелана появляются Алайские горы (отроги Памира), они достигают 5 верст в высоту и очень хорошо видны из города. Особенно хороши у этих гор вершины, белеющие вечным снегом. Красив город Новый Маргелан и ночью, когда на небе блещут миллионы звезд и светит луна; тогда вы невольно наслаждаетесь прелестью теплой южной ночи, и ваше воображение переносит вас куда-нибудь в Египет, во времена Моисея: вам кажется, что вы живете в стране фараонов...

Красивых зданий в городе немного: православный собор (он один в городе), построенный из желтого кирпича, очень красив, он – в русско-византийском стиле; красива архитектура губернаторского дома, общественного собрания и Мариинского женского училища; остальные дома (обыкновенно одноэтажные) не выделяются своею архитектурю. Из туземных построек красива только мечеть, находящаяся на базаре; она имеет вид большого сартовского дома, состоит из большой комнаты и крытой галереи, все стены и даже карнизы последней изрисованы восточными узорами, преимущественно голубого цвета и надписями из Корана.

Мечетей с высоким минаретом, наподобие турецких, здесь не строят.

Мое описание города было бы неполно, если бы я не упомянул о здешних осах и кузнечиках. Ос здесь много множество: лишь только открой окно, и в комна-

те заведется десяток; укушение их очень неприятно – укушенное место краснеет, вздувается и чешется целые сутки. Кузнечиков здесь тоже очень много. Вечером, когда ложишься спать и оставишь форточку полой, то почти до полночи можно наслаждаться их серебристым треском, но они трещат здесь не как сибирские, а каким-то серебристым звуком.

Отправляясь из Тобольска в Маргелан, я побаивался туркестанской жары, но, несмотря на август месяца, который в Туркестане считается вполне летним, нам не пришлось ни в дороге, ни в Маргелане особенно страдать от высокой температуры. Между Тобольском и Тюменью нам пришлось ехать в шубах; на Урале, между Екатеринбургом и Пермью, мы тоже померзли; но зато в Казани уже мы застали жару – не сильную, но чувствительную; на Волге, вследствие северного ветра, было довольно прохладно; на пароходной палубе – так прохладно, что приходилось невольно прятаться от резкого ветра в каюту или одевать осеннее пальто. На Каспийском море во время бури тоже было прохладно (так как ветер был северо-западный), но потом от Петровска до Красноводска было тепло и даже жарко, хотя и не так, чтобы жара была нестерпима. На среднеазиатской железной дороге было жарковато, но заметно дувший ветерок навстречу поезду смягчал зной.

Но в Маргелане в первую неделю нашего приезда была порядочная жара, так что без белой одежды тяжело было выходить из дома, но в белом пальто или сюртуке было вполне сносно. (В эти жаркие дни я встречал на улицах сартов – рабочих вовсе без рубах, просто в панталонах; а ребята-туземцы на задних улицах бегали в «адамовых» костюмах).

Вообще без белой одежды в Маргелане так же нельзя летом обойтись, как в Тобольске нельзя обойтись зимой без шубы. С первых чисел сентября жара спала, и стало не жарче, чем в Тобольске летом; даже благодаря обильной тени от деревьев стало прохладнее, чем в Тобольске; но только здешняя теплота была ровнее, чем в Тобольске – т.е. вечера и ночи по температуре отличаются немного от дневной температуры.

На первых порах пришлось бороться нам здесь не с жарой, а с лихорадкой, которая помяла каждого из нас; я, жена и дочери хворали ею не больше суток, а маленькие мои сыновья на новом месте жительства похворали с неделю этой южной болезнью. Заболит голова, пропадет аппетит, бросит в жар и озноб и тошнит – это и есть лихорадка; во время ее чувствуешь себя, как во время морской болезни.

14 сентября я со всем семейством предпринял поездку в Старый Маргелан. Он находится в нескольких верстах от Нового. Дорога между ними застроена непрерывно, причем сады здесь еще обширнее; иногда встречаются огороженные глиняною оградю и поля, засаженные хлопком, кукурузою и джугарою (местное просо).

Хлопок с виду похож на наш картофель, но только это не травянистое, а кустарниковое растение; лист у него похож на лист плюща; плоды у него вначале похожи на зеленые орехи величиной с грецкие, а потом шелуха этих орехов желтеет, лопается и оттуда высовывается комок белой ваты. По дороге нам попались несколько мечетей, с виду они были похожи на ново-маргеланские – т.е. в виде домов, без минаретов. На полдороге нам попала одна красивая мечеть с высокими остроконечными воротами в бухарском стиле; это, вероятно, какая-нибудь мадраса, или мусульманская духовная семинария.

Если Новый Маргелан весь утопает в зелени благодаря аллеям тополей и акаций на его улицах, то этого нельзя сказать про Старый Маргелан: зелени на его улицах нет, если не считать ее в садах. Улицы старого города узки и кривы, одним словом, он, скорее, большой кишлак (туземная деревня), чем город; несмотря на то, что в нем насчитывается более 40000 жителей (в Новом Маргелане их только 10000).

Если в Новом Маргелане домов не видно из-за зелени деревьев, то в старом городе их не видно из-за глиняных заплотов; в новом городе дома построены по русскому обычаю окнами на улицу, в старом же их из-за заплотов не видно, видны только одни калитки в этих оградах, ведущие во дворы. Интересен старо-маргеланский базар: он занимает громадную площадь около квадратной версты, и все улицы его крытые (для защиты его от солнечных лучей); так что получается нечто в роде пассажа. Лавки есть небольшие и толпятся недалеко друг от друга. Народу масса: около каждой лавчонки по 5 человек, но шума и гвалту нет – все ведут себя удивительно чинно и тихо; нет нигде ни громких разговоров, ни смеха. Остановились мы в чайхане (или туземном трактире) выпить чай. Чайхана эта помещалась на открытом воздухе, под навесом, на площади. Невдалеке от нас сидели несколько сартов и пили чай. Опять та же – степенность и чинность! Право, не только на наших русских базарах, но на наших общественных собраниях или клубах мы, русские, держим себя гораздо шумнее. Честь и слава в этом отношении азиатам, с которых не мешало бы, взять пример нашим деревенским ярмаркам, где визг гармони и непечатная брань везде на каждом шагу так и режут уши.

Уже возвратившись из старого города, я узнал, что там есть постоянный двор, где останавливаются индусы. Очень жалко, что не посмотрел на этих английских подданных.

Оканчивая настоящее свое описание, не могу не пожалеть, что не успел побывать на Алайских горах и взглянуть оттуда на Ферганскую долину, с пятиверстной высоты, до этих гор не менее 30 верст, а потому и поездку туда придется отложить до весны будущего года. А хорошо будет с вершины снеговых гор посмотреть вниз на долину: панорама, наверное, будет восхитительная, и не хуже той, какую могут созерцать воздухоплаватели на воздушных шарах⁸.

⁸ Личный архив Маджи А.Е. Е. Н. Маджи. От Тобольска до Маргелана. (дорожные впечатления). Маргелан, 1900г. - Л.39-56.

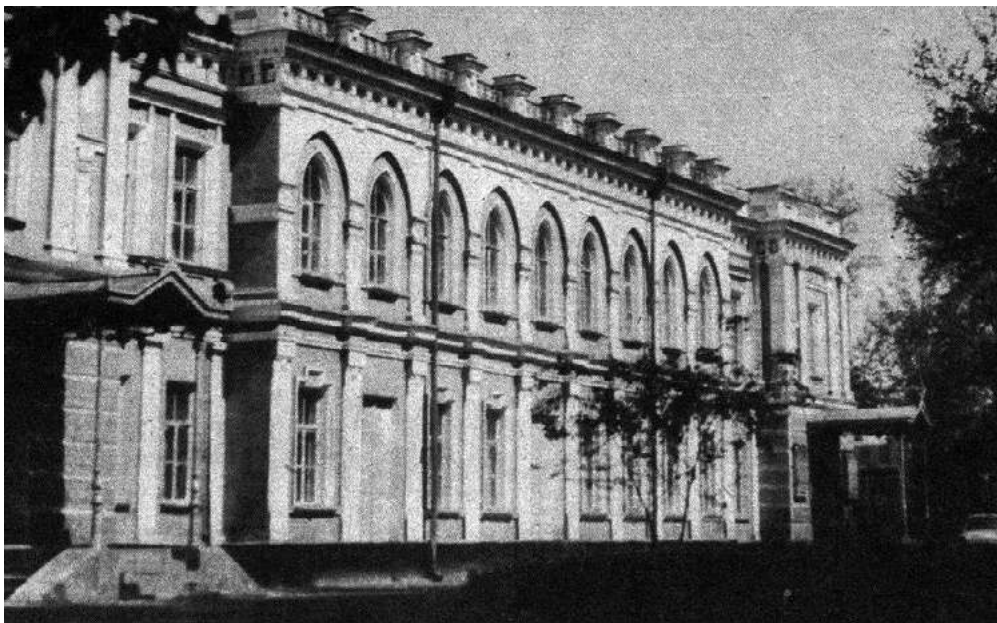
Гимназия

О детстве Андрея Маджи в Новом Маргелане (Скобелеве) практически ничего неизвестно: не осталось ни документов, ни воспоминаний родственников. Удалось найти лишь список третьего класса Скобелевской гимназии, где он учился и где среди тридцати семи одноклассников значится имя Маджи Андрея. Имена пяти его однокашников помечены звездочками – так отмечали в официальных документах людей неправославных, протестантского, армяно-григорианского или иудейского вероисповедания.

Андрею Маджи повезло – в первый класс он пошел в только что построенное здание новой мужской гимназии, возведенное по проекту известного в Туркестане русского архитектора Георгия Михайловича Сваричевского⁹. На успешность этого архитектурного проекта указывает то, что в 1902 г., когда началось строительство мужской гимназии в Новом Маргелане, его избрали для своих населенных пунктов градоначальники еще двух *«русских»* городов – Самарканда и Чарджоу. Здание массивное, прочное, построено в стиле *«кирпичного модерна»*, приверженцем которого был Г.М. Сваричевский. В солидности и монументальности другие здания учебного назначения в городе ему, несомненно, проигрывали; в том числе и мужская прогимназия на Большой Кокандской улице, где первоначально работал отец Андрея – Евлампий

---

⁹ Сваричевский Георгий Михайлович (1871-1936гг.). Окончил Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров (1895). С конца 1890-х гг. участвовал в проектировании и строительстве Ташкентской железной дороги. Автор типового проекта зданий мужской гимназии в г. Фергане, женских - в Самарканде и Чарджоу (начало 1900-х гг.), проекта Железнодорожной Благовещенской церкви г. Ташкента (1899 г., снесена в 1920-е гг.). Работал в стиле т.н. «кирпичного модерна». С 16 января 1935г. (утвержден опросом членов бюро ЦК КП Узбекистана) - председатель Оргкомитета Союза архитекторов Узбекистана. Женат. Жена - Надежда Федоровна (в дев. Керенская, старшая сестра правителя России Александра Керенского), умерла в апреле 1911 г. от тифа.

Здание бывшей мужской гимназии г. Скобелев (фото 1960-х годов)

Николаевич. Сначала в здании мужской гимназии, помимо учебных помещений, располагался пансион для учащихся и квартира директора.

А само здание Скобелевской мужской гимназии стоит и служит людям до сих пор: в советское время здесь располагался вначале Ферганский пединститут, сейчас – Ферганский государственный университет им. Улугбека!

29 мая 1916 г. Андрей Маджи завершил гимназическое образование и получил аттестат зрелости: *«Дан сей сыну потомственного дворянина Андрею Евлампиевичу Маджи, православного вероисповедания, родившемуся в г. Тобольске, Тобольской губернии тысяча восемьсот девяносто восьмого года, июля двадцать седьмого дня, в том, что он, вступив в Скобелевскую гимназию 15 августа 1907 года, при отличном поведении, обучался по июнь 1916 года и окончил полный восьмиклассный курс, при чем обнаружил нижеследующие познания...»*. Нас, учитывая дальнейшую судьбу юноши, среди оценок интересуют, прежде всего, те предметы, что сыграли роль в его дальнейшей учебе, как историка и востоковеда: *«русский язык с церковно-славянским – 5; латинский язык – 5; греческий язык – не обучался; история – 5; французский язык – 5; немецкий язык – 5»*. Те же пять баллов значатся в аттестате по всем остальным предметам. Решением педагогического совета Андрей Маджи был награжден золотой медалью¹⁰.

Единственно, что можно добавить к сему – это несомненные успехи юноши в

¹⁰ Личный архив Маджи А.Е. Е. Н. Маджи. Гимназия. Семья. Фергана. - Л.11-12.

Братья Петр и Андрей Маджи. Г. Скобелев. 1911 г.

рисовании и склонность к живописи. Качества – отнюдь не лишние для востоковеда в полевых условиях во времена, когда фотоаппарат для фиксации надписей, орнаментов или этнографических типов населения был огромной редкостью! В подборке из нескольких десятков акварелей, принадлежащих кисти А.Е. Маджи и выполненных в 1917–1925 гг., можно найти и его единственный рисунок гимназических времен – «Взятие Ак-Мечети», помеченный 1915 г.

Казалось, перед юным золотым медалистом открывался широкий путь выбора будущей карьеры, но надо помнить, что 1916 г. для России был вторым годом Первой мировой войны, полыхавшей на просторах родины от Балтийского моря до Черного! Напоминание об этом – Удостоверение Скобелевского военно-спортивного комитета от 29 мая 1916 г., свидетельствующее, что А. Маджи *«прошел курс допризывной подготовки и сдал испытание в Особой Комиссии в объеме программы, одобренной в Штабе Верховного Главнокомандующего и утвержденной военным министром. Кроме программы допризывной подготовки обучен стрельбе в цель из винтовки военного образца и езде*

*на велосипеде»(!)*¹¹. Согласно законам Российской империи того времени, европейское население, проживавшее в Туркестане постоянно, на воинскую службу не призывалось (равно как и все местное («*туземное*») население). Соответственно и во время войны они не подлежали призыву в действующую армию. Все это открывало перед юношей возможность продолжения образования в высшей школе.

---

¹¹ Личный архив Маджи А.Е. Е. Н. Маджи. Гимназия. Семья. Фергана. - Л.20.

Глава II. Избрание пути. Питомник «толмачей-практиков»

В 1916 г. Андрей Маджи поступает в Лазаревский институт восточных языков. Вряд ли этот выбор был для него случайным: в этом году как раз завершил свою учебу в этом вузе его старший брат – Петр. По-видимому, пример старшего брата был решающим в выборе будущей карьеры.

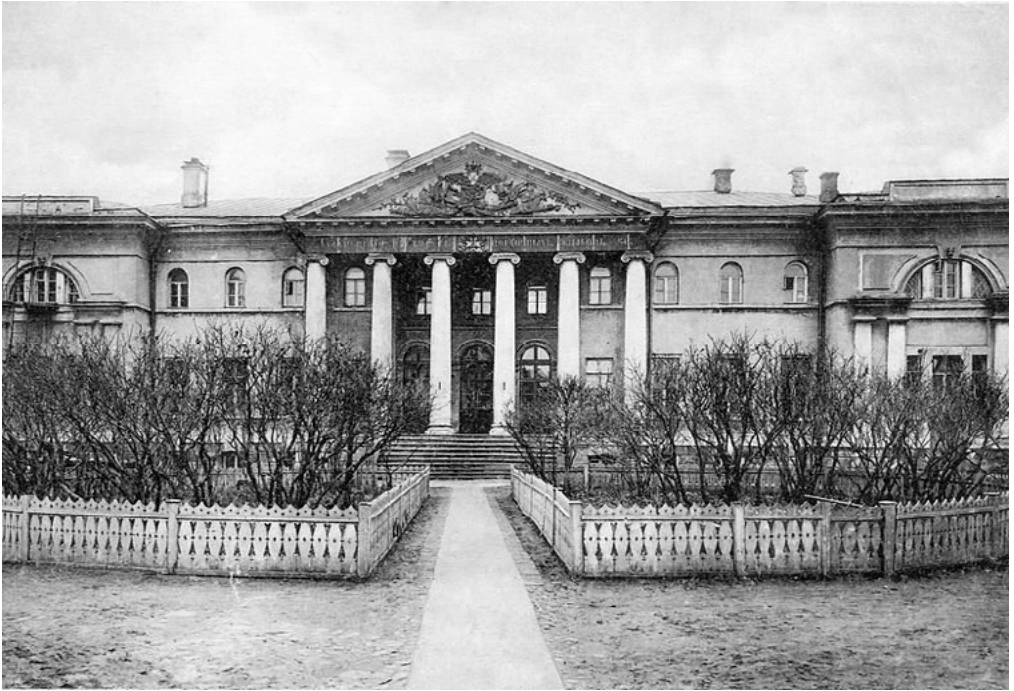
Известный русский и советский востоковед, Александр Александрович Семенов (кстати, один из преподавателей и наставников А.Е. Маджи по САГУ и постоянный его покровитель в последующие годы), сам в прошлом – питомец Лазаревского института¹², так вспоминал свою *«almamater»*: *«В Лазаревском институте я нашел то, что искал: я имел возможность удовлетворить свою любознательность и более или менее удовлетворительно изучил языки восточные»*¹³.

Лазаревский институт восточных языков был создан в 1815 г. как частное «Армянское Лазаревых училище» на средства богатой армянской семьи Лазарян (Лазаревых). В 1827 г. оно получило официальное наименование института и было передано в ведение министерства народного просвещения. Однако до 1848 г. фактически являлось гимназией с преподаванием армянского, персидского, турецкого и арабского языков. С 1848 г. по 1871 г. это – лицей с преподаванием восточных языков в старших классах. Институт, помимо под-

---

¹² А.А. Семенов окончил Лазаревский институт восточных языков в 1901г.

¹³ А.А.Семенов. Мое жизнеописание.(1899г.) – МОГИА, ф.213, оп.2, д.1234 (Личное дело студента Лазаревского института А.А.Семенова).- Л.8// Цит. по Б.А.Литвинский и Н.М.Акрамов. Александр Александрович Семенов (научно-биографический очерк) – М., 1971. – С.11.

Лазаревский институт восточных языков (ЛИВЯ). Фото нач. 20 в.

готовки к университету, а также учителей армянских школ, готовил чиновников и переводчиков с восточных языков. С этой целью правительство ввело дополнительные казенные стипендии, была расширена учебная программа.

По уставу 1872 г. институт фактически состоял из двух учебных заведений – гимназии и специальных классов с трехлетним сроком обучения арабскому, персидскому, турецкому языкам, а также истории, языкам и культуре Закавказья. Специальные, *«лицейские»*, классы в середине XIX в. преобразованы в специальные классы с преподаванием по программе восточного факультета Петербургского университета. Институт, таким образом, приобрел значение и одного из востоковедческих центров России. При нем была типография; институт издавал *«Эминовский этнографический сборник»* (6 выпусков) и *«Труды по востоковедению»* (1899–1917 гг.). В 1918 г. вуз закрыли из-за невозможности финансирования в условиях гражданской войны. В 1919 г. учебное заведение было преобразовано в Армянский, затем в Переднеазиатский институт, в 1920 г. – в Центральный институт живых восточных языков, в 1921 г. – в Московский институт востоковедения¹⁴.

Хотя курс обучения в специальных классах устанавливался в три года, число

¹⁴ См: А.П.Базиянц. Лазаревский институт восточных языков (исторический очерк), - М., 1959; Лазаревский институт восточных языков. Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. 1998-2014. Интернет ресурс.

лекций и занятий восточными языками было не только не меньше числа лекций восточного факультета Петербургского университета с четырехгодичным сроком обучения, но даже превышало их. Следует также иметь в виду, что, как отмечал известный русский арабист И.Ю. Крачковский, специальные классы Лазаревского института, прежде всего, подготавливали студентов для практической работы в странах Востока, тогда как восточный факультет Петербургского университета давал своим слушателям, наряду со знанием языков, широкую и глубокую подготовку в той или иной области востоковедения¹⁵.

В последние годы своего существования специальные классы занимались по программе, принятой в 1912 г. О ней стоит сказать особо. К изменениям в ней институт шел давно, но удалось это сделать только с приходом в 1911 г. на пост директора института профессора П.В.Гидулянова. Совет специальных классов, учитывая опыт предыдущих лет преподавания, решился на кардинальное изменение их учебного плана и устава, принятых еще в 1872 г.

А.Е. Маджи в форме студента Лазаревского института Восточных языков. 1916 г.

Было предложено, во-первых, включить в учебную программу ряд юридических дисциплин, а также политическую экономию. Во-вторых, было предложено расширить контингент абитуриентов за счет учеников реальных и коммерческих училищ, кадетских корпусов, духовных семинарий. Интересно, что совет прямо указал на то, что для целей специальных классов подготовка учеников коммерческих и реальных училищ, обладающих в целом лучшим знанием новых языков, более полезна *«для изучения Востока, чем воспитанников классических гимназий»*. Третье предложение совета касалось увеличения срока обучения до четырех лет. К разработке нового учебного плана специальных классов, а также программ новых дисциплин совет предложил привлечь профессоров и преподавателей Московского университета¹⁶.

Интересно, что предложения по преобразованию специальных классов Лазаревского института, разработанные московской профессурой, подверглись жесткой критике со стороны Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, что стало следствием разного видения целей преподавания востоковедческих дисциплин. В Санкт-Петербурге преобладало

¹⁵ И.Ю.Крачковский. Очерки по истории русской арабистики,- Избранные сочинения. Т.V, М-Л, 1958. - С.98.

¹⁶ Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт. Московский институт востоковедения. МГИМО.- М., 2015.- С.145.

Библиотека Лазаревского института восточных языков. Фото нач. 20 в.

классическое востоковедение с углубленным изучением древней и средневековой истории Востока, памятников литературы и культуры отдаленных эпох; целью преподавания являлось, прежде всего, воспроизводство ученых-востоковедов, специалистов высокого уровня по истории, филологии, литературоведению, лингвистике. Что же касается Лазаревского института, являвшегося главным центром востоковедения в Москве, то здесь с самого начала преследовались практические цели: получить в достаточном количестве, во-первых, переводчиков живых восточных языков, во-вторых, специалистов, превосходно разбиравшихся в современных культурных, правовых, общественно-культурных реалиях народов и стран Востока. Министерству иностранных дел, кавказской и туркестанской администрациям нужны были в большом количестве переводчики и чиновники. А поскольку Лазаревский институт был основан первоначально, как учебное заведение для армян, то наполнение востоковедческих дисциплин территориально ограничивалось Кавказом, Ближним и Средним Востоком.

В этой ситуации не удивительно, что петербургские профессора выступили, например, с критикой предложения расширить контингент абитуриентов. С их точки зрения, ученый-востоковед являлся *«штучным товаром»*, тогда как Лазаревский институт был призван относительно массово готовить переводчиков и чиновников с востоковедческой квалификацией. Профессура

Группа студентов Лазаревского института восточных языков (А.Е. Маджи – крайний справа во втором ряду)

Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, с одной стороны, предлагала делать упор в преподавании востоковедческих дисциплин на Средневековье, с другой – выступала против введения в преподавание общественно-экономических и юридических предметов. Совет специальных классов Лазаревского института, напротив, считал, что следует главное внимание в преподавании уделять современному периоду, а введение правоведческих и экономических дисциплин крайне необходимо для студентов института.

В то же время, совет принял замечания петербургских коллег, которые касались изменений в штатном расписании – было решено утвердить в специальных классах семь кафедр: 1. Арабской словесности (12 часов); 2. Персидской словесности (12 часов); 3. Турецко-татарской словесности (12 часов); 4. Армянской словесности (8 часов); 5. Грузинской словесности (8 часов); 6. Истории Востока (6 часов); 7. Русской словесности (6 часов)¹⁷.

Принятый в 1912 г. учебный план специальных классов Лазаревского института более четко выразил направленность учебного заведения на подго-

¹⁷ Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт. Московский институт востоковедения. МГИМО. - М., 2015. - С.146.

Знак об окончании Специальных классов ЛИВЯ

товку дипломатов и чиновников. С 1912-1913 академического года в специальных классах вводилось разделение на два отделения: дипломатическое и административное. В «Правилах испытаний для студентов специальных классов...» говорилось: «дипломатическое отделение предназначалось для лиц, желающих посвятить себя дипломатической деятельности или службе по Министерству иностранных дел. По административному отделению направляются лица, избирающие судебную или административную деятельность на наших окраинах, смежных с пределами Ближнего Востока, именно в Средней Азии, на Кавказе и т.д.»¹⁸.

В новый учебный план были включены следующие дисциплины: гражданское, торговое, государственное, международное, уголовное право, уголовный процесс, энциклопедия права, политическая экономия, а также история «восточного вопроса». Произошли изменения

в преподавании истории Востока. Курс древней истории Востока был упразднен, а вместо него было усилено преподавание «новой истории мусульманского Востока». Ряд дисциплин был выделен в группу «общих предметов», которые должен был сдать каждый студент независимо от того, на каком отделении он учился. К «общим предметам» относилось семнадцать дисциплин: арабская словесность, персидская словесность, турецко-татарский язык, история Востока, русская словесность, практика арабского языка, практика персидского языка, азербайджанский язык, восточная каллиграфия, энциклопедия права, политическая экономия в связи с финансами, основа гражданского права и процесса, торговое право, основы уголовного права и процесса, гражданский процесс, государственное право русское и главнейших иностранных держав в связи с административным правом, мусульманское право.

На первом курсе для студентов каждого из отделений начали вводить дисциплины специализации: на дипломатическом отделении – практика турецко-османского языка и французский язык; на административном отделении – армянская словесность и грузинский язык. Эти же предметы преподавались на втором курсе. К ним на последнем курсе добавлялся на дипломатическом отделении курс международного права, а на административном отделении – курс узбекского (сартовского) языка.

Среди студентов, поступавших в специальные классы, выделялось несколько

¹⁸ Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт. Московский институт востоковедения. МГИМО. - М., 2015. - С.146.

ко групп в зависимости от целей, которые они преследовали при поступлении. Особняком стояла немногочисленная группа студентов-востоковедов, проявлявшая глубокий, живой интерес к Востоку и восточным языкам. Большая часть студентов хотела получить образовательный ценз на дипломатическом поприще. Меньшая часть хотела приобрести аттестат, дававший право на поступление вообще на государственную службу. Но таких, с учетом трудности изучения восточных языков, было немного и, как правило, они покидали классы уже после первого полугодия.

Специальные классы имели значительное число стипендий в размере 300–400 рублей ежегодно: «Императорские», «Лазаревские», «Кавказские» и одна утвержденная калужским дворянством имени генерала М.Д. Скобелева. Благодаря этим стипендиям в специальных классах могли учиться и студенты из малообеспеченных семей. Материальная забота о них, кроме назначения стипендий, выражалась также в выдаче различных пособий, освобождении от оплаты за слушание лекций; в поиске возможности давать уроки; а также в устройстве для них дешевой столовой. Тем не менее, условия жизни студента из далекой Ферганской долины в предреволюционной и революционной Москве были не из легких. Это хорошо видно, к примеру, из единственного сохранившегося письма домой, в Скобелев, второкурсника Лазаревского института Андрея Маджи, помеченного 27 сентября 1917г.:

Здравствуйте!

Ну, вот я опять в Москве и совсем не зря приехал сюда, так как в нашем институте лекции начались еще с 1 сентября, правда только на 1-м курсе, но на днях, когда придет Крымский, начнутся они и на 2-м и на 3-м.

Петро надеется, что скоро получит из Петрограда командировку куда-нибудь в Персию и тогда он поедет туда через Скобелев, Самарканд и так далее.¹⁹ Надеется он также, что денежные прогонные и суточные получит не 50 рублей, а побольше. Вообще в финансовом отношении дела наши могут устроиться очень хорошо, но мы пока живем на 150 руб. Петрова жалования, да и на мои комиссарские (?), от которых теперь осталось всего 300.

Насчет питания у нас пока дело идет прекрасно, так как я на дороге в Актюбинске купил 2 белых ковриги без всяких карточек и всего за 2 руб. обе. Чаек попиваем с маслом, которое выдают, правда по 0,2 фунта в месяц на человека; одно время пили чай со свиным салом: прямо объедение.

Хозяюшка же наша все еще не оставила нас своими милостями: уже за неделю моего житья у нее она успела дать нам 0,8 фунта ветчины, пяток оладий на

¹⁹ Упомянутый в письме Петр Евлампиевич Маджи, старший брат А.Е. Маджи, так и не получил вожденной командировки в Персию, а, как следует из его автобиографии, опубликованной ташкентским историком В.В.Германовым, «поступил на службу в Московскую контору Государственного банка в качества канцелярского работника. Через год я был повышен в должности до помощника контролера 2-го разряда».

ореховом масле (однако мне мамыны олады на хлопковом масле несравненно покладистей!), угостила раз нас польским борщом со сметаной и свиной и картошкой с солью и со сливочным маслом и ко всему этому еще фунтами 3-мя (за все время) хорошего черного хлеба. Мы же на все эти милости могли дать ей лишь 0,2 фунта чаю (из банки), да несколько ломтей моей дыни. Кстати Петро больше всего обрадовался айващкам, хотя и варенье (отлично дошедшее) бережет как драгоценность.

А.М.

Москва, Малый Златоустинский переулок, д. 6, кв. 44, студенту Маджи.²⁰

Несмотря на все более спартанские условия существования в Москве, Андрей продолжал упорно *«грызть науку»*, готовя себя к будущему дипломатическому поприщу. В автобиографии от июля 1946 г. он упоминает, что «с 1916 года по 1918, учился в Москве в Лазаревском институте восточных языков, сдав экзамены до последнего курса, и подготовил под руководством профессора Крымского²¹ дипломную работу о Персии».²² *«Последний из могикан»* прежнего профессорского состава Лазаревского института, А.Е. Крымский, многое сделал для сохранения учреждения *«на плаву»*. В своих воспоминаниях о смутных годах революций профессор В.А. Гордлевский упоминает: *«После Февральской революции руководил «языками мусульманскими» (арабским, персидским и турецким) один проф. А.Е. Крымский, действительный член Украинской Академии...»*.²³

В условиях гражданской войны в Советской России система народного образования, в том числе и высшего, рухнула. Первый год гражданской войны стал переломным в судьбе учебного заведения: *«Проектируя в 1918 г. Этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института, Н.Я. Марр хотел подпереть ветхое здание; он цеплялся еще за мертвеца, подбирая обломки Лазаревского института. Однако наезды профессоров восточных языков Петроградского университета на время вносили оживление. Уезжали гости и вновь наступала провинциальная тишина»*.²⁴

Лазаревский институт вскоре был закрыт, и потому Андрей Маджи не успел получить диплом о его окончании. В своей автобиографии, написанной 27 января 1928 г., он указывает: *«Лазаревский институт я не закончил из-за за-*

²⁰ Личный архив Маджи А.Е. Гимназия, семья, Фергана. - Л. 4-5.

²¹ Крымский Афинагел Ефимович (1871-1942), известный русский и советский историк и востоковед, в течение двадцати лет профессор кафедры словесности и истории мусульман Лазаревского института восточных языков. Владел шестнадцатью живыми и классическими языками.

²² Личный архив Маджи А.Е. Автобиографии 1938-1954гг.- Л. 16.

²³ Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт. Московский институт востоковедения. МГИМО. - М., 2015.- С.214.

²⁴ Там же.

прещения в 1918 г. въезда в Москву и из-за хозяйственной разрухи»²⁵. Наверняка, большую роль в прерванной учебе сыграл и факт изоляции Туркестана от центральной России, и невозможность получения средств от родителей из далекого Скобелева.

В личном архиве ученого осталась справка, выданная уже в августе 1923 г. «правопреемником» Лазаревского института – Домом культуры Советской Армении: «Дано сие гражданину Андрею Евлампиевичу Маджи, в том, что, как видно из его дела, хранящегося в архиве бывшего Лазаревского Института Восточных Языков, ныне Дома культуры Советской Армении, он, Маджи, действительно состоял студентом специальных классов Лазаревского Института Восточных языков с 29 июля 1916 года по 1 июня 1918 года, и прослушал два курса сих классов в 1916/17 и 1917/18 годах»²⁶.

Справка понадобилась Андрею Маджи через пять лет после того, как он покинул стены Лазаревского института для поступления на восточный факультет Среднеазиатского университета (САГУ) в Ташкенте, где он, наконец, смог завершить свое востоковедческое образование. Но об этом позже. А пока впереди были годы гражданской войны, голода, безвременья...

---

²⁵ Личный архив Маджи А.Е. Автобиографии 1938-1954гг. - Л. 3.

²⁶ Личный архив Маджи А.Е. Документы о карьере 1917-1928гг. - Л. 1-2.

Глава III. Слом времен. «Оружие и пароль получить у дежурного...»

А.Е. Маджи. 1923 г.

Гражданскую войну в России советская историография отсчитывала с марта 1918 г., почему-то связывая ее с началом иностранной интервенции. Связь с ней смертельного противоборства граждан одной страны была явной натяжкой и никак «не умещалась» в хронологические рамки вооруженного конфликта, отмеченного то взятием Владивостока Красной Армией в ноябре 1922 г., то разгромом Сибирской добровольческой дружины генерала А.Н. Пепеляева в мае 1923 г. Однако, куда во всем этом было девать боевые действия против басмачей в Средней Азии, длившиеся вплоть до 1932 г.?! В советскую схему гражданской войны еще десять лет они никак не укладывались, оставаясь «висеть» в историографии как некие уголовные деяния людей аполитичных и алчных, используемых в своих целях сбежавшими за рубеж ханами, баями и прочими остатками прежних среднеазиатских элит, и, конечно – английским и французским империализмом...

История неумолимо подтверждает истину, что «беда не приходит одна»: крупные социальные потрясения непременно сопровождаются природными катаклизмами. Не будем искать «всемирные» примеры, а обратимся лишь к истории России. Почти непрерывная зима 1801–1803 гг., вызвавшая великий голод, предварила продлившуюся до 1813 г. Смуту; необычайно холод-

ные зимы 1812 и 1941 гг. во многом помогли русской и советской армиям в разгроме войск Наполеона и Гитлера; начало коллективизации в СССР совпало с небывалой засухой и голодом 1931–1932 гг. Не стал исключением и период великих социальных потрясений 1917 г. Описывая военно-политическую ситуацию в Средней Азии в этот период, военный историк В. Козловский прямо указывает на это: «Захват Оренбурга Дутовым отрезал Туркестан от Советской России, и призрак голода навис над всем краем. Хлеб стал исчезать с рынков. Суровая зима 1917–1918 гг. и гололедица (джут) погубили стада кочевников-киргиз и они толпами бросились в города, увеличивая собой кадры голодных и обездоленных»²⁷.

В личном архиве А.Е. Маджи, среди семейных документов, хранятся два относящихся к июню 1918 г. никак не озаглавленные стихотворения, подписанные псевдонимом «Амь». Скорее всего, они принадлежат перу Андрея Маджи. Это – интереснейшие свидетельства реального положения дел в Средней Азии того времени.

«Пришла пора и Ферганы

Торжествовать хотя немного,

Когда поля ее полны

Хлебами счастья земного.

Нам не узнать ее полей,

Где раньше хлопок разрастался:

Жестко ведь досталось ей,

Когда народ жмыхом питался.

Прескверно Матушка Россия

Надула нашу Фергану:

За хлопка грузы пребольшие

Без хлеба бросила одну.

Зато теперь ни пуда хлопка

---

²⁷ В.Козловский. Красная Армия в Средней Азии. - Ташкент, 1928г. - С.12.

*Решил не посылать дехкан;
Быть может, эта хоть уловка
Заставит вспомнить про Кокан.
Меж тем, что час, то больше спеет
Ячмень, пшеница и овес.
И пахарь лишь собрать успеет,
Как на базар продать повез.
И оттого цена упала
Муки на двух рублей с восьми.
И скупщиков орда напала
На продавцов плодов земли.
Но все же прочие продукты
Стоять как прежде поднялись
И лишь все спеющие фрукты
Чуть-чуть дешевке подались.
Но долго ль будем наслаждаться
Мы хлебом в два рубля за фунт
И сможем ли опять дождаться
Счастливых лет ... или не придут?
Амь.*

18 июня 1918 г.

Город Старый-Маргелан. Совдеп.

Точно снег глубокий
Все покрыл поля,
Это хлеб высокий
Родила земля.
Всюду тучный колос
Виден на стеблях
С нивы слышен голос:
«Дождались как раз!».
Это сарт-туземец
Вас приветствует.
«Не пришел бы немец»
Думаешь вослед.
Даром что ль терпели
Голод целый год
И не даром пели
Сарты свой «вайidot»:
Дай Аллах нам силы
Голод победить
Мы святых могилы
Свято будем чтить
Вера в Мухаммеда
Крепко в нас живет:
За все здешни беды
В рай нас путь ведет.

Там в садах тенистых

Будем на пирах

Среди трав душистых

С хлебами в руках

Амь.

19 июня 1918 г.

Город Ст.-Маргелан»²⁸.

Наиболее активное движение басмачества началось в 1918 г. именно в Ферганской области после кровопролитного штурма Коканда и ликвидации большевиками Кокандской автономии. Бежавшие жители города начали организованное сопротивление. По всей Ферганской долине и окрестностям стали создаваться отряды, которые возглавляли курбаши – полевые командиры.

Первоначально во главе сопротивления встал Кичик Эргаш (Маленький Эргаш), бывший начальник кокандской полиции. После его гибели движение возглавил Эргаш-курбаши, известный как Катта Эргаш (Большой Эргаш) – авторитетный кокандский мулла. К январю 1919 г. общая численность его отрядов достигала 15 тыс. человек. Помимо армии Эргаша, в 1918–1919 гг. в Фергане действовало до сорока повстанческих отрядов.

Крупный отряд организовал курбаши Мадаминбек, который не признал верховенства Эргаша и в 1919 г. сам возглавил движение. К концу марта 1919 г. численность басмаческих отрядов возросла, и они безуспешно пытались взять штурмом Андижан, перерезав железную дорогу.

22 августа 1919 г. Мадаминбек сумел заключить союз с Крестьянской армией русских поселенцев во главе с Константином Монстровым и 22 октября создал с ним коалиционное Временное Ферганское правительство. Под эгидой правительства отряды Мадамин-бека вновь объединились с отрядами Эргаш-курбаши и других ферганских полевых командиров.

В 1919 г. басмачи контролировали почти всю Ферганскую долину, кроме крупных городов и железных дорог. Большие силы повстанцев захватили Ош и повели наступление на Андижан, Скобелев и Наманган, но потерпели неудачу и отступили в горные районы.

Лучше всего положение того времени в крае охарактеризовал в своем докла-

---

²⁸ Личный архив Маджи А.Е. Гимназия. Семья. Фергана.- Л.52-53.

Отряд басмачей. Ферганская долина. 1920 г.

де на VIII съезде Советов 10 сентября 1919 г. главкомвойск Туркестанской республики И.П. Белов: *«Ферганский фронт – это наш внутренний фронт, там нет против нас тех организованных контр-революционных сил, с которыми мы имели дело на других фронтах... Зачастую разрозненные элементы, борясь против нас, ведут борьбу и между собой... Я затрудняюсь изложить Вам последовательный ход военных операций на Ферганском фронте. Они состоят из непрерывных разведок, непрерывных походов, непрерывной слежки за намерениями басмачей и воспрепятствования им проводить неоднократные нападения, которые они обдумывают в своих глухих и потайных убежищах»*²⁹.

В феврале–марте 1920 г.отряды Мадамин-бека потерпели серию тяжелых поражений и 6 марта он заключил соглашение с Красной армией, по которому признал советскую власть, а часть его отрядов волилась состав РККА.

Двадцатилетний Андрей Маджи, учась в Москве, а затем, вернувшись в родной Скобелев, не мог избежать участия в гражданской войне. Об этом он пишет кратко в одной из своих автобиографий:

²⁹ В.Козловский. Красная Армия в Средней Азии. - Ташкент, 1928. - С. 35.

«В революционных организациях или кружках до Октябрьской революции не участвовал. Активного участия в Октябрьской и Февральской революции не принимал. Во время Октябрьской революции участвовал в гражданской домовой охране в г. Москве (в течение 8–10 дней). В гражданской войне участвовал в Фергане в качестве бойца-добровольца в пяти эпизодах против басмачества в Маргелане и на ж/д линии Коканд–Андижан, а также нес дежурство на постах самообороны против басмачей в Маргелане, и в Фергане и в военном эпизоде против басмачей в Нанай-Бричмуллинском районе в горах Чим-гана.

Мое участие в борьбе с басмачеством может подтвердить бывший командир бывшего 8-го военно-продовольственного отряда, бывший рабочий каменно-угольных копей Кызыл-кия, т. Бондаренко и бывший военком отряда т. Илющенко, и бывший политработник 8-го отряда т. Знаменский. Командиров ферганского поезда-разведки участка Коканд–Андижан, в котором я был в одном его рейсе, не помню, а из бойцов помню т. Пославского, бывшего горнистом (теперь инженер), т. Чигрина (младшего), т. Сергеева. В эпизодах в Маргелане я участвовал в отряде Юфимца и добротряде служащих маргеланского совета под руководством бывшего председателя совета Радзиевского и (бывшего) начальника маргеланской милиции т. Семенова»³⁰.

В документах личного архива сохранилась и такая записка, отпечатанная неровными строчками на стареньком «ремингтоне»:

«Гражданину Маджи Андрею. Сегодня 7 мая (19)18 г. Вы дежурите на посту № 3. Вас сменяет Маджи Петр.

Примечание: За паролем и оружием являться к старосте от 7 до 8 час. вечера»³¹.

Даже и этих кратких строк достаточно, чтобы понять – Андрей Маджи оказался в центре ожесточенной вооруженной борьбы, уготованной Средней Азии на долгие пятнадцать лет!

К концу 1920 г. основные силы басмачества в Ферганской долине были разгромлены и появились условия для нормальной жизни. Для горожан-европейцев, не связанных с сельским хозяйством, остро стоял вопрос поиска работы: прежние государственные учреждения и промышленные предприятия края были закрыты или влачили жалкое существование, устроиться в системе новой власти было затруднительно – революция и гражданская война заставляли смотреть с подозрением на семью «потомственного дворянина Евлампия Николаевича Маджи» ...

А. Маджи был готов на любую более или менее подходящую работу в системе народного образования и активно искал ее. Свидетельство тому – ответы

³⁰ Личный архив Маджи А.Е. Автобиографии 1938-1954гг., Автобиография А.Е. Маджи от 28.01.1938г. - Л.34,15.

³¹ Там же.- Л. 2.

на его запросы со стороны официальных лиц области:

«20 августа 1918 г.

Ошский уездный совет

Народного образования

Ошский УСНО сообщает, что Ваше заявление касательно поступления в Ошское Высшее Начальное училище будет разбираться в первом из следующих заседаний Совета. О результате будете поставлены в известность.

Что же касается Хорогского русско-туземного училища, то там занятия начинаются 15 сентября. Училище находится в селе Хорог на Памирах. Расстояние от Оша приблизительно 700 верст. Население там – таджики. В селе Хорог расквартирован русский отряд. Проезд от г. Оша бесплатный, верхом на лошадях.

Зав председателя Совета, Баранов»³².

Из дальнейшей биографии А.Е. Маджи ясно, что в должности ему было отказано, но о его трудовой деятельности в период 1918–1919 гг. дает представление справка Новомаргеланского ревкома от 16 апреля 1923 г., где указано, что он «...действительно состоял на службе Маргеланского Совета журналистов с 6 июня 1918 г. до 1 августа того же года; с 1 августа 1918 г. до 26 января 1919 г. был бухгалтером хозяйственного отдела; с 26 января 1919 г. по 1 марта того же года временно исполнял обязанности заведующего отделом народного образования, информации, труда и социального обеспечения и биржи труда; с 1 марта по 1 августа 1919 г. (до увольнения согласно прошению) состоял секретарем и членом коллегии отдела народного образования»³³.

1 августа 1919 г. Андрей Маджи получил должность учителя в школе для рабочих на каменноугольных копиях Кызыл-Кия Ошского уезда, где проработал два года. Небольшой поселок в предгорьях Тянь-Шаня, название которого в переводе с киргизского языка означает «красная тропа». Местное население с давних пор примитивным способом добывало уголь для своих нужд с обветренных, смытых селевыми потоками отрогов холмов – открытых самой природой пластов. Его тогда называли «черный камень», который своей способностью гореть вызывал всеобщее изумление на мусульманском Востоке. По данным археологов, бурый уголь здесь добывали еще в IX–XII вв.

Этот шахтерский поселок был ровесником Андрея Маджи – в 1898 г. русский окружной инженер Михайлов сделал здесь первые геологические изыска-

³²Личный архив Маджи А.Е. Документы о жизни и деятельности за 1917-1928гг. - Л. 6-6 (об).

³³ Там же.- Л.9-9(об).

ния. Именно с этого года начинается история рудника «*Кызыл-Кия*». В 1901–1903 гг. французские предприниматели Шотт и Фосс заложили несколько наклонных шахт. В 1906 г. в ущелье Джал угольную копи открыл русский предприниматель Ракитин. В 1908 г. французские предприниматели продают участки русскому капиталисту Батюшкову. В этом же году он закладывает две вертикальные шахты и создает Акционерное общество. В него, кроме Батюшкова, вошли Калистратов и Шайкевич. Последний был представителем международного банка, тесно связанного с германскими финансовыми кругами. Германский капитал занимал командное положение. Он прибрал к рукам и Сулюктинские копи³⁴.

В 1908 г. в поселок пришла узкоколейка, соединившая копи с Ферганским железнодорожным кольцом. Не обошла стороной Кызыл-Кия и гражданская война: красногвардейские отряды из шахтеров оказали ожесточенное сопротивление как басмачам, так и «*крестьянской армии*» Константина Монстрова, не пустив их на территорию поселка.

Двухлетняя работа в школе шахтерского поселка была для Андрея Маджи не только педагогической деятельностью – он совершает поездки по окрестным горам, зарисовывает наскальные рисунки – петроглифы, проводит археологические разведки, зарисовки надписей на мазарах. Их результаты уже через несколько лет войдут в его научные статьи по истории и археологии Средней Азии. Список научных и методических работ А. Маджи в период между учебой в Лазаревском институте и САГУ впечатляет: «*Несколько среднеазиатских легенд*» (1918 г.); «*Современный среднеазиатский архитектурный орнамент*» (1919 г.); «*Туркестанский букварь для взрослых*» (1919 г.); «*Работы по металлу в политехнической школе*» (1920 г.); «*Археологические памятники Ферганы*» (1923 г.). Все они остались неопубликованными, большинство из них не сохранилось³⁵.

Не забывает Андрей Маджи и о живописи: его «*кызылкиинский*» период жизни отмечен множеством акварельных пейзажей и «*промышленных тем*» где запечатлены шахтерская узкоколейка, станционные и шахтные постройки.³⁶

В августе 1921 г. он был отозван Отделом народного образования в Маргелан, где работал бухгалтером, учителем-заведующим Горчаковской железнодорожной школой, а затем – учителем Маргеланского мусульманского мужского интерната³⁷.

³⁴ Сатыбалдыев Т. В назидание потомкам. Современный Кыргызстан, 2013г., 23 августа.

³⁵ Личный архив Маджи А.Е. Списки научных работ. Список неопубликованных научных работ Маджи А.Е. 10 августа 1953г. - Л. 5.

³⁶ Личный архив Маджи А.Е. Рисунки 1917-1925гг. - Л. 14-19.

³⁷ Личный архив Маджи А.Е. Документы о жизни и деятельности за 1917-1928гг. Копия удостоверения Маргеланского отдела народного образования от 12 апреля 1923г. - Л.11.

Глава IV. Учителя и наставники (САГУ)

После возвращения из Москвы Андрея Маджи не покидала мысль о продолжении учебы в вузе и получении полноценного востоковедческого образования. Осенью 1920 г. он обращается в Туркестанский Восточный институт с ходатайством о продолжении своего прерванного востоковедческого образования. Руководство Института согласилось на его зачисление в вуз при условии документального подтверждения сданных в Лазаревском институте предметов.³⁸ В условиях изоляции Туркестана в ходе гражданской войны сделать это А. Маджи не мог, и учеба вновь была отложена...

Мечта Андрея осуществилась лишь в 1923 г., когда он поступил на историко-филологический факультет Туркестанского университета (ТуркГУ).

В 1924 г., в связи с национально-территориальным размежеванием в Средней Азии, Туркестанский университет преобразуется в Средне-азиатский государственный университет (САГУ), целью которого является подготовка высококвалифицированных кадров для всех республик

Удостоверение (студенческий билет)
студента САГУ А.Е. Маджи

³⁸ Личный архив Маджи А.Е. Документы о жизни и деятельности за 1917-1928гг. Письмо Совета Туркестанского Восточного института от 1 ноября 1920г. - Л.14.

Средней Азии. Вопрос о положении университета стал предметом специального обсуждения на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 4 июля 1925 г., где была четко определена целевая установка вуза. Она заключалась в подготовке специалистов в соответствии с запросами УзССР и ТССР, а также Таджикской и Казахской автономных республик, Киргизской и Каракалпакской автономных областей. Политбюро сочло целесообразным осуществлять финансирование университета, обслуживавшего все республики Средней Азии, из бюджета СССР.³⁹

В 1924 г. в его состав вливается созданный в 1918 г. в Ташкенте по инициативе русских востоковедов Туркестанский восточный институт. Благодаря этому в составе САГУ появляется Восточный факультет с этно-лингвистическим и педагогическим отделениями.⁴⁰ На первом из них (по разряду иранской филологии) и продолжает учебу Андрей Маджи. Без сомнения, это слияние усилило как образовательную базу САГУ, так и его научный потенциал: с момента слияния двух вузов. Деканом Восточного факультета становится известный русский и советский арабист профессор А.Э. Шмидт.⁴¹ Эту должность он занимает до 1926 г., когда избирается проректором САГУ по учебной работе. На факультете он читал лекции по исламоведению, мусульманскому праву, мусульманской догматике, истории, арабской литературе и арабскому языку.

Вместе с ним на факультете преподают такие известные востоковеды, как В.В. Бартольд, А.А. Семенов, М.С. Андреев, Н.Э. Вундцеттель, А.А. Гаррицкий, И.И. Умняков, Н.Г. Маллицкий, Н.Ф. Гаврилов, А.М. Миронов и другие. Сейчас можно с уверенностью сказать, что А. Маджи просто повезло с преподавателем

³⁹ Интернет-ресурс. Википедия. САГУ.

⁴⁰ Акрамова Х. Ф., Акрамов Н.М. Востоковед Михаил Степанович Андреев. - Душанбе, 1973. - С.89.

⁴¹ Шмидт Александр Эдуардович (1871-1939гг.), русский и советский востоковед-арабист. В 1894г. окончил с дипломом первой степени арабско-персидско-турецкое отделение факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Имея блестящие способности к изучению языков, он прекрасно знал многие европейские, восточные и древние языки: французский, английский, немецкий, испанский, итальянский, голландский, латинский, греческий, древнееврейский и новоеврейский, арабский, персидский, турецкий и узбекский языки; и со студенческих лет проявлял склонности к научно-исследовательской работе. А. Э. Шмидт был учеником выдающегося русского востоковеда Виктора Романовича Розена. В. Р. Розен, считавший весьма важным для историка и арабиста изучение и чтение в подлинниках письменных памятников ислама, оказал чрезвычайно важное влияние на Шмидта и формирование его научных интересов. С конца 1917г. Александр Эдуардович принимал вместе с другими представителями научно-педагогической общественности активное участие в работе Организационного Комитета по делам намечавшегося к созданию в Ташкенте Туркестанского государственного университета. 31 августа 1919г. А. Э. Шмидт был избран заместителем ректора этого университета, и в этой должности он 17 января 1920г. был командирован в Ташкент, куда выехал в феврале 1920г., возглавляя первую группу профессоров, направленную в Ташкент «для подготовки почвы к окончательной деятельности двух организационных групп — московской и ташкентской». Кроме подбора преподавателей для университета, он также занимался комплектованием библиотеки для университета. Отправившись из Москвы 19 февраля 1920г., 10 апреля 1920г. А. Э. Шмидт во главе группы преподавателей университета прибыл в Ташкент на санитарном поезде №159. С конца 1920г. и до середины 1921г. он являлся деканом и профессором историко-филологического факультета Туркестанского университета. В апреле 1920г. А. Э. Шмидт избирается профессором Восточного институ-

Научный кружок Восточного факультета САГУ
(А.Е. Маджи в четвертом ряду, второй справа). 1927 г.

лями – все они составляли тот самый костяк русского востоковедения в Средней Азии, что сформировался здесь в конце XIX.– начале XX в. Подавляющее большинство из них – это выпускники петербургских и московских вузов, ученики всемирно известных русских востоковедов, сами – признанные в Европе *«корофеи туркестановедения»!* Буквально через два года после окончания А. Маджи САГУ в 1930 г. все они будут арестованы по обвинению в *«анти-советской деятельности»* и школа русского востоковедения в Средней Азии перестанет существовать ...⁴²

Но те четыре года, что Андрей Маджи провел в стенах САГУ, были подлинным *«золотым веком»* как для ориенталистики региона, так и востоковедче-

---

та, который создавался в Ташкенте одновременно с университетом, а в декабре 1920г. становится его ректором. На этих должностях он находился до середины 1921г. Под его председательством в 1920–1922гг. при Туркестанском университете функционировало Общество историко-филологических и социально-экономических наук. Он также состоял членом Совета Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис). А. Э. Шмидт стал деканом Восточного факультета САГУ. И в этой должности он пробыл до 1926г., когда он был назначен проректором САГУ по учебной работе. В 1930году А.Э.Шмидт по решению коллегии ОГПУ в г. Ташкенте был выслан в г. Алма-Ату в числе 11 человек, профессоров и преподавателей Восточного факультета САГУ.

⁴² Германов В. Потомки веницианского клана Маджи в Петербурге, Тобольске, Ходженте, Фергане, Бухаре, Ташкенте, Душанбе. Часть 1.// Восток Свыше, 2011г., №22-23.- С.67.

ского образования, специалистов, учащихся на Восточном факультете университета.

В личном архиве А. Маджи остались самые разные свидетельства о его преподавателях: конспекты лекций; письма; воспоминания о них; общие фотографии. Сохранились четыре толстые общие тетради конспектов, которые А. Маджи вел на третьем курсе: «*История персидской литературы по лекциям проф. А.А. Семенова*»⁴³ и «*Персидская метрика по лекциям проф. А.А. Семенова*». Еще двумя студенческими конспектами, сохранившимися в личном архиве А. Маджи, являются «*Материалы к зачету по исламоведению*», а также «*Заметки по персидской грамматике по лекциям профессора А.А. Семенова*».

Огромный интерес представляют коллективные фото, где Андрей Маджи запечатлен вместе со своими товарищами из научно-студенческого общества и наставниками-профессорами. На одной из таких фотографий выпускного курса САГУ за 1927 г. (снимок курса, окончившего САГУ в 1928 г., сделан, судя по всему, в начале учебного года) рядом со студентами весь цвет среднеазиатского востоковедения: В.В. Бартольд, А.А. Семенов, М.С. Андреев, Э.А. Шмидт, И.И. Умняков, Н.Э. Вундцеттель, А. Кузнецов, А.М. Миронов.

Среди преподавателей САГУ, сыгравших главную роль в становлении А. Маджи, как исследователя-востоковеда, особое место занимают те из них, с кем ему пришлось совместно работать позже долгие годы в Таджикистане. Это, прежде всего, Михаил Степанович Андреев и Александр Александрович Семенов. Оба этих русских ученых, профессиональная известность к которым пришла еще до 1917 г., стали своеобразным связующим звеном между дореволюционным среднеазиатским востоковедением России и советской школой в этой области науки.

М.С. Андреев – выпускник Ташкентской учительской семинарии и знаменитого ташкентского медресе Ишан-Кули-Додхо – за первые два десятилетия XX века успевает приобрести не только широкую известность как специалист в области этнографии, истории и филологии народов Средней Азии, Индии и Афганистана, но и зарекомендовать себя на поприще дипломатии. Ему предстояло сыграть важнейшую роль в организации востоковедческого образования в Средней Азии.

---

⁴³ Личный архив Маджи А.Е. Студенческие конспекты САГУ. Лекции А.А. Семенова. Л.1-95. История персидской литературы по лекциям проф. А.А. Семенова. ч.1. (первое полугодие). Записки студента III курса А. Маджи, последние лекции записаны студентом Н.Ф. Левицким. 1924/25г. Общая тетрадь (92 стр.) заводского изготовления, скрепленная двумя скрепками, в коричневой обложке. Размер 21/17 см. Текст написан синими (или фиолетовыми) чернилами, первые страницы – сильно выцветшие. Судя по правильности записи текста, почти полного отсутствия исправлений, это – не стенограмма лекции, а вторичная переписка. Персидская метрика по лекциям проф. А.А. Семенова. Записал студент III курса А. Маджи. 1924/25 год. Тетрадь (14 листов), заводского изготовления, сшитая по корешку нитками, в коричневой обложке. Размер 21/17 см. Судя по ветхости тетради, она подвергалась реставрации (подклейка, сшивание). Текст написан синими (или фиолетовыми) чернилами.

Сразу после Октябрьской революции в Советской России, проводившей активную политику на Востоке, стала ощущаться острая нехватка в кадрах востоковедов. Это привело к возникновению специализированных учебных заведений, факультетов, отделений или кафедр в Москве, Петрограде, Ташкенте и других городах. Решено было создать восточный факультет и при Туркестанском народном университете. Однако собранная для этого в октябре 1918 г. инициативная группа, в которую входил и М.С. Андреев, сочла целесообразным создать не факультет, а самостоятельный Восточный институт. Задачей этого учебного заведения с четырехлетним курсом обучения определялось: 1) изучение Востока лицами, желающими работать в Туркестане или сопредельных странах; 2) подготовка кадров ученых-востоковедов для всестороннего научного изучения Туркестанского края; 3) подготовка с помощью представителей коренных национальностей Туркестана лиц, могущих в будущем являться проводниками европейской культуры и науки в широких массах коренного населения⁴⁴.

Необходимость открытия такого вуза назревала давно: еще в 1902 г. известный русский востоковед С.Ф. Ольденбург писал: *«Крайне желательно было бы, чтобы Россия сделала попытку дать прочное обоснование русскому востоковедению основанием ученой школы на Востоке. Ташкент мог бы явиться прекрасным центром для деятельности этой школы, из которого можно было бы изучать не только русские среднеазиатские владения, но и Персию, Афганистан, Кашгарию, Тибет и даже Китай и Монголию»*⁴⁵.

8 ноября 1918 г. новый вуз, ректором которого был назначен М.С. Андреев, начал свою деятельность. За время своего недолгого и трудного существования (1918–1923 гг.) Восточный институт сумел *«обкатать»* подготовку востоковедов *«со среднеазиатской спецификой»*, что стало основой в дальнейшем обучения на восточном факультете САГУ. Здесь в обязательном порядке изучали как восточные языки – арабский, персидский, таджикский, китайский, урду, пушту, турецкий, узбекский, туркменский, киргизский (как в то время именовался казахский), кара-киргизский и кара-калпакский, татарский и сартовский, так и европейские – английский, французский и немецкий. Преподавали также этнографию среднеазиатских этносов, географию и историю региона, юриспруденцию (мусульманское право), археологию, нумизматику, восточную каллиграфию.

Некоторые из перечисленных предметов – языки пушту, урду, татарский, турецкий и азербайджанский, немецкий и французский – были факультативными, не обязательными для всех учащихся. Однако, в связи с отсутствием в институте ряда специалистов, изучение того или иного языка временно упразднялось. Постепенно преподавательский состав Восточного института

⁴⁴ Акрамова Х.Ф., Акрамов М.Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев. Душанбе, 1973. - С.84.

⁴⁵ Цит. по Назарьян Р. Из истории Туркестанского восточного института (1918-1923)// Восток Свыше, 2016., №1-2. - С.82.

пополнялся квалифицированными специалистами, были открыты несколько новых кафедр. В 1922 г. штат педагогов насчитывал 27 человек, пятеро из которых были профессорами.

Для студентов с третьего курса предусматривалась специализация. Третьекурсники могли либо углубленно изучать языки тюркской или иранской группы, специализироваться по исламоведению или арабской филологии. Кроме того, для них было создано так называемое «*практическое отделение*», на котором преподавались общественные науки – обществоведение, статистика и социография Средней Азии, экономика, экономическая география и история хозяйственного быта Туркестана, международное право и международная торговля. Как здесь не вспомнить подобную же специализацию в Лазаревском училище восточных языков, готовящую «*администраторов для Кавказа и Туркестана*»!

За всю недолгую историю Восточного института в нем состоялось два выпуска – в 1922 и 1923 гг., после чего он прекратил свое существование, превратившись в отдельный факультет САГУ, который и окончил в 1928 г. Андрей Маджи.

М.С. Андреев читал в Восточном институте, а затем на Восточном факультете САГУ курс по языку и этнографии таджиков. Сохранились программы его курсов, наглядно свидетельствующие о совершенствовании методических навыков, расширении научного кругозора ученого.

Так, для студентов третьего курса обучения, в I–II семестрах предусматривалось рассмотрение следующих вопросов:

I. Определение названия «*таджик*» в пределах современного расселения таджиков. Разделение таджиков по диалекту. Равнинные и горные таджики. Главные районы обитания таджиков. Типы таджиков.

II. Материальная культура: жилища, одежда, утварь, пища. Главные занятия: 1) земледелие, ремесла, промыслы; 2) скотоводство; 3) торговля и др.

III. Обычаи, сопровождающие различные случаи жизни: рождение, обрезание, детский возраст (игры и пр.), свадьба, похороны, поминки и др.

IV. Религия официальная и народная. Формы мусульманства. Следы старых верований. Мифология и демонология. Уранологические представления. Культ духов предков. Мазары. Почитание деревьев, огня и пр., лечение болезней, колдуны, знахари и пр.

V. Семья, община, общинное право. Процесс ассимилирования таджиков с окружающими народами и обратный процесс.⁴⁶

⁴⁶ Акрамова Х.Ф., Акрамов М.Н. Указ. Соч.- С.88.

В архиве А.Е. Маджи сохранился фрагмент конспекта лекций по этнографии, посвященный таджикам и сартам, т.е. узбекскому населению Средней Азии, где М.С. Андреев дает не только подробную характеристику всем элементам духовной и материальной культуры этносов, но и статистику о численности населения региона в разные годы в среднеазиатских ханствах⁴⁷. Материал, несомненно, представляет интерес и для современного исследователя-этнолога.

В САГУ М.С. Андреев руководил также работой студенческих научных кружков. Для их членов им была составлена подробная программа работы кружка по сбору лингвистико-этнографических сведений среди местных жителей. Михаилу Степановичу принадлежит также и инициатива организации первых экскурсий студентов Восточного факультета САГУ в Самарканд, Бухару, долину р. Ангрэн, по старому Ташкенту. В ходе этих поездок предполагались и небольшие археологические раскопки. Всеми группами студентов должны были руководить профессора САГУ.

И, конечно же, для А.Е. Маджи главной «экскурсией» под руководством М.С. Андреева стала его годовая поездка в Афганистан в 1925–1926 гг., сыгравшая в судьбе тогдашнего студента-третьекурсника большую роль. Однако об этом – в свое время.

Отмечу только, что много позже окончания университета А.Е. Маджи, М.С. Андреев так характеризовал научные штудии своего ученика в САГУ: «А.Е. Маджи я знаю давно, еще в бытность его студентом иранского отделения восточного факультета САГУ... Еще во время пребывания своего в стенах университета студент Маджи обращал на себя внимание своим серьезным отношением к работе и, не довольствуясь проработкой порученных ему тем, сам самостоятельно избирал дополнительные темы по интересовавшим его тем или иным вопросам среднеазиатского цикла – темы, связанные со сбором материала среди местного населения, проводившимся им самым добросовестным образом, со следовавшей затем обработкой им собранного»⁴⁸.

Научные и человеческие связи учителя с учеником не прервались и позже, когда они вместе работали в Таджикистане. После трагической гибели М.С. Андреева в 1948 г. большую помощь А.Е. Маджи и его семье продолжала ока-

План археологических экскурсий А.Е. Маджи по Ферганской долине в 1925 г.

⁴⁷ Личный архив Маджи А.Е. Конспекты студенческих лекций. Материалы по таджикам и сартам. - Л. 1-20.

⁴⁸ Личный архив Маджи А.Е. Отзыв на научную деятельность А.Е.Маджи. Отзыв М.С.Андреева всвязи с рекомендацией на Маджи получения звания доцента. 1936г.- Л.1-2.

зывать супруга ученого – Антонина Константиновна Писарчик. Так, в архиве Андрея Евлампиевича сохранилось ее письмо⁴⁹ с рекомендациями относительно подготовки к печати одной из его курсовых студенческих работ – «*Арба ферганская*»⁵⁰, дающее характеристику этому самому распространенному с древних времен средству колесного транспорта в регионе. В том, что эта работа А.Е. Маджи, через пятьдесят лет после ее написания и четырнадцать лет после смерти автора, все же увидела свет на страницах научного издания – тоже заслуга А.К. Писарчик.

Другой наставник А.Е. Маджи в САГУ – Александр Александрович Семенов – также широко известен в отечественном востоковедении как историк, филолог-иранист, археолог, религиовед и организатор науки. В Таджикистане его помнят, прежде всего, как создателя и первого директора Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Однако открытие этого научного учреждения было лишь эпизодом в научно-организационной работе А.А. Семенова в 1920–1930-х гг. В 1918–1920 гг. он становится одним из инициаторов и организаторов Туркестанского университета⁵¹ в Ташкенте. По рекомендации восточного факультета Петроградского университета в мае 1919 г. А.А. Семенов был избран профессором по кафедре персидской словесности историко-филологического факультета Туркестанского университета. Однако до создания самого учебного заведения было еще далеко: не было помещения, финансирования, учебников, парт, столов, досок и прочего оборудования. Его доставили в Ташкент в апреле и августе 1920 г. два «*университетских эшелона*». Выехавший с первым из них А.А. Семенов, заболел в дороге сыпным тифом и был снят с поезда для лечения в военном госпитале⁵².

7 сентября 1920 г. Туркестанский государственный университет начал свою работу, в которой А.А. Семенов принял самое активное участие: на протяжении двух с половиной десятилетий (если исключить перерывы, связанные с политическими репрессиями) он был профессором этого вуза. Здесь и в Восточном институте А.А. Семенов в начале 1920-х гг. читает следующие курсы: введение в иранскую филологию, персидскую словесность, персидскую литературу, персидский язык (на старших курсах), историю исследования Туркестана, археологию Туркестана⁵³. Конспекты лекций третьекурсника А. Маджи по некоторым из этих предметов сохранились в его личном архиве. Сохранились печатные программы по этим курсам.

Курс персидской литературы начинался с темы «*Значение персидской литературы в эволюции арабских и западноевропейских литературных тече-*

⁴⁹ Личный архив Маджи А.Е. Курсовая работа студента САГУ. - Л.1-1а.

⁵⁰ Маджи А.Е. Арба ферганская.// Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук, 1976., №2. - С.21-28.

⁵¹ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. М., 1971.- С.71.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

ний». А.А. Семенов давал очерк среднеперсидской литературы, затем переходил к новоперсидской.

Имеется также программа по курсу «Персидская словесность», первой темой в которой как раз и значится «Персидская метрика», как и озаглавлен сохранившейся конспект. Насколько можно судить из программы, весь остальной предмет

состоял из практических работ с персидскими текстами и языковой практики. Правда, на одном из отделений этот курс читался А.А. Семеновым по другой программе, которая включала темы о суфизме, А. Фирдоуси и перевод на русский язык⁵⁴.

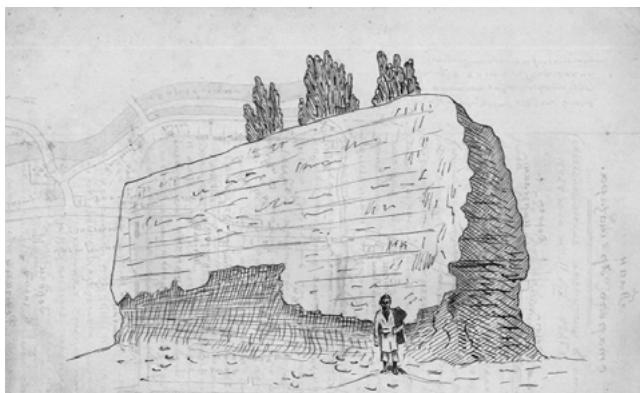

Рисунок из дневника археологической практики А.Е. Маджи. 1925 г.

Учитывая огромный интерес А.Е. Маджи к археологии и его многочисленные труды в этой области по территории Таджикистана и Афганистана, исключительный интерес представляло бы раскрытие содержания курса «Археология Туркестана», прочитанного А.А. Семеновым. Однако ни программы, ни текста этого курса до настоящего времени обнаружить не удалось.

По воспоминаниям бывшего его слушателя, доктора исторических наук В.А. Шишкина: «А.А. Семенов, наряду с А.Э. Шмидтом и М.С. Андреевым являлся одним из авторитетнейших ведущих работников Туркестанского восточного института, а позднее восточного факультета (САГУ–В.Д.).

Лекции А.А. отличались строгой методичностью. Иногда они казались несколько суховатыми благодаря главным образом чрезвычайно замедленной и размеренной речи лектора, монотонному чтению – почти диктанту, который было легко записывать, да и самому построению лекции, сводившейся зачастую к перечислению фактов. В значительной мере это было обусловлено тем обстоятельством, что руководств и пособий в распоряжении студентов в то время почти не было, и записи лекций представляли единственный источник сведений по читавшимся предметам. Однако несомненной была большая эрудированность автора лекций и насыщенность их тщательно проработанным учебным материалом.

Безукоризненной и даже педантичной всегда была аккуратность А.А., никогда не позволявшего себе нарушения расписания, опозданий на лекции и т.п.»⁵⁵.

⁵⁴ Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семенов. М., 1971.- С.79.

⁵⁵ Там же.- С.79.

А.А. Семенов и после окончания А.Е. Маджи университета продолжал оказывать помощь своему бывшему ученику. По воспоминаниям дочери Андрея Евлампиевича – Татьяны Андреевны Маджи, именно благодаря Семенову ее отец был принят на работу в созданную в 1951 г. Академию наук Таджикской ССР, где проработал вплоть до своей смерти в 1962 г.

Сама учеба для Андрея Маджи, судя по его студенческим работам, была истинным наслаждением – он чувствовал в востоковедении свое призвание! Однако условия, в которых ему приходилось учиться, оставляли желать лучшего. Вот как отражен студенческий период в его собственной автобиографии за 1938 г.:

«С 1923 по 1927 гг. был студентом САГУ, окончив четырехгодичный курс фактически не в 4 года или в 5, но в 3 года, причем в первый год учебы пытался работать учителем русского языка в одной из узбекских школ Ташкента, так как не получал никакой стипендии. Работу в школе, однако, оставил, чтобы не ухудшить учебы. Средства на существование получал от летней работы сперва на должности учителя двухмесячных учительских курсов в Фергане, затем в должности статистика в г. Китабе. Двухмесячный заработок делил на 10 месяцев учебы и таким образом имел возможность во время учебы не служить»⁵⁶.

Первый год материально помогал и отец, преподававший на Ферганских пехотных командирских курсах, однако в начале 1924 г. он уходит на пенсию. Второкурсник А. Маджи обращается в ректорат института с просьбой назначить ему *«пособие в размере прожиточного минимума»⁵⁷*. Было ли ему назначено такое пособие – неизвестно, но материальные условия существования оставались очень тяжелыми. Если учесть при этом, что Андрей Маджи еще до поступления на учебу в университет страдал *«хроническим ревматизмом, болезнью сердца и малярией»⁵⁸*, нужно признать, что постижение любимых предметов давалось нелегко.

Еще одно свидетельство тому – анкета, заполненная студентом А. Маджи для личного дела. Пункты этого документа беспристрастно зафиксировали и условия жизни, и состояние здоровья человека:

- «Получаете ли стипендию и в каком размере?

- Назначена стипендия 4-й категории, сколько – неизвестно, еще ни разу не получал.

⁵⁶ Личный архив Маджи А.Е. Автобиографии 1938-1954гг. Л.6.

⁵⁷ Личный архив Маджи А.Е. Документы о жизни и деятельности за 1917-1928гг. Прошение в правление ТВИ от студента 2-го курса А,Маджи.3.02.1924г.

⁵⁸ Личный архив Маджи А.Е. Документы о карьере 1917-1928гг. Медицинское свидетельство от 28 апреля 1923г. Л.25 -25об.

- Каждый ли день едите горячую пищу?
- Не каждый.
- Расход последний месяц на пищу?
- 13 руб. 80 коп.
- Где живете и сколько жилой площади приходится на вашу долю?
- В общежитии. 3,5 кв. метра.
- Болели ли за последние годы острыми болезнями (тиф, воспаление легких, острый ревматизм и др. тяжелыми болезнями)?
- Ревматизм (лежал неделю), тиф, флегмона (была операция).
- Болели ли за последние годы хроническими болезнями (туберкулез, невралгия, малярия)?
- Болел малярией
- Чем больны в настоящее время?
- Геморроем, инфлюэнцей, ревматизмом.
- Если болеете и лечитесь, то, сколько тратите в месяц на лечение?
- Ничего».

В этой анкете весьма интересными для нас являются пункты 39 и 40:

«-Имеете ли специального интереса, в какой либо отрасли знания, кроме тех, которыми вы занимаетесь в университете?»

- Имею.
- Не занимаетесь ли какой либо отраслью искусства?»
- Живопись, лепка»⁵⁹.

Об этой сфере интереса Андрея Маджи необходимо сказать особо. В его личном архиве сохранилось несколько сот рисунков археологических и архитектурных объектов, сделанных в основном карандашом или чернилами – они на отдельных листах (часто обороте платежных квитанций и ведомостей),

⁵⁹Личный архив Маджи А.Е. Автобиографии 1938-1954гг. Медицинская анкета студента 15 февраля 1925г. - Л. 1-4.

Рисунок из дневника археологической практики А.Е. Маджи. 1925 г.

в тетрадях с конспектами, дневниках, на полях научных докладов и т.д. Их автор, несомненно, обладал дарованием художника, что было неоценимым подспорьем в его востоковедческой деятельности.

В отдельной папке сохранилось тридцать две акварели и карандашных рисунков жанрового характера. Это пейзажи и портреты, выполненные Андреем Евлампиевичем в период его учебы в гимназии, работы в Фергане, Уч-Кургане, Кызыл-Кие, Ходженте, Гарме. Самый ранний из них – «Осада Ак-Мечети», помеченный январем 1915 г. Со слов дочери А.Е. Маджи Татьяны Андреевны, в 1950–1960-е гг. ее отец участвовал в выставках художников Таджикистана, однако экспонируемые там работы были утеряны...

Наиболее ранние материалы о студенческом периоде жизни А.Е. Маджи относятся к 1924 г., когда он был направлен для этнографической и языковой практики в гг. Китаб и Шахрисабз. Она проходила в Китабском районном исполкоме и заключалась в переводе заявлений и жалоб посетителей с узбекского и таджикского языков на русский. К незапланированным археологическим экскурсиям по городу Андрея Евлампиевича, судя по его воспоминаниям, подвигли беседы с мирзо – секретарем исполкома, высказавшим свою версию происхождения топонима Китаб.⁶⁰ В результате появилась статья «Об остатках старины в городах Китабе и Шахрисабзе. Археологическая часть из дневника практики студента Востфака Института»⁶¹. Записи на археологическую тему сопровождаются четырнадцатью зарисовками архитектурных орнаментов и надписей на арабском языке, собранными в Китабе и Шахрисабзе.⁶²

Археологическая разведка, проведенная на китабском городище, и найденные им здесь хумы и оссуарии позволили исследователю сделать вывод:

«...мы можем заключить, – писал он, – что даже самый верхний слой земли этого холма находится, по меньшей мере, за двенадцать веков до нашего времени»⁶³ (т.е. до новой эры, Рождества Христова – В.Д.). Местные жители называли холм Каляндар-тепа или Афрасиаб-тепа, связывая последнее название с основанием города легендарным царем Афрасиабом. Здесь же молодым исследователем было обнаружено несколько каменных баз колонн, используемых местными жителями в качестве ступенек в мечети. Часть

⁶⁰ Личный архив Маджи А.Е. Археологические экскурсии. Фергана. 1925г. - Л.45.

⁶¹ Там же.- Л.45-68.

⁶² Там же. - Л.135-148.

⁶³ Там же- Л.47.

каменных баз была вывезена в Шахрисябз, где также использовалась в качестве строительного материала для мечети Малики-Аждар⁶⁴.

В результате археологической разведки А. Маджи нашел большое количество керамики разного типа, осколки стеклянных сосудов и высокий чугунный светильник. По поводу находок осколков сосудов цветного стекла он указывает, что, по свидетельству китайцев, жители Средней Азии славились стекольным производством еще в V в.н.э.

А. Маджи отметил также применение в строительстве пористого жженого кирпича, превосходящего размером современный сырцовый⁶⁵.

Большое место в его отчете об археологической разведке в Китабе занимают сведения о происхождении топонима самого города и окрестных поселений:

Зарисовка керамики из дневника археологической практики А.Е. Маджи. 1925 г.

Зарисовка керамики из дневника археологической практики А.Е. Маджи. 1925 г.

«Недалеко к югу от Китаба находится селение Кауш-кишлак, который назван так от того, что, якобы Афрасиаб, идя в Китаб, оставил там след своего калоша; теперь, правда, не сохранившейся, но в свое время давший название кишлаку»⁶⁶.

Описывая бывшую цитадель бека Китаба, А. Маджи отмечает, что только верхняя часть ее стен построена заново; основанием же крепости служат стены Афрасиабского городища. В глине новой стены он отмечает обилие керамических обломков красной неглазурованной керамики, характерной для доисламского периода.

Большое внимание исследователь уделяет описанию фортификационных сооружений вокруг городища и остаткам стены между Китабом и Шахрисябзом. В отчете приводятся сведения о подобных сооружениях, известных в истории средневекового Востока и дается оценка археологической ценности Китабского

⁶⁴ Личный архив Маджи А.Е. Археологические экскурсии. Фергана. 1925г. - Л.47.

⁶⁵ Там же - Л.49.

⁶⁶ Там же.

Копия и перевод надгробной надписи из курсовой работы А.Е. Маджи «Мусульманские кладбища и мазары в Туркестане»

городища по сравнению с Шахрисабзом.⁶⁷

Маджи также упоминает о найденном на северном склоне городища каменном рубиле, которое он относит к палеолиту.⁶⁸

При обследовании юго-восточной стены города Китаба А. Маджи обнаружил многочисленные захоронения, относимые им, по ориентации скелета, к мусульманскому периоду и провел аналогии с подобными захоронениями в крепостной стене Мерва.⁶⁹

Андрей Евлампиевич указывает на важность проведения археологических раскопок в Китабе:

«Можно думать, что местность представляет значительный интерес в историко-археологическом отношении и ждет в ближайшем будущем основательного, строго научного обследования. Вместе с производящейся в настоящее время расшифровкой найденных недавно в песках

*Восточного Туркестана тохарских (несомненно – арийских) письмен, считающихся родственными языку гальчей – этих единственных уцелевших представителей древних согдийцев, раскопки в Китабе под опытным руководством, быть может, обнаружат связь с культурой Аннау; а, может быть, этот район прольет иной свет на до сих пор спорный и неразрешенный вопрос о происхождении индоевропейцев».*⁷⁰

В своем отчете об археологических памятниках Китаба и Шахри-сабза А. Маджи специально указывает на плачевное состояние исследований по каменному веку. Он отмечает лишь несколько находок этого периода, сделанных в Средней Азии, по которым отсутствует не только датировка, но часто не указано и место находки.

Андрей Евлампиевич также обращает внимание на постепенное разрушение памятника из-за хозяйственной деятельности местных жителей:

«Осматривая откосы холма со всех сторон, узнал так-же, что теперь он быстро уменьшается, так как земледельцы-дехкане берут его землю на поля в

⁶⁷ Личный архив Маджи А.Е. Археологические экскурсии. Фергана. 1925г. - Л.53-55.

⁶⁸ Там же. - Л.55.

⁶⁹ Там же. - Л.55-56.

⁷⁰ Там же. - Л.60.

качестве удобрения»⁷¹.

В отчете об археологических экскурсиях в Ферганской долине имеется карта-схема, выполненная исследователем в десятиверстовом масштабе – «Общий план археологических экскурсий летом 1925 г. студента II и III курсов этно-лингвистического отделения иранского разряда Восточного факультета САГУ А.Е. Маджи». На ней нанесены маршруты его исследовательских походов (все маршруты выполнены пешком) от Вуадильского ущелья на юге до киш. Бист-Тахт на севере. В легенде карты-схемы дается краткая характеристика самого научного предприятия: «Пройдено около 230 км. Затрачено 3 дня 7 часов. Израсходовано 1 рубль 20 коп»⁷².

Не обошел студент Андрей Маджи своим вниманием и с детства примеченные в родном Скобелеве – Фергане – археологические объекты, обследовал которые он в мае–июле 1925 г.:

«Курган №1. В центре бывшего города Ферганы, переименованного в 1907 г. из Нового Маргелана, в саду при здании исполкома находится небольшая возвышенность с высотой в наивысшей точке метров до 12. Возвышенность эта была известна всем старожилам города, как место кладбищ, существовавших на этом месте до основания в 1877 г. русскими города Нового Маргелана, кишлаков Сума и Чилимгана. Мне прежде не раз приходилось лазить по этому холму, но ничего особенного, кроме многочисленных провалов могильного вида с виднеющимися человеческими костями, я не замечал. Теперь же, по совету профессора Александра Александровича Семенова, посетив еще раз это место, имея уже некоторый археологический опыт, я неожиданно для себя сразу увидел то, на что раньше не обращал никакого внимания»⁷³.

Далее в отчете о своем исследовании А. Маджи дает подробное описание остатков неглазурованной керамики, состава глины, из которой они сделаны, а также рисунки ручных каменных мельниц, найденных здесь же. Необходимо отметить, что начинающий археолог при описании всех объектов на территории Ферганской долины, всегда особое внимание уделяет составу материала керамики и качеству ее обжига.

⁷¹ Личный архив Маджи А.Е. Археологические экскурсии. Фергана. 1925г. - Л.48.

⁷² Там же. - Л.18.

⁷³ Там же. - Л.18.

Зарисовки мазаров из курсовой работы А.Е. Маджи «Мусульманские кладбища и мазары в Туркестане»

Летняя практика Андрея Маджи, помимо упомянутого объекта, включила в себя еще один курган на территории города Ферганы, остатки крепостной стены близ Яр-мазара, городище Ханабад-тепе и Ногай-курган близ Ташкента. Характеристика всех их без исключения включила в себя схемы расположения на местности с топографическими привязками, рисунки общего вида объектов, а также рисунки найденного подъемного археологического материала.

Тени магов

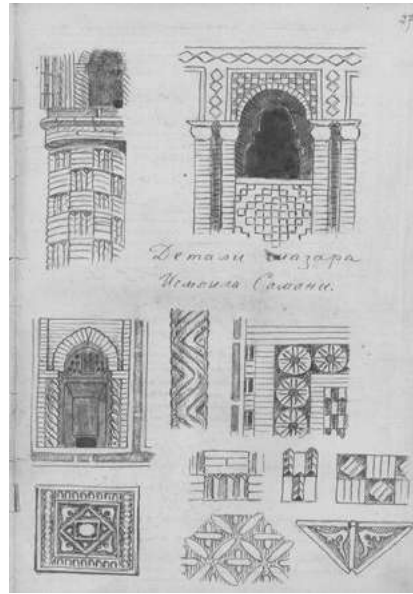
Однако изыскания начинающего археолога в дни практики не исчерпывались только перечисленными экскурсиями, а становились развитием уже начатых ранее исследований и имели продолжение в зрелые годы. Археологические разведки Андрея Маджи неожиданно вывели его на мощный пласт домусульманской истории Средней Азии. Очень скоро он вновь столкнется со свидетельствами этого периода уже в Пандшерской долине Афганистана.

Был ли связан этот интерес к древним зороастрийцам (магам) с его собственной фамилией «Маджи»? Рассуждения на этот счет сейчас могут быть только умозрительными, тем не менее, солидная папка с материалами по фамильному поиску, собранная его отцом – Евлампием Николаевичем, сохранившаяся в архиве, а также аналогии, приводимые Андреем Маджи в его дневниках в период Великой Отечественной войны, говорят об особом интересе к этой проблеме.

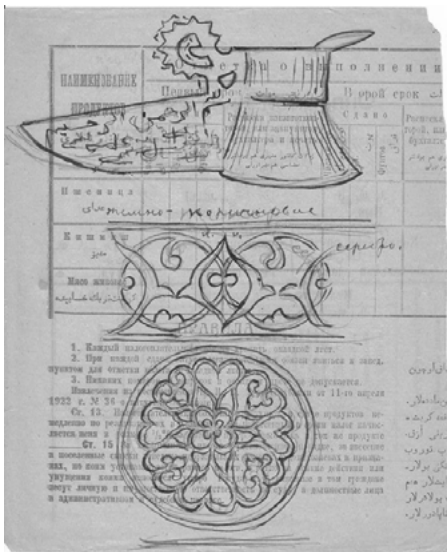
Судя по записям, впервые на Мугском кургане в районе Ауваля «*километрах в четырнадцати на юг от Ферганы*» А. Маджи побывал еще студентом Лазаревского института – в июле 1917 г. Вторая поездка сюда состоялась уже в ходе археологической практики второкурсника САГУ – 9 апреля 1925 г. Этому кургану посвящено почти семь страниц рукописного отчета, четыре из которых включают схемы местности и рисунки находок. В архиве ученого имеется также отдельная тетрадь с записями и зарисовками находок и схемами местности под названием «*Мугский курган близ кишлака Ауваль Маргеланского уезда*», помеченная тем же числом.

На одной из страниц дается подробная схема северной башни городища, облицованной полутораметровым слоем сырцового кирпича. Здесь же приведен рисунок типа упомянутой кирпичной кладки и сам кирпич с указанием всех размеров. Ценность такой схемы и замеров необычайно важна для любого археолога!

Однако молодой ученый не ограничился только сбором подъемного материала и зарисовкой найденных развалин: в описание Мугского кургана включены и литературные данные по этому и другим подобным объектам, принадлежащие русским исследователям конца XIX–начала XX в. Так, А. Маджи приводит данные по раскопкам Гяур-Калы в Мервском оазисе и данные В.И. Масальского из 19-го тома «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» – «Туркестанский край»; а затем и вообще выходит за пределы собственно археологии, приводя народную легенду об этом объекте, записанную со слов местных жителей:

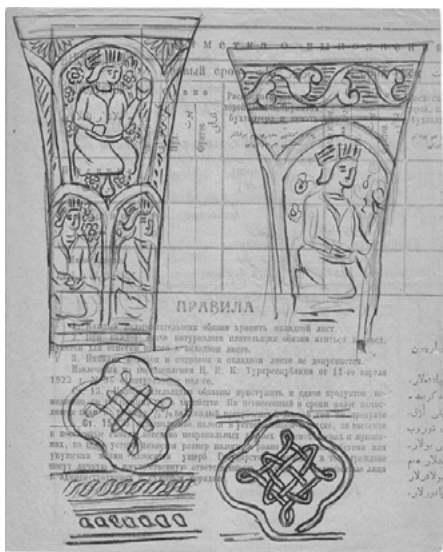

Зарисовки архитектурных деталей с мавзолея Исмоила Самони в Бухаре

Наброски орнаментов из папки «Зарисовки мазаров»

«Местная легенда об этой мугской крепости с холмом посреди ее повествует: Давно, тысяч пять лет тому назад, со стороны Шугнана спустился в Фергану народ муги. Обитатели Ферганской долины стали нападать на них и вынудили построить крепость, за стенами которой они могли бы спасти свои семьи и имущество. Крепость пришлось строить на безводной местности и, чтобы разводить глину муги пользовались молоком многочисленных верблюдиц своих стад. Когда первая опасность миновала, муги прорыли подземный арык из речки Исфайрам выше Уч-Кургана и так от вынутой земли в крепости образовался значительный холм. Теперь осажденные долго могли защищаться от своих врагов. И вот однажды неприятель тщетно осаждал крепость и не мог никак взять ее, но помог случай. Предводитель их заметил на стене царицу мугов, полю-

Орнамент ритонов из папки
«Зарисовки мазаров»

бил ее, завязал с ней сношения, и она выдала ему тайну твердыни.

- «Если хочешь завладеть крепостью, – сказала она, – возьми арбу саману и пошли с ней людей вверх по Исфарам-саю. В горах вели им высыпать саман в сай, а затем следить, как он будет плыть. Где саман закрутится и пойдет ко дну, вели навалить камней, и скоро крепость будет твоя!».

Тот так и сделал. Его люди скоро заметили водоворот в Исфайраме, где была голова кяриза в мугскую крепость, засыпали это место камнями и гордая твердыня измученных жаждой защитников пала»⁷⁴.

В записанной А. Маджи легенде угадывается очень распространенный в восточной литературе сюжет о предательстве женщины во имя любви, использованный Хакимом Сузани Самарканди в «Синдбад-наме», нескольких произведениях Низами, а также в современной литературе Явдатом Ильясовым в «Тропе гнева» и С. Улугзаде – в «Согдийской легенде».

Здесь же исследователь подробно останавливается и на этимологии термина «муг». Приводятся подробности дискуссии по этому вопросу на заседании Туркестанского кружка археологии в 1900 г. между Н.Г. Маллицким и Н.П. Остроумовым, с одной стороны, и информатором Джетбысбаевым, считавшим, что под данным термином среднеазиатские жители имели в виду калмыков – с другой. Против этой точки зрения выступил также член Кружка Мулло Алим, «приведший в доказательство сведения из исторических сочинений и словарей, пояснив, что муги или маги имели своим первоначальным центром Балх».

Помимо описанных объектов, по словам А. Маджи, местные жители приписывают магам также и крепость в Таш-Кургане, по дороге из Вуадила в Фергану, а также рядом с самим киш. Вуадиль в предгорьях Алайского хребта. А. Маджи ссылается на В.И. Масальского, который среди достопримечательностей Ферганской долины упоминает, что «...на месте Вуадила в старину находился большой город, разрушенный народом «мугаль», который в свою очередь, был побежден мусульманами. Первыми поселенцами Вуадила (Водиль – открытое сердце) были идолопоклонники иранского происхождения

⁷⁴ Личный архив Маджи А.Е. Археологические экскурсии. Фергана. 1925г. - Л.24-25.

(так называемые туземцами – муги): от них остались могильные курганы и изредка находимые монеты с клинообразными надписями»⁷⁵.

А. Маджи пишет в своем отчете на этот счет:

«Мне приходилось бывать раньше в Вуадиле раз шесть, но, тем не менее, я не только не видал никаких остатков прежнего «большого города», но даже ничего не слышал об этом, хотя я всегда интересовался стариной и много расспрашивал».

По его наблюдениям, «мугская тема» прослеживается во многих частях Ферганской долины и даже в Ташкентском оазисе.

Описывая городище в киш. Кува Маргеланского уезда (кухни Кейкубад), он подчеркивает:

*«Про городище существует легенда, которая имеет совершенно тот же сюжет, что и легенда про Мугский курган близ киш. Ауваль маргеланского уезда, а также и ханабадская легенда про городище Ханабад-тепе Ташкентского уезда».*⁷⁶

«Кувинский» вариант легенды, записанный А. Маджи, достаточно интересен именно деталями сюжета:

«Кувинская легенда такова: однажды жил на свете царь по имени Кейкубад. Построил он в Куве высокие стены, насыпал царский холм, с четырех сторон окружил крепость водой и поселился там. Однажды подошел к Куве другой царь, хотел завладеть крепостью Кейкубада, но никак не мог перейти воду, окружающую ее. В это время жена Кейкубада, поссорившись со своим мужем, написала следующее письмо на бумажке: «если вы хотите высушить воду окружающего крепость озера, то знайте, что в таком-то месте есть гора, а у подошвы той горы – пещера, и в эту пещеру входит вода. Если вы бросите там в воду саман, то он выйдет в этом озере. Узнав откуда получает озеро воду, вы можете закрыть доступ воды в него. Оно станет высыхать, и тогда вы перейдете через него». Царица, написав это, прикрепила бумажку к стреле и пустила стрелу в сторону врага. Когда стрела прилетела в войско врага, там заметили, что к ней привязано письмо, взяли его, принесли к своему царю, прочли и поняли, что надо было делать. Нашли пещеру с входящей в нее водой, у подошвы горы, попробовали бросить саман и, действительно,

Роспись сосуда из папки
«Зарисовки мазаров»

⁷⁵ Личный архив Маджи А.Е. Археологические экскурсии. Фергана. 1925г. – Л.33.

⁷⁶ Там же.– Л.35.

он вышел из-под воды в озере у стен крепости. Убедившись в этом, послали воинов забить то место, чтобы не проходило в озеро ни капли воды. Прошло три–четыре дня. Уровень в озере упал, вода уменьшилась. Теперь царь перешел через воду, сразился с Кейкубадом, перебил войско его, завладел его тронem, занял его место и, велел привести жену Кейкубада, спросил у нее: «что делал тебе твой муж?». Женщина ответила: «мой муж ежедневно приготавливал обед из костного мозга сорока баранов, спать укладывал на сорока ватных одеялах». Царь опять спросил: «Зачем же ты нам тогда стрелу послала?». «Ради Вас», ответила жена Кейкубада. На это царь сказал: «если все эти дела ты наделала, то и поплатись за них»; и приказал привязать ее к хвосту кобылы, а сзади поставить десять жеребцов и отпустить их. Воины так и сделали и кони залягали и закусили ее до смерти, разорвав тело ее на части»⁷⁷.

Кувинская легенда, записанная А. Маджи в 1925 г., являлась свидетельством не столько зороастрийского прошлого данного населенного пункта, сколько отражением народной памяти о домусульманском прошлом, связанном и с буддизмом, и, возможно, христианством несторианского толка. Это подтверждается раскопками 1956–1958 гг. на Кувинском городище, когда здесь был открыт буддийский храм VI–VIII вв. с разрушенными глиняными статуями Будды и различных божеств буддийского пантеона, многочисленными предметами быта. Здесь были обнаружены скульптурные изображения богов – антиподов Будды. Своим устрашающим видом они отпугивали людей от земных страстей, вызывая отвращение у верующих. Особенно интересна голова богини Шридэви, окрашенная в черный цвет. Богиня изображена в виде разъяренной женщины с устрашающими украшениями (ожерельем и венцом из черепов) в сопровождении спутниц-дакиней Макаравактра (с лицом морского чудовища) и Симхазактра (с лицом льва). Шри-дэви посвящено много гимнов, где она прославляется, как могущественная и справедливая ревнительница веры.

Об особом интересе А. Маджи к «мугской» тематике говорят и записи сообщений М.С. Андреева о циклопических сооружениях под названием «хона-и-муг» в горах Могол-тау рядом с Ходжентом, относящиеся к 1909 г. Ссылаясь на них, исследователь утверждает, что «хо-нау-муг» встречаются и в других местах Средней Азии.

Несколько страниц отчета об археологических экскурсиях посвящены описанию предметов из Ферганского городского музея, где Маджи, используя типологию известных ему находок, идентифицирует их, как предметы, «вероятно найденные в кургане № 1 г. Ферганы».

Несомненный интерес для современных исследователей представляет и не-

---

⁷⁷ Личный архив Маджи А.Е. Археологические экскурсии. Фергана. 1925г. – Л.41.

Выпускной курс Восточного факультета САГУ с преподавателями университета (А.Е. Маджи второй слева в четвертом ряду). 1927 г.

опубликованная курсовая работа (III курс) А. Маджи «*Мусульманские кладбища и мазары в Туркестане*»⁷⁸, выполненная на тридцати страницах большого формата. Текст снабжен шестнадцатью рисунками захоронений и несколькими десятками копий надгробных надписей с переводами на русский язык. Материал был собран А. Маджи на территории кладбищ Самарканда, Бухары, Ферганы и Ташкента.

Можно предположить, что иллюстраций, подготовленных для этого реферата, было гораздо больше, но они в выступлении на семинаре не использовались. Это предположение подтверждается сохранившейся отдельной папкой карандашных зарисовок и акварелей под названием «*Зарисовки мазаров*», включающей в себя свыше сотни иллюстраций на листах разного формата, на которых изображены не только общий вид многочисленных мазаров, фрагментов их архитектурных деталей и надписей с гробниц, но и медресе, жилые дома, этнографические типы жителей Средней Азии 1920-х гг. Некоторые пояснительные надписи и даты, встречающиеся на рисунках, дают основание предполагать, что они сделаны во время студенческих практик 1924–1925 гг. в Китабе и Ферганской долине.

⁷⁸ Личный архив Маджи А.Е. Археологические экскурсии. Фергана. 1925г. – Л.69-99.

На титульном листе работы имеются следующие уточнения, сделанные рукой автора: «К семинару по этнографии Туркестана» и «Читано на лекциях по этнографии Туркестана 5.III. и 20.III–1925 г.»⁷⁹. Сама работа, судя по дате, поставленной на ее последней странице, выполнена в январе 1924 г.

Автор курсовой работы начинает с общей характеристики мусульманского кладбища, характеризуя его расположение на местности относительно населенного пункта, ограду, служебные постройки и инвентарь, применяемый при похоронах. Здесь он отмечает:

«Кладбища бывают расположены как вне городов и селений, так и в их черте. Сельские кладбища рассматривать не будем. Они обычно занимают просторное место, и по бедности сельчан часто не имеют никаких плит или камней с надписями и украшениями, представляя сплошное поле холмиков, усыпанное галькой, и только. Зато обращают на себя внимание кладбища городов и в особенности больших. Кладбища в черте городов обычно имеют недостаточно места и надгробники обычно высятся один на другом, и потому поверхность кладбища сильно превышает окружающую местность. Растут меньше ввысь, но, например, пригородное кладбище в Бухаре у Мазарских ворот ввиду нехватки места из-за болот, также имеет тип внутреннего городского кладбища»⁸⁰.

Беря за типичную основу городские кладбища Бухары, А. Маджи далее описывает особенности захоронений в Вабкенте и других населенных пунктах, отмечая характерные черты архитектуры надгробных сооружений и украшение надгробных плит.

Характеризуя надгробные памятники, он указывает, что обычно для надписей на надгробных плитах, выполненных из мрамора или песчаника, используются почерка сульс или рейхани.

А. Маджи описывает ряд мазаров Средней Азии, упомянув при этом, что в сонм мусульманских святых введен и Александр Македонский (Искандар Зулкарнайн), о чем существует работа Н.П. Остроумова. В доказательство в приложении к работе исследователь приводит суру из Корана (в переводе Саблукова), повествующую об Александре Македонском (Коран, сура «Пещера», строка 82–83).

Вызывает интерес также и упоминание А. Маджи о христианском происхождении мазара суфия Сайфиддина Бохарзи, в киш. Фатхабад близ Бухары. По его данным, под малым куполом этой мечети находился алтарь церкви. Мусульманская традиция связывает мечеть с суфийским тарикатом кубравия, осно-

⁷⁹ Личный архив Маджи А.Е. Археологические экскурсии. Фергана. 1925г. – Л.69.

⁸⁰ Там же. – Л.70.

ванным Наджмеддином ал-Кубра в Хорезме в начале XIII в. Его ученик и последователь – Сайфиддин Бохарзи – создал в Фатхабаде ханака (пристанище) для суфиев этого ордена. После смерти в 1261 г. «*шейх шейхов мира*», как его именovali, был похоронен на территории ханаки в специальной усыпальнице.

Мавзолей привлекает внимание грандиозностью форм, масштабностью конструкции, исключительной простотой и ясностью архитектурной идеи. Это здание более сложного плана: с усыпальницей – гурханой и комнатой поминовений – зиаратхоной. Два купола над ними формируют профиль всего сооружения. Мавзолей практически лишен декора, но это с лихвой компенсируется богатейшими декоративными элементами памятника – стоящим в помещении гурханы роскошным надгробием. В выполненном с изумительной тонкостью и многоплановостью рисунке памятника замысловато переплетается сложнейшая вязь арабских надписей с изумительным по красоте растительным орнаментом, что делает его подлинным шедевром средневековой резьбы по дереву.

Имеющиеся письменные и археологические данные не подтверждают принадлежность этого здания несторианам, однако именно этот исторический период стал для христиан Средней Азии, пришедших в регион еще во II в.н.э., временем прекращения их деятельности, что вполне могло привести к перемене владельцев этого здания.

Интересные данные (проиллюстрированные тремя типами «*призмовидных надмогильных памятников с вделанными в них мраморными досками с надписями и орнаментами*») приводятся А. Маджи о почитании мазаров у кочевников:

«Киргизы также высоко чтут мазары; и наиболее крепкой присягой у них считается та, которая совершается при срезании веточки дерева у мазара»⁸¹.

Исследователем также сделаны (и даны с переводом) восемнадцать копий надписей с надгробий Самарканда, Бухары, Ташкента и Ферганы. Интересны также встреченные им в Фергане автографы мастеров-резчиков, приведенные А. Маджи вместе с расшифровкой датировки абджадных надписей.

Определенный интерес представляют также материалы этнографического содержания, данные об эпиграфике и дипломатике. В их числе можно назвать надпись на фарси с тумора (оберега) для животного, переданную ему его однокурсницей М. Богдановой (проходившей языковую и этнографическую практику в Шахрисабзе); надписи на бронзовых кокандских и бухарских пушках; грамоту, выданную жителям киш. Ногай-курган кокандским ханом Мадали (1822–1842 гг.) в 1840 г.

---

⁸¹ Личный архив Маджи А.Е. Археологические экскурсии. Фергана. 1925г. – Л.71.

Глава V. Визит к «Пяти львам»

«Глубокоуважаемый Александр Эдуардович! Уже ровно пять месяцев, как я переехал Амударью – ровно пять месяцев персидской практики. На судьбу свою жаловаться не приходится, благодаря тому, что я поехал переводчиком, и с самого Патта-Гиссара пришлось круто взяться за дело. В Мазаришарифском генконсульстве, воспользовавшись любезностью драгомана,

Караван-сарай на пути в Кабул. Декабрь 1925 г.

А.Е. Маджи в полпредстве СССР в Кабуле. 1925 г.

т. Тутолмина (окончил еще до революции Школу Востоковедения в Ташкенте)⁸², познакомился впервые с официальной перепиской на фарси, и, причем, на нескольких видах почерка шикаста⁸³. Дорогой надоедал расспросами прикомандированному к нам афганскому чиновнику и аскерам⁸⁴. В Кабуле, едва успев приехать, попал, вместе с братом и атташе в гости к полпреду,⁸⁵ который

⁸² Имеется ввиду Ташкентская офицерская школа восточных языков при штабе Туркестанского военного округа, организованная в октябре 1897г. и просуществовавшая до 1914г. За это время школу окончили 66 офицеров русской армии, получившие языковую подготовку в языках фарси, урду, пушту, узбекском, китайском. (см. подробнее Дубовицкий В.В. Роль И.Д. Ягелло в востоковедческой подготовке офицеров русской армии в Туркестанском военном округе (конец XIX – нач. XX вв.)// Муаррих (Историк), 2016г., №2. - С. 37-45).

⁸³ Шикаста – почерк арабской графики, или вернее техника шикаста насталик; хатти-шикаста («скорописный», «быстрый в исполнении») стала широко применяться в сефевидский период с начала XVII в. Фактически – это техника быстрого написания насталиком. Широко использовалась для составления официальной корреспонденции. Этот стиль можно назвать сугубо персидским, так как в другие регионы он не проникал вовсе. Более упрощенный вариант шикаста насталик называется стилем тахрири и использовался для писем и различных заметок.

⁸⁴ Аскеры – солдаты афганской армии.

⁸⁵ Старк Леонид Николаевич(1889-1937гг.) – полномочный представитель (посол) СССР в Афганистане в 1924-1936гг.

Вход в полпредство СССР в Кабуле.
1925 г.

расспрашивал меня о нашем факультете и выразил мысль, что, наконец-то восточники начинают попадать на Восток...».

«24 апреля 1926 г. Полпредство СССР в Кабуле»⁸⁶.

Это письмо декану Восточного факультета САГУ Александру Эдуардовичу Шмидту было отправлено Андреем Маджи почти в середине его языковой практики в Афганистане. Позже он напишет в своей автобиографии:

«Осенью 1925 г. по предложению профессора А.А. Семенова был послан в Афганистан в качестве переводчика советско-афганской шоссейно-дорожной экспедиции⁸⁷, затем работал в гидро-геологической экспедиции и в бюро прессы полпредства СССР в Кабуле»⁸⁸.

Одновременно с Андреем Маджи в Афганистане оказался и его брат – Петр Евлампиевич, который был командирован 6 декабря 1924 г. в Кабул Наркоматом иностранных дел СССР в качестве драгомана (переводчика) постоянного представительства СССР, где и проработал до конца 1926 г.⁸⁹

Эти годы были одними из переломных моментов истории этой страны. Пришедший к власти в 1919 г. эмир Аманулла-хан начал здесь реформы, вскоре возмутившие большую часть исповедующего ислам населения: в 1924 г. в Хосте восстал ряд приграничных пуштунских племен, недовольных их прозападной направленностью; несогласие широких слоев населения вызвало то, что, нарушая вековые афганские традиции, они, кроме того, вызывали существенный рост налогов; протест видных представителей мусульманского духовенства, обвинивших правителя-реформатора в нарушении норм шариата, вызвала просветительская деятельность эмира (под влиянием их агитации Аманулла в народе стали даже называть гяуром, т.е. вероотступ-

⁸⁶ Личный архив А. Е. Маджи А.Е. Археология. Афганистан. Письма А.Э.Шмидту и А.А. Семенову. - Л. 11.

⁸⁷ Речь идет о подготовительных работах для заключения советско-афганского договора по строительству шоссе Кушка-Герат и Мазари-Шариф – Кабул. Само соглашение было заключено в октябре 1928г. (см. подробнее А. Ю.Тихонов. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008г.- С.175 и Примечания. - С.498.

⁸⁸ Личный архив Маджи А.Е. Автобиографии. 1938-1954гг. - Л.6-7.

⁸⁹ Германов В.А. Ташкентская одиссея.// Восток Свыше. 2011г., №23-24. - С.66.

ником). Таким образом, восстание, затронув практически все население страны, получило такой размах, что реально угрожало власти эмира.

Афганские крестьяне с буддистскими статуэтками с городища Баграм

Смена Амануллы-хана никак не входила в планы советского руководства, рассматривающего Афганистан в качестве «базы пролетарской революции в Индии». 21 августа 1924 г., по предложению комиссара НКВД Г. Чечерина, советское правительство приняло решение о передаче Аманулле-хану пяти тысяч винтовок с необходимым количеством патронов; пятидесятиста пулеметов; трех радиостанций; «аэропланов, находящихся в Кушке, вместе с летчиками». Было решено также «послать летчиков для имеющихся в Афганистане аэропланов»⁹⁰. В сентябре–октябре 1924 г. Кабул получил от СССР пять боевых самолетов с летчиками и механиками. Кроме этого вооружения, Афганистан дополнительно получил «артимущество» (прежде всего, авиабомбы и снаряды) на сумму шестьсот семь тысяч рублей⁹¹.

В феврале 1925 г. Аманулле-хану с большим трудом удалось подавить мятеж. Во многом этого удалось достичь благодаря применению боевых аэропланов, пилотируемых советскими и... германскими летчиками-добровольцами! Однако, несмотря на победу, Афганистан в тот период вступил в полосу антиправительственных восстаний и мятежей, которые уже в 1928 г. переросли в гражданскую войну, в ходе которой Аманулла-хан был вынужден бежать из страны. Начинаящий востоковед Андрей Маджи попал в самый центр разгоравшегося конфликта...

Самыми яркими свидетельствами этой его годовой командировки стали, пожалуй, письма к преподавателям и дневник о поездке по печально известной участником афганской войны 1979–1989 гг. Пандшерской долине. Как выяснилось позднее, именно первая половина командировки А. Маджи в Афганистан была наиболее плодотворной как в плане языковой практики, так и в плане научной работы:

⁹⁰ Афганские ВВС перед мятежом в Хосте состояли из 2 советских, 2 итальянских и 1 британского самолетов. До осени 1924г. по различным причинам, включая отсутствие летчиков и технического персонала, в боевых действиях против антиправительственных сил они участие не принимали.// цит. по кн. Ю.Тихонов. афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008г.- С.498. примечание 13.

⁹¹ Ю.Тихонов. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008г. - С.154.

Скульптурная группа с городища Баграм

«В течение 1,5 месяца я и другой переводчик экспедиции⁹² по требованию полпреда работали у первого секретаря переводчиками официальной и неофициальной переписки Полпредства афганских учреждений и должностных лиц, хозяйственных счетов Полпредства и газет. Все это под опытным руководством и контролем тов. Э.М. Рикса⁹³ (окончил до революции также Ташкентскую Военную школу востоковедения) принесло мне огромнейшую

пользу. Занятия велись по 4–4,5 часа ежедневно. К сожалению, экспедиция отвлекла от этих занятий, поручив мне составление отчетностей; а затем, с 1 апреля, когда работы в экспедиции пришли к концу, я был откомандирован в Бюро печати Полпредства в качестве делопроизводителя. В этой должности я состою и теперь, днем приводя в порядок архив и ознакомливаясь с делами, а вечером занимаясь переводом книг и бумаг по поручению заведующего Бюро – атташе Полпредства. При всех неясностях в переводах пользуюсь любезным руководством и помощью всех, кто это в состоянии оказать, не исключая и мирзу-афганца на службе полпредства... Недостаток живой практики, наблюдающийся теперь, когда я засел в канцелярии, стараюсь пополнить чтением современных афганских книг, учебников, уставов и газет. Кроме того, по поручению Полпредства, я преподаю русский язык в афганской Военной школе авиации⁹⁴, что, конечно, является для меня практикой»⁹⁵.

Однако второкурсник Андрей Маджи не просто рассказывает о языковой практике своему профессору, но и дает рекомендации по ее совершенствованию в университете, исходя из личного опыта работы в восточной стране, а также собирает практический материал для занятий современным языком дари:

«Нужда в знатоках фарси и английского языка здесь очень большая. Такие

⁹² В письме А.Маджи А.А.Семенову от 21 апреля 1926г. указана фамилия другого переводчика – Рукавишниковца.

⁹³ Рикс Эдуард Мартынович – первый секретарь Полпредства СССР в Афганистане.

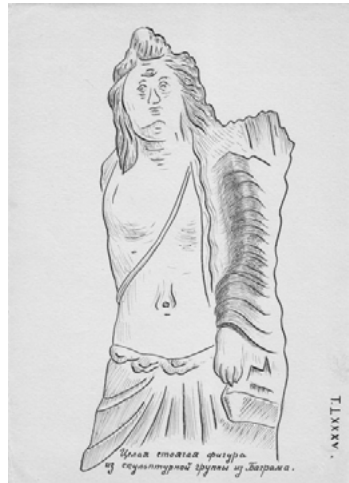
⁹⁴ Военная школа авиации была создана в Афганистане в 1925г. для подготовки кадров ВВС страны. В ходе зарубежного турне шаха Афганистана Амануиллы-хана в 1927г. во Францию, Италию, Германию и Англию было приобретено и получено в подарок 18 военных самолетов, ставших основой ВВС страны (см. подробнее: Ю.Тихонов. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008г. - С.175 и Примечания. - С. 175-176).

⁹⁵ Личный архив Маджи А.Е. Археология. Афганистан. Письма А.Э.Шмидту и А.А. Семенову. - Л. 13а.

люди здесь незаменимы, они – главный механизм. От нас, восточников, прежде всего, требуют знание – знание точное, ясное и основательное. Остальное здесь на месте как будто не играет никакого значения.

Моя личная практика показала, что нужно при первых шагах восточнику, сразу из школы, например в Афганистан, а именно:

1) знакомство с местными акцентами и произношениями, без чего не узнаешь прекрасно известных слов и без чего не сможешь произнести их так, чтобы поняли; 2) свободное употребление самых употребительных слов, фраз и оборотов, благодаря чему легко приобретается впоследствии и все прочее путем расспросов; 3) привычка к точности и формам официальных бумаг с их техническими выражениями. Я лично прилагаю все усилия, чтобы достать возможно больше копий образцов официальных бумаг, писем, записок, квитанций, объявлений, счетов, билетов и пр., так как к восточнику после разговоров следует прибавление – перевод и составление таких бумаг»⁹⁶.

Скульптура с городища Баграм

Вопросов языковой подготовки, правда, в меньшей степени, А. Маджи касается и в письме профессору А.А. Семенову:

«...отмечу, что существующие русско-персидские словари, составленные для Персии или Туркестана, не очень-то подходят для Афганистана, отражающего английские и индийские влияния даже в языке. Такие слова, как... (штепсель, чернила, картошка) трудно найти в восточных словарях...»⁹⁷.

Петроглифы и их авторы – таджикские дети в долине р. Пандшер

Обширный лексический и этнографический материал, собранный в Афганистане, был обобщен Андреем Мад-

⁹⁶ Личный архив Маджи А.Е. Археология. Афганистан. Письма А.Э.Шмидту и А.А. Семенову. - Л. 17

⁹⁷ Там же. - Л. 18.

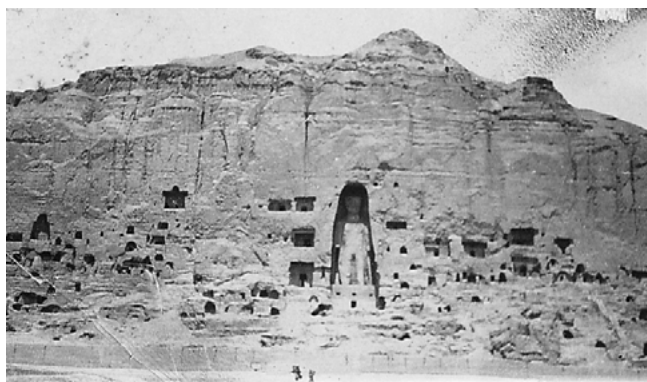
Керамика из долины р. Пандшер

жи лишь через двадцать с лишним лет. В его архиве сохранились две рукописи словарей, в предисловии к которым их автор рассказывает об истории их создания:

«Краткие русско-афганский и афгано-русский словари, охватывающие до 1300 афганских корней, являются результатом годичной работы в Афганистане в 1924–1925 годах. Для составления словарей были использованы материалы Ефимова, Тумановича, Нисар Мухаммеда и личные наблюдения. В словарях опущены все те слова, которые совершенно ясно понятны из иранского и таджикского языков, и потому предполагается предварительное знание этих языков у пользующихся предполагаемыми словарями.»

Ввиду неустановленности в афганском языке точной и единообразной орфографии, приводятся разные фонетические оформления одних и тех же понятий, отображается несколько афганских диалектов, одна и та же буква транскрибируется по-разному, также отображая разные говоры. Как у Ефимова и Тумановича, у многих слов совершенно не приводится арабского написания вследствие оставшейся непроверенности его по афганским письменным материалам. Значения слов по этой же причине

приводятся не всегда основные...

Археологические объекты в Бамиане. 1926 г.

Полное отсутствие на русском языке хотя какого-либо пособия по афганскому языку, заставило автора решиться представить свой примитивный еще студенческий материал, какой был собран еще 20 лет назад.

Маджи А.Е.

Сталинабад, Сельхозинститут. 1947г.»⁹⁸.

⁹⁸ Личный архив Маджи А.Е. Маджи А.Е. Краткий русско-афганский словарь. Сталинабад. 1947г. (рукопись). - Л.2-4.

Тогда же Андрей Маджи обобщил и вторую свою студенческую работу по этой стране, до настоящего времени имеющую большую научную ценность. Это «*Этнографический атлас Афганистана*». В предисловии к работе он пишет:

«*Этнографический атлас Афганистана*» составлен на основании переработанных и систематизированных официальных данных «*Географии Афганистана*» Мухаммед Хусейна, написанной по указанию министра просвещения Афганистана Сардара Хайатуллана и литографированной в Кабуле в 1922 г., по материалам «*Каттагана и Бадахшана*» Бурхадитхана Кушкеки, изданного в Кабуле в 1924 г., по статьям в газете «*Амани Афган*» за 1921 г., по личным наблюдениям и расспросам, относящимся к 1924–1925 гг. а также по материалам «*Encyclopedia Britannica*», «*The Encyclopedia of Islam*» и работам Аристова, Артамонова, Гамильтона, Игнатъева, Снесарева и некоторых других авторов.

Афганский офицер с велосипедом.
1926 г.

Цифры численности племен и народностей нигде не являются сколько-нибудь точными, так как переписи населения в Афганистане не проводилось. Вообще эти цифры преувеличены раза в два–три, но так как они были приняты в официальной прессе Афганистана во время правления эмира Аманулла хана, они здесь зафиксированы такими, какими были. Кроме этого в первоисточниках кое-где было указано не общее количество людей в том или ином племени, а число семейств или число лиц, способных носить оружие. В целях соблюдения единообразия пришлось принять состав за пять человек, а число способных носить оружие в каждой семье, в два человека и, таким образом, дать гипотетические данные об общем числе людей...

Так как работа эта была проделана еще в бытность ее автора студентом второго курса Восточного факультета Среднеазиатского Государственного Университета, то многое осталось недоделанным, неполным, неточным и не лишено погрешностей. Теперь – спустя четверть века, много приведенных данных изменилось, но все же предлагаемый материал до сих пор в известной степени может помочь ориентироваться в ряде вопросов, связанных с этнографией Афганистана, а также послужить некоторой основой для дальнейших работ в этой области»⁹⁹.

⁹⁹ Личный архив Маджи А.Е. Маджи А.Е. Этнографический атлас Афганистана. Сталинабад. Сельхозинститут. 1947г.(рукопись). - Л.1-2.

На улицах Кабула. 1926 г.

В письме Андрея Маджи к А.А. Семенову, он касается и вопросов археологии:

«Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Пользуясь надежной оказией, что здесь в Афганистане случается довольно редко, посылаю Вам два снимка и кое-что о своей работе. Снимок post card¹⁰⁰ изображает мавзолей Махмуда Газневи близ города Газни, о котором в книге «...» говорится следующее: ...А второй снимок..., снятый по моим указаниям, представляет развалины медресе Мулла Миру в городе Балхе недалеко от известной мечети Ходжа Парса¹⁰¹.

Всюду в Афганистане стараюсь не забывать археологии, хотя в экспедиции, где без специального разрешения своего начальника мне нельзя было на несколько метров отъезжать от дороги, было трудно в чем-либо успеть. Вообще, за дорогу удалось осмотреть все, что осталось от старого Термеза; проехать мимо огромного количества развалин Сиа Гирда; облазить пять курганов-городищ близ Мазари-Шарифа; взобраться в цитадель древнего Балха и осмотреть раскопки, произведенные в ней Фуше; полюбоваться мечетью Ходжа Парса и жалкими остатками медресе Мулла Мира в Балхе¹⁰²; оглядеть

¹⁰⁰ Почтовая открытка.

¹⁰¹ Мавзолей богослова Ходжа-Абу-Наср-Парса (XV-XVI вв.).

¹⁰² Городище Бала-Гиссар (IVв. до н.э. – VII в. н.э.) в Центральном парке Балха.

пару курганов в окрестностях Балха¹⁰³ к востоку от него в 30 км. к западу от Хейбака; осмотреть, обойти и облазить местность, удивительно искусно скрывающую следы какого-то большого города; осмотреть там же сводчатые погребения; далее пришлось лишь отмечать курганы, следы старинных укреплений и поселений и изображения козлов на камнях. Так как от Хейбака мы проехали не по той дороге, что описывал врач Вечеслов, то думаю, что собранный мной поверхностный и очень скудный материал все же окажется новым.

В Кабуле я смог предпринимать экскурсии, лишь освободившись от экспедиции, то есть через 2 месяца после приезда. Пока осмотрел самым беглым образом городище у старой кабульской цитадели Бала-Гисар; несколько курганов к востоку от Кабула; следы древности к западу от него; старые стены на горах, защищающие долину г. Кабула с Ю(го) З(апада); а в последнюю свою экспедицию напал на явные следы буддизма в горной местности километрах в 15 на Ю(го)–В(осток) от Кабула за рекой Лагар.

По нумизматике удалось собрать маленькую коллекцию греко-бактрийцев¹⁰⁴ и разных скифов. У саррафов(?) видел также серебряных и даже золотых скифов.

Если только не препятствует грязь, ветер, гроза и дождь, каждую пятницу меня можно встретить в компании велосипеда, фотоаппарата и бинокля где-нибудь в Дуруль-Амане (строящаяся новая столица), близ Бала-Гиссара, или на Пешаварской, Пагманской или Мангальской дорогах.

На книжных рынках обратил внимание на современную литературу – исключительно для изучения современного языка. Много завел знакомств среди базарных книжников; но старых книг (кроме одной какой-то рукописной истории, не очень старой, но очень дорогой) не прищупал»¹⁰⁵.

¹⁰³ Возможно, имеется в виду самый ранний исламский памятник в Афганистане - ме-четь Масджиди-Но-Гумбад, или Масджиди-Хаджи-Пийада (IX в.)

¹⁰⁴ Имеются в виду монеты греко-бактрийского периода(IV в.до.н. – I в.н.э.) истории Средней Азии.

¹⁰⁵ Личный архив Маджи А.Е. Археология. Афганистан. Письма А.Э.Шмидту и А.А. Семёнову. - Л. 20.

«В компании велосипеда»
в окрестностях Кабула. 1926

А.Е. Маджи на метеостанции полпредства СССР в Кабуле

Инициативный практикант из САГУ высоко оценивает свою командировку в Афганистан, искренне сожалея о ее краткости:

«Сожалею, что время летит так быстро, и к ноябрю я должен буду покинуть Афганистан столь интересный во всех отношениях: оставить его, лишь немного углубившись в изучение языка; лишь чуть-чуть заглянув вглубь веков его таинственной истории; лишь едва-едва начиная разбираться в его народах, племенах, современной жизни и, наконец, в политике.

Многие называют Кабул чуть ли не медвежьим углом и засасывающим болотом... из-за отсутствия быстрого, легкого сообщения с Союзом и почти полной оторванности от всего культурного мира; но я ничего этого не чувствую, будучи постоянно занят все новой и новой работой, не оставляющей времени

*даже для систематизации и приведения в надлежащий вид изученного материала»*¹⁰⁶.

Бесценный языковой и археологический материал дала Андрею Маджи долгая и опасная поездка по Панджшерскому ущелью. Здесь им был собран богатый материал, вошедший позднее в его диссертацию по археологии Таджикистана и Афганистана¹⁰⁷, а также многочисленные археологические и этнографические статьи. Некоторое представление о тяготах и опасности пути дают первые строки описания этого путешествия:

«Слева и справа крутые склоны Гиндукуша: тропа вьется на высоте 2500 м. Глубоко внизу, где-то за отвесами обрывов, глухой грохот горной реки. Снег покрывает склоны гор, но... скалы, поднимающиеся круто вверх, стеной, не запущены мягким пушистым покровом снега и сверкают своей естественной раскраской: красно-коричневой, оранжевой, желтоватой, черной, сине-коричневой, пепельной. Обтаявшие под солнечными лучами и овеянные дующими вниз по долине Пандшера ветрами, веточки кустарников и трав смягчают суровый ландшафт голых мрачных скал.

Тропинка в несколько десятков сантиметров лепится по откосам мощных

¹⁰⁶ Личный архив Маджи А.Е. Археология. Афганистан. Письма А.Э.Шмидту и А.А. Семенову. - Л. 18.

¹⁰⁷ А.Е.Маджи. Очерки по археологии Таджикистана, Тохаристана и Бактрии. Наблюдения и замечания 1925-1954 годов. С приложением статьи «*Ответы рецензентам*». Сталинабад. 1954г. - 344 С. (машинописная рукопись).

Экспедиционный отряд на перевале Хавак. 1926 г.

горных громад. Уклон их около 75 градусов. Смотреть вниз по склону неприятно – тянет вниз, к мрачному дну ущелья, голова начинает кружиться, теряется равновесие. Приходится положиться на способность коня, не раз и не по таким еще кручам проходившего с тяжелым грузом из Афганского Туркестана на юг, в долину Кабула. Приходится смотреть или прямо вперед, на тропу, на виднеющиеся вдали виды вершин, окутанных облаками на фоне голубого неба или по правую сторону тропы, где круто вздымается вверх склон могучего отрога горного хребта. А едущие впереди афганцы в своих живописных белых чалмах, с поднятым вверх в виде гребешка одним из концов и мирно раскачивающиеся вдоль стен до самого пояса другим, совершенно равнодушно поглядывают в бездну, где, за выступом скал далеко внизу глухо шумит поток, перекачивая, сбивая и перемалывая валуны... И вдруг сзади, рассеяв глухую тишину, мрачного ущелья, раздался пронзительный крик погонщика, а затем послышался глухой, все усиливавшийся шум стремительно катящегося вниз по склону большого тела, увлекающего за собой камни и щебень. Это была вьючная лошадь. Два ящика, сорвавшихся с ее вьючного седла, летели в пропасть самостоятельно. Еще несколько мгновений, и где-то далеко за последним обрывом скалы раздалось несколько глухих ударов упавших больших предметов. Караван, постояв несколько минут, медленно, еще осторожнее двинулся дальше. Спускаться на дно губельного ущелья, чтобы спасти уцелевшие части ценного груза, было абсолютно невысказано, да и практически

Сотрудники полпредства СССР
в Бамиане. 1926 г.

невозможно»¹⁰⁸.

Однако, несмотря на все опасности и тяготы пути, А. Маджи продолжает делать уникальные этнографические заметки о быте здешних таджиков:

«Местные таджики иногда взбираются сюда за шпинелью, которую они употребляют для своих ружей, как крупную дробь. Ее шаровидная форма, сравнительно большой вес и крепость действительно соответствуют дроби, особенно когда свинцовую дробь в Пандшере невозможно было достать. Сюда же на эту площадку под самыми вершинами хребта, и тоже за шпинелью, собираются часто целыми стайками горные куропатки.

Ниже горного таджикского кишлака Бозорак, обследуя выходы на поверхность разных горных пород, у кишлака Остона, совершенно скрытого как густым лесом большими

насаждениями мощно разросшихся туювых деревьев, на широком выступе остатков высокой древней морены, все большие камни были старательно собраны, образовав широкий круг с высоким столбовидным сооружением посредине. Эти остатки, быть может, древнего(..) были использованы мусульманским культом и, как и в древности, это место почитается с восхищением. Легенды рассказывают, что под уложенным кубом громадных камней, находящихся в широком круге, покоится мусульманский святой. Другие легенды говорят, что много веков тому назад здесь возжигался большой костер, видный далеко вниз и вверх по долине Падшера»¹⁰⁹.

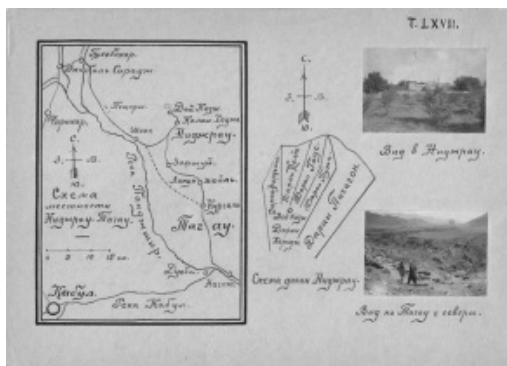
Ценные материалы были собраны начинающим востоковедом по жилищам, а также культуре земледелия таджиков Пандшерской долины:

«Селения таджиков Панджшера расположены по склонам гор, на камнях, где невозможно выделить хоть маленький участок земельного поля. Часто селения расположены на значительной высоте – лепятся к скалам как ласточкины гнезда. Стенки сакель кое-где разукрашены кругами, квадратами, козлами, выложены по сырой глине белыми камнями. Двери имеют косяки с двумя зубчатыми выступами. Вокруг окон иногда ярко белеет алебастровая обмазка, хотя по всему протяжению долины Панджшера нет ни одного побеленного

¹⁰⁸ Личный архив Маджи А.Е. Афганистан. Путешествие в Панджшер. - Л.11-12.

¹⁰⁹ Там же. - Л.16.

здания. Окна часто сделаны не на первом этаже сакли, а на втором – над входной дверью. И сакли, и дворы, и дороги, и тропки, и мостики через потоки, и поля, и рощи тутовых и ореховых деревьев очень опрятны. Везде чувствуется тысячелетняя культура земледельцев. Вокруг почти каждого тутового дерева заботливо сделано рыхление почвы и валики для задерживания воды, наклонившиеся деревья старательно поддерживаются подпорками; иногда эти подпорки, из-за недостатка дерева сделаны из сложенных стопкой камней. Видна забота даже за обычными деревьями тала или ивы. Их слабая сгнившая сердцевина заменена (заполнена) мелкими камешками. Тутовое дерево – основное фруктовое дерево долины, дающее обильные сладкие ягоды, хорошо высушивающиеся и сохраняющиеся всю зиму до урожая новых плодов и употребляющиеся в пищу и в своем обычном виде ягоды, и в виде сладкой питательной муки, облагаются особым правительственным налогом.

Карта-схема путешествия в долине р. Панджшер

Доходы панджшерских земледельцев, таким образом, учитываются по каждому дереву тутовника, т.е. зажиточность и платежеспособность исчисляются с точностью до одного дерева.

Таджикские женщины любят одеваться в красное. Их широкие ярко-красные шаровары до самых ступней, перетянутые на щиколотке, вызывали у нашего престарелого начальника ассоциацию с красными штанами из чертовой кожи, которые носили когда-то царские солдаты. Красные шаровары у женщин Панджшера как бы обязательная форма. Женщины Панджшера не знают паранджи; и закрывают лицо перед незнакомыми мужчинами, лишь накидывая на голову бешмет.

Среди панджшерских таджиков сохранилось туманное предание о древнем делении на роды и о родстве их с таджиками долины р. Зеравшан.

Все население Панджшера носит красиво вырезанные из дерева с богатым резным орнаментом сандалии – калаты. Повсюду распространены веревочные пращи – палакмоны, при помощи которых камень бросается гораздо дальше, чем рукой»¹¹⁰.

За время своего пути по долине А. Маджи смог сделать и другие уникальные археологические наблюдения, указывающие на древность культуры местно-

¹¹⁰ Личный архив Маджи А.Е. Афганистан. Путешествие в Панджшер. - Л.19-20.

го населения, уходящей в домусульманские времена:

«...выше таджикского селения Хисорак, нам показали на высоком, совершенно отвесном скалистом обрыве остатки древней крепости в виде неприметного бугра, павшей, по легенде, под ударами монгольских завоевателей восемь веков тому назад. Тут же из остатков вала, в провале земли небольшого кургана, ясно виднелись тесно уложенные целые человеческие черепа защитников крепости. Местные жители находили в ней (в крепости) железные наконечники стрел и не так давно был обнаружен в провале одного из бугров железный проржавевший шлем. Теперь древняя, почти неприступная крепость служит местом пастбища скоту ближайшего таджикского селения...

От долины Ниджроу к востоку расположен Нуристан, называемый еще совсем недавно Кафиристаном, еще более замкнутая, уединенная область с древним, не смешанным населением, говорящем также на своем древнем диалекте. Во время покорения этой обширной горной области афганцами при эмире Абдурахмане, там было захвачено много больших, выше человеческого роста, деревянных идолов, грубо вырубленных из бревен. Эти трофеи были помещены в эмирский арк в Кабуле, где находится музейная кунсткамера – первое в Афганистане учреждение музейного характера.

В центре долины Ниджроу, где сходятся вместе четыре боковых долины, на холме, предназначавшемся эмиром Афганистана для дворца, обнаружены в откосах черепки старинной посуды – холм этот, занимающий очень выгодное положение, и в древности служил резиденцией древних властителей этой долины»¹¹¹.

Особо следует сказать еще об одном итоге командировки Андрея Маджи в Афганистан – сборе материала для его дипломной работы «*География Афганистана. Мухаммада Хусейна. Перевод, комментарии, примечания*». Книга эта, изданная в 1922 г. небольшим тиражом для старших классов афганских школ, «*представляет характерное явление той новой культурно-исторической эпохи, в которую вступил Афганистан при нынешнем его правителе Амануллахане всего восемь лет тому назад, так как она заложила первый прочный камень географической науки в Афганистане*».

Дипломная работа А.Е. Маджи объемом 288 страниц большого формата, наполненная интереснейшими сведениями об Афганистане рубежа двух веков, была блестяще защищена автором в САГУ в декабре 1927г., но... так и осталась неопубликованной до настоящего времени!

Однако все когда-то кончается, в том числе и интереснейшая командировка в Афганистан! Для двадцативосьмилетнего Андрея Маджи она стала не

---

¹¹¹ Личный архив Маджи А.Е. Афганистан. Путешествие в Панджшер. - Л.22-23.

только практикой, но и... великим соблазном. Как напишет он позже в своей автобиографии:

«Из полпредства был вынужден уволиться для окончания образования, которое уже один раз было прервано в 1918 г. Получив диплом, я предполагал было работать в Афганистане, Иране или Синьцзяне, но получил из НКВД уклончивые ответы и должен был сменить специальность... Наиболее целесообразное использование себя полагал бы на работе по линии НКВД по Среднему и Ближнему Востоку, которому посвящены две моих дипломные работы, к чему я готовился в двух вузах и для чего я прошел годовую заграничную практику»¹¹².

Однако этим планам А.Маджи так и не суждено было сбыться до конца жизни. Что было тому причиной – точно неизвестно, но и он, и его брат Петр наиболее вероятной причиной считали свое дворянское происхождение, словно рок висевшее над ними всю их жизнь. Сохранились два письма старшего брата Андрею, по которым можно проследить это жизненное препятствие:

«Андрей!

Видел вчера Пашкова, который предлагает тебе место мл(адшего) переводчика в Кандагар (линия Кандагар-Фарах).

Рукавишников уехал ст(аршим) переводчиком. Пока я дал принципиальное согласие для того, чтобы проверить, помешает ли тебе папина история или нет. Потом спрашивал о тебе Постников. Кончил ли ты? Я сказал, что кончил. Ну, пока все, Петр»¹¹³.

«Андрей!

Л. видел Андреева, который сказал, что сейчас до 15 ноября он будет занят работой Сухаревой, а во вторую половину ноября займется твоей. Определенного пока ничего не назначил. Пашков записал мой адрес. На днях вылетает в Кабул и оттуда начнет хлопотать. Работа пойдет от Кандагара, но пока стоит только из-за проволоки¹¹⁴ – все остальное есть уже. Сам Пашков говорит, что переводчик им будет нужен в самом ближайшем будущем. Жалование 75 руб. и 23 фунта. Для нас, я думаю, самое важное проверить, отразилась ли на нас папина история или нет. Если нет, то поработаешь в Кандагаре до Герата; если да, нужно будет искать что-либо подходящее в Дюшамбе. Петр»¹¹⁵.

¹¹² Личный архив Маджи А.Е. Автобиографии. 1938-1954гг. - Л. 8 и 14.

¹¹³ Личный архив А.Е.Маджи. Моя переписка с сыном Андреем. Т.І. письмо от 1 ноября 1927г.

¹¹⁴ Речь идет о строительстве телеграфной линии Кандагар-Герат.

¹¹⁵ Личный архив А.Е.Маджи. Моя переписка с сыном Андреем. Т.І. письмо от 1 ноября 1927г.

Остается неясной и следующая деталь командировки Андрея Маджи в Афганистан: находился ли он в Пандшере в составе группы, в которой в это же время здесь был другой его преподаватель по САГУ – Михаил Степанович Андреев? Не о нем ли упоминается в его воспоминаниях о Пандшере, когда речь идет о «*престарелом начальнике*», вспоминавшем «*тропическую*» форму солдат русской армии в Туркестане? М.С. Андрееву в это время было пятьдесят три года, что вполне могло восприниматься не достигшим тридцати Андреем, как «*престарелый возраст*». По словам самого М.С. Андреева, тот «...в 1926 г. участвовал, как старший драгоман, при Особой Советской миссии в Афганистан. За короткое время (около 4 месяцев) пребывания в Афганистане собрал этнографический материал, изданный по возвращении в отдельном издании – «*По этнологии Афганистана. Долина Пандшер*».

Интересно, что и у М.С. Андреева тогда тоже стоял вопрос о смене профессии: «*В непосредственно служебном отношении работа была такова, что перед отъездом из Афганистана получил предложение остаться на постоянную службу в качестве старшего драгомана нашего Полпредства с условием, что при этом мне будет дана возможность подготовить мою научную работу. К сожалению, связанный лекциями в университете, я не смог принять этого предложения*»¹¹⁶.

---

¹¹⁶ Личный архив Андреева М.С. Д.101, (сдаточная ведомость). - Л.7. Заявление в НКВД от заключенного Ташкентской тюрьмы М.С. Андреева (не ранее 10 августа 1938г.).

Глава VI. В проезде переулке гор...

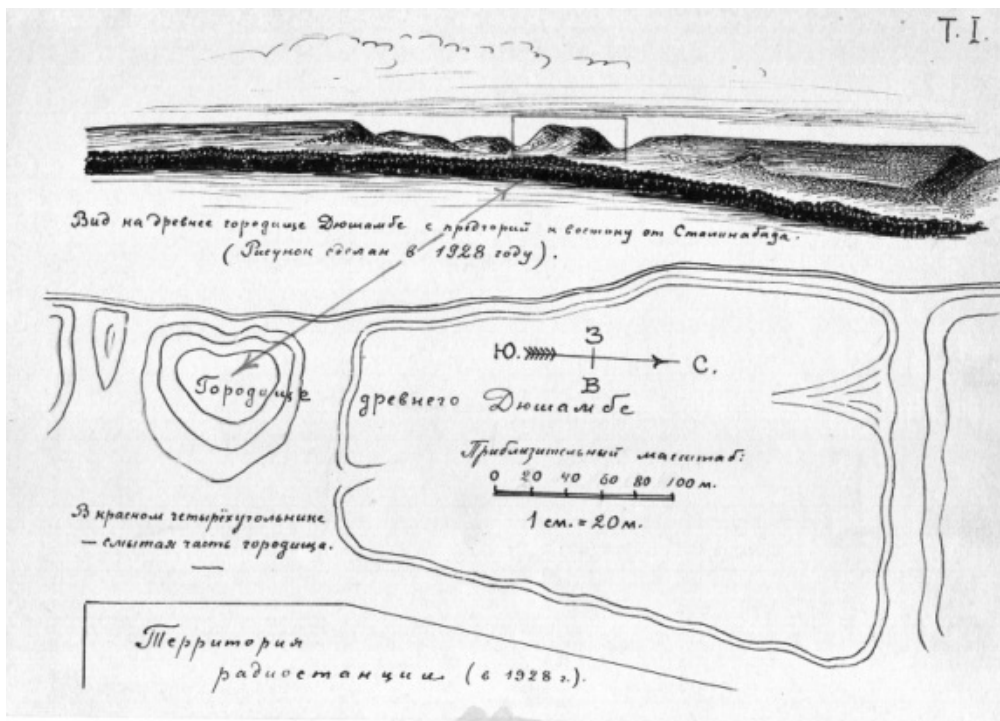
Названием этой главы взяты слова замечательного писателя Бориса Матвеевича Лапина, побывавшего в Таджикистане в 1927 г. «Бури, сын Мустафа-куля» – значилось в мандате этого человека, «регистратора демографической переписи ЦСУ, знающего туземный язык». Ему довелось проводить первую перепись населения Таджикистана в Каратегине, Сагирдаште и на Памире. Говоря о Южном Таджикистане, недавно еще бывшем Восточной Бухарой, он очень точно и одновременно поэтично характеризует этот прекрасный горный край как «*проезжий переуллок гор*».

Фрагмент керамики из коллекции А.Е.Маджи

В декабре 1927 г. Андрей Маджи закончил учебу в САГУ, получив свидетельство (так назывался тогда документ о завершении обучения в вузе) об окончании университета «*по разряду иранской филологии Этнолого-лингвистического отделения восточного факультета*»¹¹⁷. Привычного в нынешних вузовских дипломах названия полученной специальности не было, что пред-

¹¹⁷ Личный архив Маджи А.Е. Свидетельства, аттестаты, дипломы. - Л.15.

План Дюшанбинского городища, составленный
А.Е. Маджи весной 1929 г.

полагало занятие самым широким кругом деятельности от науки до дипломатии и государственного управления. Нужно было выбирать жизненный путь. В своих воспоминаниях за 1957 г., написанных через тридцать лет после этого события, Андрей Евлампиевич пишет:

«Усиленный интерес к археологии чуть было не сделал меня археологом, но встреча моя с бывшим моим преподавателем афганского языка (пушту) по САГУ, афганцем Нисар Мухаммедом, бывшим тогда наркомпросом (Народным комиссаром просвещения – В.Д.) Таджикистана, повернула меня на педагогическую работу; тем более, что работа в школах Таджикистана обещала углубить мои знания в иранских и других восточных языках».

Вместе с тремя своими однокурсниками¹¹⁸ в марте 1928 г. он пустился в неблизкий и нелегкий путь к своему новому месту работы. Об этом путешествии позже напишет один из тех его товарищей, также в будущем известный востоковед, Алексей Павлович Колпаков: *«Был март 1928 г., когда четверка молодых востоковедов выехала в далекий путь, так как пришлось ехать поездом от Ташкента до Термеза. Дальше железной дороги не было, а нам предстояло направиться в столицу республики, тогда еще Дюшамбе – небольшой кишлак в Гиссарской долине. В Термезе садимся в кузов грузовой машины, кото-*

¹¹⁸ А.П. Колпаков, А. Востров и С. Нестеренко.

Вид с севера на северный курган
близ Сталинабада.

Рисунок кургана в окрестностях Сталинабада. 1928 г.

рый перетянут толстыми цепями для того, чтобы держаться пассажирам во время поездки по ухабистой и неровной дороге. У Регара машину по самый кузов засосало в болото. Пришлось остановиться на ночевку. Всю ночь сидели в машине, а утром нас вытаскивали дехкане канатом. Дружная компания трудовых таджиков, примерно сто человек, помогла нам продолжить путь в Дюшамбе»¹¹⁹.

Так в марте 1928 г. Андрей Маджи оказался в столице Автономной Таджикской Советской Республики – Дюшамбе.

Через тридцать лет после этого Андрей Евлампиевич вспоминает эти дни:

«Приезжавшие в распоряжение Таджикского Наркомпроса работники до отъезда к месту назначения останавливались в общежитии. Оно находилось рядом с Наркомпросом в грязном кочковатом дворе, заросшем высокой травой почти в рост человека. Около общежития находился навес для двух наркомпросовских лошадей. Это общежитие представляло собой глинобитное строение без фундамента с низкой щелястой дверью и несуразно высоко расположенными маленькими окнами в четыре стекла. В комнате на утоптан-

¹¹⁹ Личный архив Маджи А.Е. Статья А.П.Колпакова «Страницы прошлого» (1928г.). - Л.2.

ной земле лежали циновки, на них – тонкий грязный палас. Едва посетитель садился на него (никаких иных приспособлений для сидения не было), он начал чувствовать, что под брюками и сзади под рубашкой кто-то начинает ползать. Очень скоро то же самое ощущалось и на шее. Вскоре после этого неудержимо хотелось чесаться, но зуд от этого не утихал и возникал в других местах тела. Это были блохи. Попробовали бы вы отдохнуть в этих условиях спокойно! Только чрезмерная усталость заставляла вас на час-другой забывать про зудящие укусы блох по всему телу... И так было везде»¹²⁰.

Конечно же, блохи – были наименьшей из бед в Таджикистане того времени! В республике уже семь лет шла гражданская война: басмаческое движение, начавшееся сразу после свержения с престола в сентябре 1920 г. последнего эмира Бухары Алимхана, меняло лидеров, источники финансирования и лозунги, вспыхивало вновь и вновь, словно приступы тропической лихорадки. Последствия гражданской войны были особенно тяжелы для южного Таджикистана – бывшей Восточной Бухары. Только за два года, с 1922 по 1924 г., здесь от рук басмачей погибло 1913 и было ранено 1073 человека; заставили эмигрировать 2473 дехканских семей, разрушили и сожгли 1894 дома¹²¹.

Кулябская область, куда были распределены на работу Андрей Маджи и Алексей Колпаков, была, как теперь принято выражаться, типичной «горячей точкой» на карте Таджикистана. Этому способствовал и горный рельеф с множеством лесов и ущелий, изобилующих пещерами и другими естественными укрытиями, и протяженная, трудно контролируемая граница с Афганистаном, где окопались лидеры басмаческого движения во главе с экс-эмиром Алимханом.

К концу весны 1925 г. на территории Таджикистана сохранялось примерно 30 мелких отрядов (около 400 боевиков). К концу июня Красная армия установила полный контроль над Дюшамбинским, Кафирниганским и Файзабадским районами. Весной 1928 г., когда четыре молодых востоковеда прибыли в Таджикистан, положение еще более нормализовалось, однако вблизи государственной границы с Афганистаном было еще неспокойно.

Условия жизни и работы А. Маджи, назначенного заместителем начальника Областного отдела народного образования (ОНО) и его бывшего однокурсника – Алексея Павловича Колпакова, возглавлявшего педагогические курсы в Муминабаде, лучше всего характеризуют их собственные воспоминания и письма:

«Постоянным местом педагогических курсов был город Куляб, но наступление сильной жары летом сопровождалось широким развитием малярии и особенно тяжелой, крайне изнуряющей больного тропической лихорадки папатачи. По-

¹²⁰ Личный архив Маджи А.Е. Воспоминания о работе в Кулябе. 1928г.-Л.11.

¹²¹ Х. Пирумшоев, Х.Маликов. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. Душанбе, 2009г.- С. 447.

этому летом 1928 г. педагогические курсы временно решено было перевести в более здоровое и прохладное место – Муминабад. Там они были размещены в густом саду местной начальной школы. И что же произошло?

Муминабад находится всего в нескольких десятках километров от Афганской границы, а там, за Пянджем притаились бежавшие из Советского Таджикистана баи, кулаки, муллы, эмирские чиновники и остатки басмаческих банд. И вот среди курсантов начали упорно распространяться слухи о готовящемся нападении на курсы шайки басмачей. Курсанты открыто стали говорить, что при налете бандитов их перережут только за то, что они учатся в безбожной советской школе. Несколько курсантов в страхе убежали, другие начали отказываться посещать занятия под разными благовидными предлогами. Заведующий курсами срочно потребовал вернуть курсы в Куляб, пока басмачи не вырезали всех. Переезд же в Куляб в тогдашних условиях с переброской всего имущества курсов, занял бы не менее трех-пяти дней, а летние кулябские лихорадки доканали бы их окончательно. Между тем дорог был каждый час и каждый курсант. Сколько бы учителей подготовили курсы до 1-го сентября, столько можно было бы и открыть школ.

Только с огромными усилиями удалось разоблачить и разбить козни затаившегося врага, успокоить курсантов, удержать курсы в Муминабаде и сдать в срок полноценный выпуск новых педагогических кадров»¹²².

«3.VII.(19)28 г.

А.Е.! Начинаю чуть поправляться от папатачи¹²³. Ужасная болезнь, чуть не унесшая меня в мир нетленный. Чуть-чуть не преставился, быть может, еще будет приступ, посмотрим. С ума я не сходил, хотя был близок к этому. Больных у меня 13 человек, это все малярики или папатачики. В разных концах сада стонут больные, корчась в муках невероятных.

Денег на продовольствие и на прочие расходы, нет. Купите аршина 3 фитилей для 10 ламп. Я начал делать огромный отчет за июль, но тут и свалился. Если будет лучше, то завтра начну продолжать свою работу. Я так ослаб за время папатачи, что и выразить трудно. Температура была все время 40. При этой температуре взрослые умирают, а я еще кое-как делал распоряжения. Первый день был почти без памяти.

Если возможно, то получите деньги на мат(ериальное) обеспечение и на расходы больных; которые не могут оправиться здесь, отправят по домам, ибо я не имею диетического стола для них»¹²⁴.

¹²² Личный архив Маджи А.Е. Воспоминания о работе в Кулябе.1928г. Народное образование в Кулябской области 30 лет тому назад (воспоминания очевидца). - Л.3-4.).

¹²³ Папатачи – тропическая лихорадка

¹²⁴ Личный архив Маджи А.Е. Воспоминания о работе в Кулябе.1928г. Народное образование в Кулябской области 30 лет тому назад (воспоминания очевидца).-Л. 4.

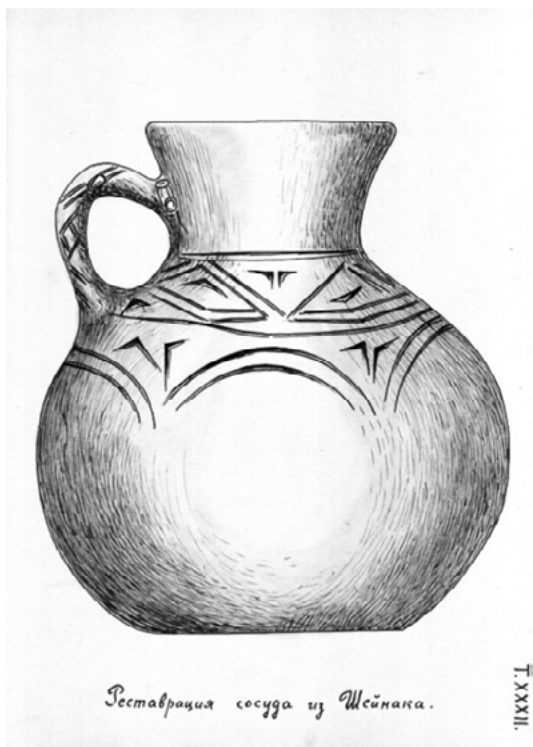

Рисунок древней керамики из окрестностей Гиссара.
1928 г.

Но уже через три недели тон писем Алексея Колпакова становится более тревожным и уже не связан с состоянием здоровья учащихся:

«29.VII. (19)28. 10 часов вечера.

Андрей Евлампиевич! Дело серьезной важности. Я намерен немедленно переселиться с курсами из Муминабада в Куляб. Причина этого – появление некоторых неблагоприятных обстоятельств. В окрестностях Муминабада имеется басмаческая группа. Некоторые учащиеся заявляют, что они не ручаются, что здесь часть не уничтожат эти басмачи. Поэтому я твердо и неуклонно решил переселиться, а по сему случаю не откажите немедленно выслать 3 подводы, которые нас возили раньше. Невзирая на кулябскую жару, если такая имеется, я еду с курсами в Куляб.

Мы безоружные и нас тут могут, как кошек передавить. Настроение окружающего населения далеко не в нашу пользу. Кроме того, полагаю, что в Кулябе наши учебные дела пойдут еще успешнее, а тут у нас будет каждый вечер моральная подавленность и неизвестность за свою судьбу. Поэтому я настоятельно прошу выслать подводы, и мы через час будем готовы к отъезду. Со средствами на переезд мы как-нибудь уладим.

Получил часа три назад письмо из газеты, с наслаждением прочел о работе ледокола «Красин».

От А.С. Морозовой огромное письмо. Вам привет от нее.

Полагаю, что мы скоро увидимся, если за 2–3 будущих ночи нам не перережут горло.

Всего доброго, А. Колпаков.

P.S. Нисколько не желая тревожить официальную власть об этом положении, я прошу выслать для переезда 3 подводы. Вы тоже не оглашайте этого. Мы как будто переедем под другим соусом.

А. Колпаков. 29.VII. (19)28 г.»¹²⁵.

«Мумин-Абад.

Мусо Исхак достанет подводы и пр., а Вы окажите ему содействие. Если имеются деньги, то неплохо бы прислать рублей 300 для расчета за мясо и хлеб. Я быстро эвакуируюсь, жду подвод.

А. Колпаков.

30.VII.(19)28 г.»¹²⁶.

«А.Е!

Мне предлагают организовать самоохрану, но ведь это все паллиативы, ибо у меня гражданская школа и нет лиц, владеющих оружием. У меня школа превратится в лагерь, это уже не годится. Невзирая на то, что в Кулябе сейчас жара, по словам Мусо Исхака, я еду(?). А затем и другие мотивы. Рис, мука, морковь все это привозится из Куляба. В Кулябе мы можем решить вопрос о приобретении обуви, из Куляба мы будем отправлять учащихся в вузы. Словом, Куляб для моих курсов становится столицей.

В силу всех этих соображений, а главное – в силу безопасности, я посылаю гонца Исхака за подводами.

А. Кол(паков)

30.VII.19(28) Мумин-абад»¹²⁷.

Нужно признать, что Андрей Маджи в данном случае попал в непростую ситуацию: в тяжелом и опасном положении оказался не просто его подчиненный, но его однокурсник и друг! Конечно, ему, прошедшему восемь–десять лет назад суровую школу боев с басмачами в Ферганской долине и в горах Чимгана, опасность, описанная Алексеем Колпаковым, кажется надуманной. Именно поэтому он в тот же день пытается его ободрить и успокоить своим письмом:

30.VII.19(28) Куляб.

Орнамент керамики
из окрестностей Гиссара. 1928 г.

¹²⁵ Личный архив Маджи А.Е. Воспоминания о работе в Кулябе.1928г. Народное образование в Кулябской области 30 лет тому назад (воспоминания очевидца). - Л.5.

¹²⁶ Личный архив Маджи А.Е. Воспоминания о работе в Кулябе.1928г. Народное образование в Кулябской области 30 лет тому назад (воспоминания очевидца). - Л.6.

¹²⁷ Там же. - Л.7.

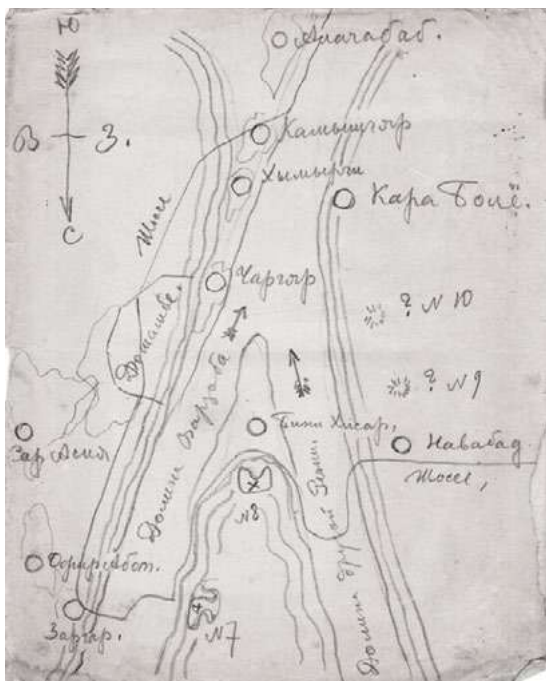

Схема археологических объектов в окрестностях Душамбе. 1928 г.

«Алексей Павлович!

Немного спокойствия и выдержки! «Появление некоторых» неблагоприятных обстоятельств должно побудить усилить Вашу энергию победить эти препятствия, а не отступить сейчас же в панике. Переберите в памяти опыт Ваших 30 профессий и... тут – жизнь-борьба! По вполне достоверным сведениям у тов. Титар-заде (нач. вилоятской милиции) и его пома (русский), ваш тумен, как и соседние – наиболее благополучный. Связь Куляба с туменами регулярная и полная(?). Ежедневно люди ездят от Вас и к Вам, но тревога слышна только от Вас и только от Вас. Про дивану муминабадского в Кулябе прекрасно знают. Знают и его выходы на ... Муминабадской милиции и про его афганский кинжал и

т.д. (полюбопытствуйте об этом, если хотите). Тревога некоторых учащихся должна встретить с Вашей стороны детальное расследование и проверку. (Я уверен, что это – ловкая проделка соскучившихся по Кулябскому базару и изнывающих от строгой регулярной учебы нескольких лентяев с курсов). Поинтересуйтесь этим и у муминабадской милиции и в уголовном розыске. Тут стесняться не приходится спрашивать такие данные, когда Вы в них верите хотя бы немного, нельзя. Если опасность действительно окажется, будьте спокойны – курсы немедленно сможем перебросить в Куляб или принять другие радикальные меры.

Единичные жулики могут быть и в Кулябе, воры те, в три-четыре человека, даже хорошо вооруженные, поверьте, не осмелятся ни за что душить шестьдесят человек взрослых курсантов, которые при хорошем руководстве могут их всех прекрасно переловить голыми руками. Почему Вы написали фразу «настроение окружающего населения далеко не в нашу пользу». Это я слышу впервые и очень хотел бы получить об этом фактический материал.

Насчет жары в Кулябе Муса Исхак совершенно прав. Жар все еще нарастает, как нарастает день. На убыль пойдет жара и день по календарю только в ближайшем будущем. У Вас сейчас 2-е больных, а в Кулябе будет половина всего состава, так как люди уже отвыкли от здешнего воздуха и прочих условий. В Кулябе сейчас болеют даже сами врачи.

Насчет обуви переговорил с уполномоченным Узбекторга. По-видимому, ботинки военного (вернее – рабочего) образца обойдутся с доставкой по 10 рублей. Вручил официальное отношение с запросом точных данных на закупку.

Разрешение отослать 10 малолетних курсантов запросил у Наркомпроса телеграфом. С той же телеграммой срочно требую тетради для курсов и заново в помощь по ... работ. На спячку Наркомпроса составлю жалобу в ЦИК.

Чтобы убедиться на месте в условиях жизни и работы в настоящее время в Кулябе, а также для обстоятельного совещания, я просил бы Вас передать курсы учителю Омар Шерифову и денька на три-четыре приехать погостить к нам.

Жду Вас в полдень среды, но отнюдь не с курсантами.

В добрый час, А. Маджи. P.S. Работе курсов, как яркому очагу просвещения в здешней глуши, ничто не должно мешать. Во всяком случае препятствия курсы должны ломать, а не бежать от них. Нельзя же бежать от одного дивана и двух-трех неучтенных даже милицией воров, которым, поверьте интереснее купеческий карман, чем ваши бурсаки, которые им могут здорово намять шею. Если же подозреваете происки байства, займитесь с утроенной энергией нащупыванием фактического материала – это Вам будет полезнее «Древнего Ховалинца» и уж во всяком случае интереснее с общественной точки зрения.

При поездке в Куляб захватите счет на 2 стопы бумаги, так как я забыл заверить его в бухгалтерии.

«Кулябец»¹²⁸.

А. Маджи удалось удержать А.П. Колпакова от эвакуации педкурсов из Муминабада, но обстановка в Южном Таджикистане продолжала накаляться. В марте 1929 г. в Афганистане, под председательством бывшего эмира Бухары Алимхана состоялось совещание руководителей басмаческих банд, на котором было объявлено о подготовке нового вторжения на территорию Средней Азии. Возглавлять объединенные вооруженные силы таджикской и узбекской эмиграции было поручено локайскому родовому вождю Ибрагим-беку. В качестве авангарда в районы будущих боевых действий на территорию Таджикистана, Узбекистана и Туркмении были направлены банды Фузайла Максума, Давлия Сардара, Утам-бека. В первой половине марта на афганской территории только у границы с Таджикистаном сосредоточилось свыше 600 басмачей, готовых к вторжению.

28 апреля 1929 г. через государственную границу в Дарвазе прорвалась бан-

¹²⁸ Личный архив Маджи А.Е. Воспоминания о работе в Кулябе.1928г. Народное образование в Кулябской области 30 лет тому назад (воспоминания очевидца). - Л.8.

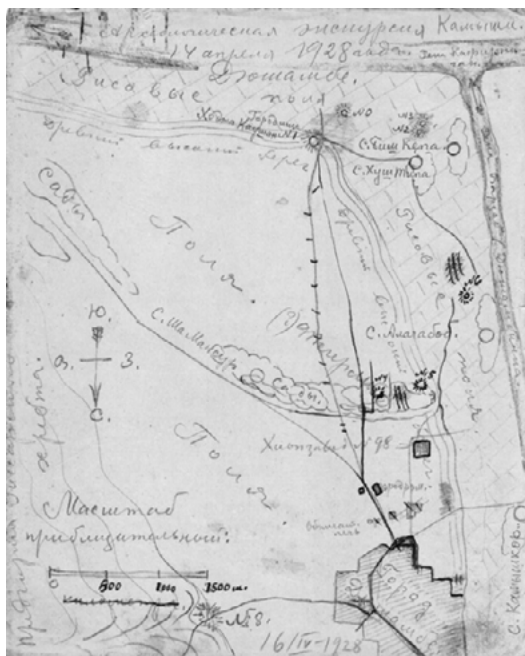

Схема маршрутов археологических экскурсий А.Е. Маджи в окрестностях Дюшамбе. 1928 г.

да бывшего каратегинского бека Фузайла Максума. Пройдя через горные перевалы в долину Вахие и далее – в Каратегин, басмачи уничтожили около двухсот дехкан, советских работников, учителей. В числе «потерпевших» оказался и один из ранее означенной «четверки» прибывших год назад в Таджикистан молодых востоковедов – А. Востров. В рукописи лекций по истории таджикского народа, подготовленных А.Е. Маджи для студентов Таджикского Сельскохозяйственного института в 1948 г., он приводит подробности случая с его однокашником:

«В самом Калай-Хумбе обманом были захвачены бандитами Фузайля девять советских работников с двумя винтовками. Пленников десять дней держали взаперти в одном из помещений старой крепости. Перед бегством Фузайля Максума об-

ратно в Афганистан началась зверская расправа. Пленников раздевали, выводили из сакли на обрыв реки Пяндж, рубили шашками и сбрасывали в бурные воды реки. Первыми были зарублены врач Ольхов и фельдшер Коссов.

Из всех девяти спасся только один работник Гармского отдела народного образования Востров (погибший во время обороны Москвы от гитлеровских захватчиков). Он рассказал, что перед казнью каждого пленника вели к обрыву три бандита. Когда очередь дошла до него и он увидел, что его ведут к берегу Пянджа, он решил вырваться у самого берега и сам броситься в реку. На краю обрыва он поскользнулся в луже крови. Басмач, державший его, выпустил от неожиданности его руку. Востров, защитив голову рукой, бросился в Пяндж, но шашка басмача все-таки успела врубиться в руку. С раненой рукой Востров проплыл до ближайшего кишлака и там выбрался на берег. Двое дехкан укрыли его у себя, одели, остановили крово-течение раны, перевязав ее, как могли, накормили, пока в кишлак не прибыл красноармейский отряд»¹²⁹.

Казалось бы, что напряженная политическая обстановка и служебная загруженность не оставляли места ни для какой научной работы, но молодой ученый выкраивал время и для этого. Первыми исследованиями Андрея Маджи на территории Южного Таджикистана стали археологические наблюдения,

¹²⁹ Маджи А.Е. История таджикского народа. Лекции, статьи, заметки. - Л.24-25

сделанные им за те две недели, что он провел в Дюшамбе, ожидая назначения в Куляб. Можно только удивляться энтузиазму этого человека, успевшего за столь короткое время совершить несколько поездок по окрестностям города, составив ряд схем и планов на местности, зарисовав десятки находок!

Глядя на них сегодня, удивляешься, как не похожи они на современный Душанбе! Старый город на этих планах – лишь маленькое пятнышко на высоком берегу у слияния Варзоб-Дарьи и Лучоба, а все расстояние до нынешнего медгородка и республиканской больницы Кара-Боло (на ее месте в те дни был одноименный кишлак) – всего лишь пастбища и поля дехкан; примерно на месте бывшего душанбинского Главпочтамта обозначен... аэродром!

Именно на этой территории пыливый взгляд молодого исследователя отметил несколько небольших тепа, бывших когда-то усадьбами местных феодалов. Здесь им были собраны первые находки (так называемый *«подъемный материал»*), который дает возможность археологам определить исторический период того или иного объекта, что очень важно для будущих раскопок.

Ничего удивительного, что историку, прибывшему в Душанбе в марте 1928 г., сразу бросились в глаза многочисленные *«тепа»* в окрестностях города – явные свидетельства некогда процветавших здесь населенных пунктов. Они были повсюду: на стрелке рек Варзоб-дарьи и Лучоба; в садах окрестных кишлаков Шахмансур и Кара-боло; у северной дороги из Варзобского ущелья. А. Маджи тщательно наносил их на свои рукописные планы, расчерченные на тетрадных листках, в крошечных блокнотах, *«оборотках»* каких-то хозяйственных бланков, что удалось выпросить у симпатичной девушки в канцелярии Наркомпроса: каждый клочок бумаги в те годы был в страшном дефиците!

Так, почти девяносто лет назад, были впервые зафиксированы археологические объекты вокруг нашей столицы.

Застройка этой территории происходила в 1950–1960-х годах и большинство отмеченных на схеме молодого исследователя тепа и иных объектов были разрушены строителями, рывшими котлованы фундаментов и возводящих насыпи дорог. Из десяти замеченных и нанесенных Маджи на схему объектов в настоящее время остался лишь один – городище Ходжа-Кушан. Душанбинцы и сегодня могут увидеть его, проезжая по улице от железнодорожного моста к мебельной фабрике. Таджикские археологи определяют Ходжа-Кушан, как городище античного периода.

Не теряя времени молодой ученый и все полтора года работы в Кулябе – в диссертации А.М. Маджи, написанной им в 1954 г., десять страниц посвящены археологическим объектам Кулябской области: самого г. Куляба, Бальджуана, Кангурта, Хыш-тепа.

Как пишет Андрей Евлампиевич:

«Очень значительная территория Кулябского округа, и полное отсутствие штата (в ОНО я был единственным работником, не было даже сторожа), при громадной ответственности заставили меня через полтора года работы, получив смену, уехать в Фергану, чтобы на легкой работе учителя рисования привести в порядок большой археологический и иной материал научного характера, собранный как в Таджикистане, так и в Афганистане»¹³⁰.

---

¹³⁰ Личный архив Маджи А.Е. Автобиографии 1928-1954гг. - Л.8-9.

Глава VII. Крупицы прошлого

В 1930 г. А. Маджи вновь приезжает в Таджикистан: *«где я считал себя обязанным работать, имея диплом востоковеда...»*¹³¹. Здесь, вплоть до 1933 г. он работает завучем краткосрочных курсов политпросветработников в Сталинабаде, завучем курсов подготовки учителей в Хавалинге, Гарме и Шахринау, а также заведующим клубом и учителем курсов подготовки в комвуз¹³². И, как и раньше, этот короткий *«первый сталинабадский период»* жизни востоковеда стал временем активных исследований, которые он вел, используя выходные, дорогу во время многочисленных командировок и служебных поездок.

Народный комиссариат Таджикской АССР. 1925 г.

Если говорить только о его археологических исследованиях, то наилучшей характеристикой масштаба и географии работ в этой области служит список

¹³¹ Личный архив Маджи А.Е. Автобиографии 1928-1954гг. - л.9.

¹³² Там же.

г. Сталинабад, ул. Шота Руставели. 1928-1929гг.

тех объектов, на которых была проведена археологическая разведка или заложены пробные шурфы:

«Сталинабад:

- 1. Большое древнее городище с цитаделью в центре, расположенное вдоль р. Дюшамбинки на запад, северо-запад и юго-запад от радиостанции.*
- 2. Южнее здания старого Совнаркома находился холмик, в обрыве которого был керамический ящик правильной формы (57–37–17 см.) с плоской крышкой.*
- 3. Городище на восточной окраине города у устья долины. Грубая керамика с коричневой и белой орнаментальной росписью.*
- 4. Курган на юго-западной окраине города за полотном железной дороги против товарной площадки. Керамика обильно и богато орнаментирована углубленным и красочным орнаментом.*
- 5. Два кургана к северу от города на обрыве р. Дюшамбинки, один южнее, другой севернее. На одном из них, южном, осколки кремня, фрагменты толсто-стенного орнаментированного нишками очажка.*
- 6. Два кургана на откосе между (реками) Лучобом и Варзобом против верхнего моста через Варзоб и к северу от военного городка.*

Заречье к западу от города:

7. Селение Шишхона километров в 4 на запад от Сталинабада. Культурные пласты в оврагах.

8. Селение Ауль, километрах в 6 от Сталинабада на запад. Курган-городище западнее селенья и культурные пласты кое-где в оврагах севернее селенья.

9. Селение Джуй-Бодом, километрах в 7 от Сталинабада на запад. Небольшой курган западнее селенья.

10. Селение Шейнак километрах в 8 от Сталинабада на юго-запад. Курган и городище у юго-восточного края селенья. Культурные пласты в оврагах до 3,5 метров от уровня почвы. Керамика обильно и богато украшена орнаментированными фрагментами с вдавленным и расписным орнаментом, обильны черепки чарогов, очажков.

11. Километров 10 к западу по ж/д 2 кургана – восточный и западный. Оба бедны керамикой.

12. Селенье Ходжа-Каушан к западу от устья р. Дюшамбинки, в километре от него. Небольшое городище с цитаделью.

13. Селение Беш-Капа в километре от устья р. Дюшамбинки. Вблизи селенья два небольших кургана.

14. Километрах в 6 на восток от города по Янгибазарскому шоссе и югу от него. Небольшой курган-городище»¹³³.

К этому следует еще добавить объекты в Шахринау, Кангурте, Хавалинге, Пушине и Кулябе, где молодой востоковед производил раскопки и сбор материала. Большинство этих исследований много позже были обобщены им на страницах его так и незащищенной диссертации «Очерки по археологии Таджикистана, Тохаристана и Бактрии. Наблюдения и замечания. 1925–1954 гг.»...

Еще одной характеристикой научных исследований А. Маджи в его «первый сталинабадский период» жизни может служить справка Народного Комиссариата Народного Образования от 23.9.1933 г., сохранившаяся в архиве:

«Дана настоящая справка тов. Маджи А.Е. в том, что им безвозмездно сданы в Таджикистанский Государственный Музей в г. Сталинабаде 5 ящичков весом около 3 пудов фрагментов древней керамики и несколько поврежденных древних сосудов из района г. Сталинабада и частично из Гарма и Ховалинга, а также схематическая карта расположения древних городищ вокруг и в пределах г. Сталинабада.

(подпись)¹³⁴

¹³³ Личный архив Маджи А.Е. Сводка археологических работ и материалов. - Л.14-17

¹³⁴ Личный архив Маджи А.Е. Археология. Афганистан. - Л. 5.

Советский плакат 1930-х годов,
посвященный борьбе за равноправие
женщин Востока

Схематическая карта расположения древних городищ вокруг и в пределах г. Сталинабада, упомянутая в этой справке, является для современных таджикских археологов, во многих случаях, единственным свидетельством существования девяносто лет назад интереснейших памятников, уничтоженных в процессе строительства столицы Таджикистана. Только некоторые из обозначенных городищ и курганов успели исследовать ученые – большинство же бесследно исчезло под фундаментами многоэтажных зданий, асфальтом дорог, руслами каналов. Именно поэтому те крупницы прошлого, что были зафиксированы пером молодого востоковеда Андрея Маджи, являются для нас бесценным свидетельством ушедших времен!

Столь же ценны и его многочисленные карандашные рисунки, особое внимание в которых уделено им изображениям резных архитектурных деталей мечетей и жилых домов: жилка художника, изначально присущая Андрею Маджи, заставляла его фиксировать каждую капитель колонны, резную дверь или потолочную балку.

Археологические раскопки на древних городищах Афрасиаба, Варахши, Пенджикента, Балалык-тепе, Аджина-тепе, Чильхуджры и других регионов Мавераннахра дали науке уникальные материалы, рассказывающие о последних днях феодальных городов VII–VIII вв., в облике которых резное дерево занимало особое место. Аристократы Согда и Бактрии, как свидетельствуют сохранившиеся фрагменты красочных фресок, любили украшать дворцы и жилые покои сценами пиршеств, поединков, охоты, игр и т.д. А масса обуглившихся деревянных фрагментов говорит о том, что балочно-стоечные конструкции и отдельные архитектурные детали (колонны, прогоны, балки, двери) покрывались бесфоновой резьбой, которой пользовались двумя веками позже и саманидские мастера архитектурного орнамента.

К великолепным образцам художественной резьбы по дереву относятся колонны из горных кишлаков Оббурдона, Рарза, Фатмева и других поселений долины Зеравшана. Здесь же был обнаружен Искадарский мехраб. К X–XII вв. относится деревянный мавзолей Хазрати-Шо (Лангар Бобо) в Чорку в Ферганской долине. Аналогичные находки обнаружены на территории Афрасиаба (Самарканд) и кишлака Дерушан в Горном Бадахшане. Унифицированные

мотивы и техника резьбы орнамента позволяют сказать, что искусство VII–X вв. было золотым веком в истории таджикского народа ¹³⁵.

Различные фрагменты резного дерева из Пенджикента, Уструшаны и Вахдада уже в наше время дают яркое представление о высокой культуре согдийских и тохаристанских скульпторов и орнаменталистов, передавших эстафету мастерам пластической резьбы IX–XII вв.

В 1920–1930-х гг. в Южном Таджикистане еще сохранялась масса старых построек, имевших резные деревянные украшения и роспись. Начавшееся в этот период массовое строительство и борьба с религией приводили к сносу мечетей, в архитектурных элементах которых, прежде всего, и использовались резные украшения. Именно их и удалось зафиксировать в своих рисунках А.Е. Маджи ¹³⁶.

Особый интерес среди них представляет анализ цветовой гаммы росписи под куполом Кокандской урды (дворца), сделанной, судя по всему, ранее – в студенческие годы – и приведенной здесь для сравнения с материалами Южного Таджикистана, а также анализ цветовой гаммы росписей из Дюшамбе и резных колонн из кишлаков Шахмансура и Ло-кай-Беги по дороге из Душанбе в Нурек. Несколько рисунков и архитектурных планов посвящено мечети в кишлаке Хонтарош: резьба створок двери, капители и колонн строения. Здесь же приводится и анализ расцветки таджикской тубетейки, и узоров попоны локайской верховой лошади.

В целом можно признать, что *«первый сталинабадский период»* жизни и деятельности А.Е. Маджи был весьма плодотворным, как в археологических исследованиях, так и в искусствоведческих и этнографических изысканиях на территории Южного Таджикистана.

---

¹³⁵ См. Рузиев М. Декоративно-прикладное искусство таджиков. Душанбе, 2003г. - С.7-18.

¹³⁶ См: Маджи А.Е. Научная работа 3. Резьба, орнаменты. - Л.1-73. Л.3-19. На обороте «кассовых расходных ордеров отдела народного образования» (17×12 см.). Рисунки простым карандашом и чернильной ручкой; Л.21-29об. На частях тетрадных листов, карандашом. (13,5 × 8 см.); - Л. 40(об), а также 43-46(об). Орнаменты из Хонтароша. См. также: Личный архив Маджи А.Е. Рисунки орнаментов и резного дерева. - Л.1-36 (об).

Глава VIII. Желтые воды Яксарта

Как пишет в своей автобиографии, составленной 27 января 1938 г., сам А.Е. Маджи:

«...летом 1933 г. я перевелся из Сталинабада в Ленинабад, так как я получил возможность перейти на работу в вузе по вопросам интересовавшей меня истории Востока и лингвистики. Но летом 1934 г. исторический и лингвистические факультеты пединститута в Ленинабаде были переведены в Сталинабад, причем Наркомпрос позаботился о переводе студентов и не сделал ровно ничего для перевода в Сталинабад также и лекторов. Я остался в Ленинабаде, работая сперва ассистентом, а потом и.о. доцента таджикского, английского и русского языков в Таджикском сельскохозяйственном институте в Ленинабаде, причем ввиду большого числа часов по языкам и необходимости методического руководства сельхозрабфаком и подготовительными курсами в области языков, по моему докладу на ученом совете ТСХИ при этом институте была организована кафедра языков, просуществовавшая один год под моим руководством и сокращенная затем, как не утвержденная Главвузком при попустительстве тогдашнего главного руководства учебной частью ТСХИ»¹³⁷.

«Ленинабадский период» жизни и деятельности Андрея Евлампиевича Маджи составил одиннадцать лет и отмечен плодотворной научной деятельностью в области истории, археологии, эпиграфики, таджикской филологии и даже ... гидрологии и мелиорации!

¹³⁷ Личный архив Маджи А.Е. Автобиографии 1938- 1934гг. Медицинская анкета студента. - Л.10-11.

Коллективное фото преподавателей и выпускников
Ленинабадского сельскохозяйственного института. 1935 г.

Для этого достаточно обратиться к одному из «Списков научных работ», каждый из которых разбит педантичным Андреем Маджи на два раздела: «опубликованные работы» и «неопубликованные работы и статьи». Первый раздел за «ленинабадский период», т.е. с 1933 по 1944 г. включает семь работ, а второй... тридцать! При этом нужно иметь в виду, что далеко не все из перечисленных в нем тем – просто научные статьи: такие названия, как «Суффиксный словарь русского языка», «Вопросы Сырдарьи», «Материалы по диалектам таджикского языка», «Словарь таджикской и узбекской грамматической терминологии», «Таджикско-английские лингвистические совпадения», «История Таджикистана – факультативный курс исторического факультета Пед.Института», указывают на то, что они являлись солидными рукописями монографий и учебников. Все они значатся в перечне неопубликованных работ и, к большому сожалению, многие из них не сохранились...

Конечно же, большинство исторических трудов А.Е. Маджи в этот период было посвящено прошлому Ленинабада – исторического Ходжента. Главный из них, пожалуй, – «К истории феодального Ходжента» – написан явно в той местности, о которой идет речь, хотя издан уже после того, как автор оттуда уехал (в 1945 г.) в Сталинабаде. Но уже в 1934 г. А.Е. Маджи пишет свою пер-

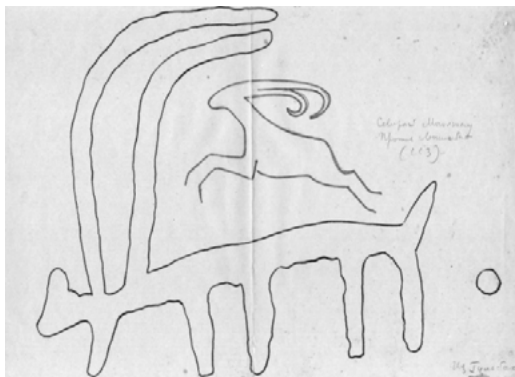

Рисунок петроглифа с хр. Моголтау
близ Ленинабада

вую работу о прошлом города – «Ходжент. (исторический очерк)». На тринадцати страницах плотного машинописного текста он излагает историю города с момента его возникновения до середины 1930-х годов.

Особый интерес представляет предположение автора относительно топонимики города:

«Название свое местность получила, по видимому, по возвышенности «кухча», резко поднимающейся на

берегу Сыр-Дарьи и служащей основанием цитадели. Эта возвышенность видна над садами с расстояния в 15 км. и с запада по течению Сыр-Дарьи, и с востока. Окончание «нд» позднейшее наслоение по аналогии с окончанием суффикса «канд»(кант), означающего «город». Названия же местности по возвышенности или холму для исторической эпохи очень употребительны в Средней Азии, как например: Курган-типа, Ок-типа, Ногай-курган, и.т.д.»¹³⁸

В отличие от мнения, что городское поселение основано в VI в. до н. э. персидским царем Киром, Маджи также предположил, что Ходжент в качестве протогорода существовал на своем месте задолго до завоевания Средней Азии ахеменидским Ираном:

«Это место будущего Ходжента стало обитаемо, по-видимому, еще задолго не только до Александра Македонского, но и до персидского завоевания Согдианы. Здесь еще до установления персидской ахеменидской государственности в Средней Азии укрепилась местная родовая знать... Было положено прочное основание постоянному поселению в пределах существующей в Северо-Восточной части крепости цитадели. От начала вокруг этого селения была небольшая ограда, служившая загоном для скота во время нападения соседних орд. Постепенно вокруг цитадели и жившей в ней родовой верхушки поселилась военная дружина, непосредственно обслуживавшая эту эксплуататорскую группу окружающего земледельческого населения, а также рабы»¹³⁹.

В «Историческом очерке Ходжента» мы впервые встречаем попытку исследователя разобраться в топонимике города: позже он более подробно остановится на истории возникновения и развития его махалля (кварталов) в работе «К истории феодального Ходжента»¹⁴⁰. В историографии городов Тад-

¹³⁸ Маджи А.Е. Ходжент. (исторический очерк). Рукопись. 1934г. - С.1.

¹³⁹ Там же. - С.1-2.

¹⁴⁰ Маджи А.Е. К истории феодального Ходжента// Материалы по истории Таджикиков и Таджикистана. Сталинабад, Госиздат при СНК Таджикской ССР, 1945г.- С.114-145.

жикистана работа А.М. Маджи о гузарах средневекового Ходжента значится на первом месте, подтверждая приоритет этого исследователя в изучении исторической географии города¹⁴¹. Следует отметить, что в сохранившейся в личном архиве А.Е. Маджи рукописи «К истории феодального Ходжента» перечислены 104 квартала (гузара)¹⁴² этого города, в отличие от 84, названных в изданной книге¹⁴³. В этой работе Маджи опирается на данные, содержащиеся в первом плане города, составленного в 1909 г., дополняя эти сведения изучением:

«1). Смыслового значения старых названий улиц и кварталов; 2). Смысловым и этническим значением названий городской оросительной системы; 3). Расположением и направлением улиц и кварталов; 4). Расположением кладбищ и «священных» гробниц; 5). Фрагментами древней керамики, находимой в разных частях города»¹⁴⁴.

К сожалению, судя по всему, А.Е. Маджи не имел возможности привлечения к изучению исторической топографии города вакуфных и иного рода документов, равно как и обширных археологических данных, появившихся позже, в связи с раскопками во время подготовки к 2500-летию Ходжента.

Еще одним направлением в работе ученого в его «ленинабадский» период стали исследования по петроглифам и наскальным надписям Северного Таджикистана и Киргизии, в отношении большинства из которых он стал первооткрывателем. Единственная из них – «Древние надписи и изображения близ Ходжента», написанная в 1934 г., увидела свет через двадцать три года – в 1957 г.¹⁴⁵. По-видимому, большой научный интерес для эпиграфики представляла и другая работа А.Е. Маджи – «Древние надписи близ селения Ворух Исфаринского района ТССР», выполненная в 1937 г.; но, к сожалению, она до нас не дошла.

Педагогическая деятельность А.Е. Маджи, которой он отдавал много сил и времени с момента окончания САГУ, не могла не проявиться в его многогранном творчестве: за тридцать шесть лет трудовой деятельности им были написаны двадцать две научных и методических работы и учебника, составлено несколько десятков исторических карт и наглядных пособий для средних школ и вузов.

Первой такого рода работой можно считать также, к большому сожалению, не дошедший до нас его «Туркестанский словарь для взрослых», объемом 4

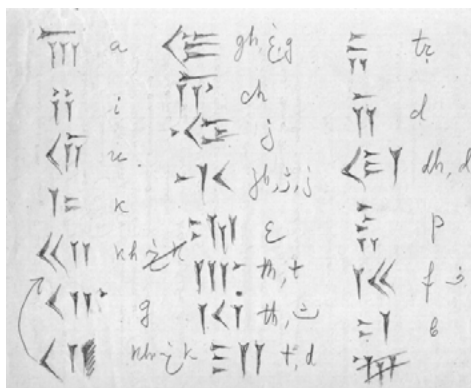
¹⁴¹ См. Материалы по истории городов Таджикистана. Душанбе, 1975. - С.6; Мухтаров А. Гузары ура-Тюбе. Ташкент, 1995. - С. 3.

¹⁴² Личный архив А.Е.Маджи. К истории феодального Ходжента. Приложение. - Л.1-5.

¹⁴³ Маджи А.Е. К истории средневекового Ходжента// Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сборник 1-й. Сталинабад, 1945. - С.141-143.

¹⁴⁴ Там же. - С.114-115.

¹⁴⁵ Наскальные рисунки в горах Моголтау. Изв. От. Об. Наук (АН ТаджССР). 1957, М14. - С.79-86;

Страница с расшифровкой вавилонской клинописи

п.л., составленный в 1919 г. Не дошли до нас и «Русско-иранский и ирано-русский словарь по материалам Афганистана» объемом 12 п.л., составленные ученым в 1931 г.

Однако большинство такого рода работ были написаны А.Е. Маджи в «ленинабадский» период его жизни, т.е. в годы преподавания в Педагогическом и Сельскохозяйственном институтах: «Словарь таджикской и узбекской грамматической терминологии», 1939 г., 0,5 п.л.; «Таджикско-английские лингвистические совпадения», 1940 г., 8 п.л.;

«Использование общего корнеслова при обучении английскому языку в национальных школах», 1941 г., 0,5 п.л.; «Воспитательные элементы при преподавании неродных языков в вузе», 1943 г., 0,8 п.л.; «История Таджикистана» (факультативный курс исторического факультета Педагогического института), 1943 г., 6 п.л. Ни одна из них так и не увидела свет, оставшись в списке неопубликованных работ...¹⁴⁶

Особняком в творчестве А.Е. Маджи в «ленинабадский» период стоит его деятельность по обоснованию создания Кайраккумского водохранилища. Эта идея, как ни странно, возникла не из экономической потребности хозяйственного развития, а благодаря лингвистическим, историко-географическим и палеоботаническим исследованиям на территории нынешней Согдийской области Таджикистана. Изучая древнюю историю этого региона, А.Е. Маджи обратил внимание на один из эндемических сортов винограда – «тагоби». Разбирая значение слова, означающего в переводе с таджикского языка «водоустойчивый» (т.е. выносливый к заливанию водой), он установил ареал распространения этого винограда – солончаки Костакоза, Исписара, Каттагана, что само по себе стало ярким доказательством солеустойчивости сорта, а также его неприхотливости к заморозкам. А.Е. Маджи коснулся и вопросов происхождения сорта, сознавая, что названные свойства растения вырабатывались даже не веками, а многими тысячелетиями в условиях более влажного и холодного климата. Но откуда обилие воды, соль? Изучение специальной геологической и географической литературы привело исследователя к выводу о существовании в доисторические времена огромного озера в западной части Ферганской долины.

В своей научной статье «К истории земледельческой культуры Ходжентского

¹⁴⁶ Личный архив А.Е.Маджи. Списки научных работ. Список неопубликованных научных работ А.Е.Маджи. - Л.5-14.

Схема будущего Кайраккумского водохранилища.

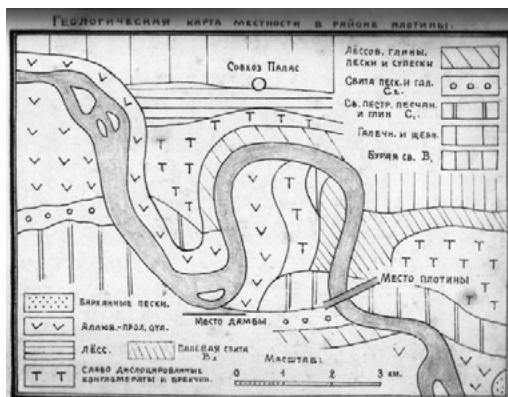
района» он пишет:

«Вопросы особой засоленности почв на востоке Ходжентского района, в частности, в Каттаганском, Исписарском и Костакозском сельсоветах, и вопросы происхождения типичного для Ходжентского района виноградного сорта «Табоби», его солеустойчивость, преимущественное распространение в Костакозском и Исписарском сельсоветах и возможное происхождение с востока Ферганской долины, заставляют обратиться к внимательному изучению геологии и географии Ходжента и соседних местностей, как на востоке, так и на западе.

Существующие географические карты и непосредственные многократные наблюдения дают определенные данные к тому, что география района далеко не всегда была та же, что и теперь. Изменения в ландшафте повлекли за собой изменения и во флоре, фауне и жизни первобытного человека. Вопросы истории земледельческой культуры, таким образом, связаны с целым рядом факторов, уходящих корнями в отдаленные эпохи»¹⁴⁷.

«Топография центральной Ферганы и ее горла у города Ленинабада показывает понижение Ферганской долины от Ленинабада не на запад, а на восток. Географам и геологам это обстоятельство в связи с другими факторами позволило уточнить вопрос о том, что некогда, еще в третичный геологический период, центральная Фергана представляла собой озерный бассейн, западный берег которого был образован конусом выноса рек Ходжа-Бакирган и Ак-су и отчасти антиклинальными складками Супе-тау и Самагар-Рухак.

¹⁴⁷ Личный архив А.Е. Маджи. Сырдарья. Вопросы Сырдарьи. Сталинабад, 1947г. - Л.102.

Геологическая карта местности в районе будущего Кайракумского водохранилища, составленная А.Е. Маджи

Естественно возникает вопрос о возможности и полезности восстановления уже бывшего в этих местах озерного ландшафта¹⁴⁸.

А.Е. Маджи внимательно изучает все доступные ему документы и публикации о перспективах развития экономики Таджикистана, но не находит при этом никаких планов эффективного использования водных ресурсов Сырдарьи:

«В трудах первой Таджикской конференции по производительным силам отмечено 40 проектируемых точек гидро-электрических ресурсов Таджикистана, но на Сырдарье или хотя бы на ее южных притоках не указано ни одной точки. Во вторую конференцию по производительным силам Таджикистана ресурсы Сырдарьи также не обсуждались. Между тем, несомненно, Сырдарья должна войти в кадастр гидроэнергетических богатств Таджикистана и занять свое место в генеральном плане по электрификации»¹⁴⁹.

Исследователь тщательно взвешивает все «за» и «против» предполагаемых оросительных и гидротехнических работ на Сырдарье и приходит к выводу об их целесообразности:

«Предварительные подсчеты позволяют предположить, что в Каттагане, Каракчикуме, Махраме, Батыркургане, Караянтаке и в других селениях, лежащих ниже 360 метров, будет затоплено около 6000 хозяйств и будет необходимо переселить около 15 тыс. человек.

Экономическая выгодность предприятия вполне может компенсировать потерю этих нескольких тысяч гектаров удобных земель орошением нескольких сотен тысяч гектаров новых земель в Голодной и Нуратинской степях.

Озеро зальет много земель в Фергане, которые в настоящее время не возделываются, но которые в будущем, при более высоком развитии техники могут быть включенными в состав посевных площадей. Земли эти представляют сплошные солонцы и болота Катагана, сыпучие пески Каракчикума, Кипчакской степи и степи Хадервиш в центральной Фергане и мелкие озера, болота и заболоченные низины Минбулака, Дам-куля, Ачи-куля, Джаны-куля, Узун-куля, Дунгуз-куля и Сары-су на восток от Коканда.

¹⁴⁸ Личный архив А.Е. Маджи. Сырдарья. Вопросы Сырдарьи. Сталинабад, 1947г. - Л.104.

¹⁴⁹ Там же. - Л.103.

Пески Каракчи-кум и пустынной степи Хадервиш не просто неудобные земли, но явно вредные, так как они легко поднимаются ветром, господствующим в восточной части Ферганы, наступают в виде барханов на поля, дороги, сады и селения и беспощадно засыпают их. Более мелкие частицы этих пустынных пространств поднимаются ветром в воздух и, затуманивая атмосферу, отнимают значительный процент солнечного сияния, необходимого хлопку. Накаленный западный ветер, налетающий летом на Фергану из Кызылкумской пустыни, пролетая через эти оголенные и сильно нагреваемые местности, создает сумумоподобный гармсил¹⁵⁰, пагубно действующий на нежные части растений и сильно иссушающий почву»¹⁵¹.

Работа А.Е. Маджи насыщена подробными математическими расчетами об использовании вновь орошаемых земель, мощности гидроузла будущей гидроэлектростанции, стоимостью работ по возведению водозащитных дамб в различных частях будущего водохранилища, геологическими схемами залегания пород и почв.

Однако результаты этих многолетних исследований ждала трудная судьба. О злоключениях своего проекта А.Е. Маджи пишет в предисловии к одной из его многочисленных копий в середине 1941 г.:

«Работа «Вопросы Сырдарьи» была в 1935 г. послана в ЦК КП(б) Таджикистана. От бывшего тогда секретаря ЦК КП(б) Таджикистана Шадунца был дан отзыв о ней, что «проблема заслуживает серьезного внимания», но «доставленные материалы не дают основания для окончательного заключения».

В апреле 1936 г. по вызову Председателя Госплана Тадж.ССР мною был сделан доклад по этому вопросу в Госплане Таджикистана. Был получен ряд указаний от участников совещания и в первую очередь от главного инженера Водхоза Таджикистана В.А. Старикова.

В переработанном виде эта работа докладывалась затем в Плодоовощном Исследовательском Институте и для студентов и работников Сельскохозяйственного и Педагогического институтов – в Ленинабаде, в 1936 г. и была послана в Научно-Технический Совет Главного Хлопкового Управления НКЗ СССР, откуда получился такой ответ:

«... Вряд ли целесообразно сейчас выдвигать вопрос об устройстве водохранилища на этой реке. Нам предстоит много большая работа по коренной реконструкции существующей ирригации Ферганы».

В 1939 г. эта работа была послана в редакцию журнала «Социалистическая наука и техника», издававшегося в Ташкенте. Затем о судьбе ее 4 раза делались

¹⁵⁰ Гармсил (тадж.) – горячий сухой ветер, суховей, «афганец».

¹⁵¹ Личный архив А.Е. Маджи. д. Сырдарья. Вопросы Сырдарьи. Сталинабад, 1941г. - Л.104-105.

запросы, и, наконец, был получен ответ, что «Вопросы Сырдарьи» переданы на рецензию в САЗГИПРОВОД, где эта работа, по-видимому, и затерялась.

В январе 1940 г., в связи с постройкой Большого Ферганского канала, я обратился в Сельхозотдел ЦК КП(б) Узбекистана с просьбой оказать содействие в поиске моей работы. В конце марта того же года был получен совет выслать копию статьи в Ташкент в Управление САЗВОДПРОИЗа для использования, но надлежащего контакта с этим учреждением установить не удалось, и в конце января 1941 г. работа «Вопросы Сырдарьи» была послана в Наркомводхоз Узбекской ССР.

27/V-1941 г.

Автор»¹⁵².

В настоящее время не удалось установить, насколько проект А.Е. Маджи повлиял на создание того варианта Кайраккумского водохранилища и ГЭС, который был претворен в жизнь в 1949–1958 гг.¹⁵³ В настоящее время водохранилище является «яблоком раздора» для стокоформирующих и стокопотребляющих государств Средней Азии, вызывая даже пограничные конфликты между Таджикистаном и Узбекистаном из-за сроков и объема сбрасываемой воды. А.Е. Маджи, конечно же, не мог предположить ничего подобного в условиях существования единой страны – СССР и «братских республик», когда такого рода противоречия действительно легко в то время разрешались по телефону на уровне республиканских властей.

Сохранился интересный архивный документ, принадлежащий перу младшего сына Андрея Евлампиевича Маджи, Льва, о встрече первого из них со своим детищем: *«Мне вспоминается эпизод мимолетной встречи А.Е. Маджи с Таджикским морем. То раннее утро, когда будучи еще школьником, проездом в Фергану, я заметил одинокую, чуть сутуловатую фигуру отца у раскрытого окна вагона быстро мчавшегося поезда. В задумчивости он пристально вглядывался в открывшуюся за Ленинабадом панораму озерного ландшафта, мечтавшего ему многие годы. Он молча продолжал стоять, когда проснувшиеся пассажиры, подобно растревоженному улью, с восторженными возгласами прильнули к окнам, наблюдая непривычный для Средней Азии пейзаж, и когда опять в одиночестве провожал взглядом голубую полоску на горизонте, слившейся с морем изумрудной зелени хлопковых полей. Лишь сейчас в полной мере я могу представить его чувства и душевное состояние в часы незабываемой встречи с воплощенными в реальность своими мыслями и стремлениями 30-х годов. Чтобы увидеть, чем жил – ради этого стоило жить....»¹⁵⁴.*

¹⁵² Личный архив Маджи А.Е. Сардаря.-Л.25-26.

¹⁵³ Интернетресурс. Кайраккумское водохранилище – Википедия.

¹⁵⁴ Личный архив А.Е. Маджи. Сырдарья 2, Здесь морю быть! - Л.5.

«С невестой своей никак не встречусь...»

При всем спартанском характере Андрея Маджи, именно в «ленинабадский» период в его жизни появляется романтическая нота. Она едва слышна благодаря только его переписке с отцом и личному дневнику. Из этих отрывочных записей ясно только одно: личная жизнь этого человека была всецело подчинена научному творчеству, и на устройстве семейной жизни настаивали его родные. Маджи видит в семье препятствие для своей работы. В переписке с отцом он по вопросу обзаведения семьей старается в основном отшучиваться, рассказывая о недостатках очередной «невесты». Однако одно имя – Антонины Писарчик, начинает упоминаться в его письмах чаще других. В одном из писем отцу, постоянно настаивающему на женитьбе и даже прилагающему усилия в поиске невесты для сына, Андрей Маджи пишет о ней подробнее:

«Про свою невесту я тебе уже давно писал. Ее фамилия, имя и отчество так-вы: Антонина Константиновна Писарчик. Она училась не со мной, а потому ее и нет на моих выпускных карточках. Я кончил этнолого-лингвистическое отделение Востфака, а она что-то вроде антрополого-этнографического. Она, однако, имеется на фотографии научного кружка, и ты, верно, ее срисовал мне, только она вышла у тебя очень добренькой. Мне она тем и нравится, что она ездила одна верхом на коне ночами по Кулябскому вилояту, пыталась переплыть Аму-Дарью, сидела в ГПУ и целых три года отсиживалась в исправдоме. Посылаю тебе сохранившуюся у меня ее записку из исправдома (как раз сегодня и разбирал бумаги и нашел эту записку). Ожидаю от тебя графопсихологической экспертизы, так как, хотя и знаю П(исарчик) более десяти лет, но она мне все еще мало знакома. Прилагаю для полноты и другое письмо, по-видимому, не 1932 г. но 1935-го. Опишика мне на основании твоей науки характер своей будущей родственницы»¹⁵⁵.

Правда, предполагаемая невеста уже несколько лет поддерживает отношения с автором этого опуса лишь в переписке, что делает их отношения все

¹⁵⁵ Личный архив А.Е.Маджи. Моя переписка с сыном Андреем. Т.1. письмо от 19 мая 1937г.

более платоническими:

«Писарчик я предложил ехать ко мне в Ленинабад, но она никак не соглашалась. Теперь я получил письмо, что она после этого вместе с Массоном (доктор археологии) объехала Ферганский канал и намерена устроиться на работу в Коканде»¹⁵⁶.

Однако неугомонный Евлампий Николаевич продолжает донимать сына «подбором невест» и постоянно высказывает ему озабоченность его холостым положением, предполагая даже причиной тому нездоровье сына. На этом терпение того лопается, и он раздражается подробным ответным письмом, объясняя свое отношение к браку:

«Пока я не предполагаю «физической любви», а имею в виду физическую связь. «Физическую любовь» целиком и полностью предоставляю детям, за одного из которых ты, впрочем, считаешь и меня. Видя кругом себя тысячи супругов, у каждого из которых по 5–8 браков и разводов, я понимаю «физическую любовь» весьма относительно. Смешно словом любовь характеризовать отношения между людьми разных полов на ПЯТОМ ДЕСЯТКЕ лет. Слово любовь прилично для семнадцатилетних. Я очень сожалею, что я сейчас не семнадцатилетний. Тогда я обязательно ЛЮБИЛ бы. Обязательно чувствовал бы ФИЗИЧЕСКУЮ ЛЮБОВЬ. Если Пушкин писал, что «любви все возрасты покорны», то это вовсе не значит, что он был безусловно прав: он писал то, когда ему было вряд ли более 30 лет, а мне сейчас более 40.

Гляжу я на улицах на сорокалетних супругов и что же вижу: любовь? Что хочешь – только не это, что привыкли понимать под этим словом. В одном метре от меня полтора года жил сорокалетний доцент с женой. Ох, как хорошо и ясно я узнал их любовь! За тонким заборчиком от меня жило много молодоженов. Я был свидетелем их физической ЛЮБВИ и СЧАСТЬЯ, которых я никому, а не только себе НЕ пожелал бы.

Теперь о моей душевной жизни. Я увлекался рисованием, наверное, с трехлетнего возраста, а сейчас у меня на стене висит акварель: «Пейзаж. Клод Моне», сделанная мною 26.09.38 г. Как видишь, я «разочаровался» в рисовании семь месяцев назад, то есть увлекался им всего-навсего лет 37.

Первую археологическую коллекцию я собрал в 1919 г., а в данный момент в кармане пальто невынутый недавно подобранный черепок, а перед глазами на столе около чернильницы лежит древняя монета с еще с неразобранной полностью легендой. 20-летнее увлечение, по-видимому, не «излечено» еще до сих пор.

Первое беллетристическое произведение было написано мною в Маргелане в

¹⁵⁶ Личный архив А.Е.Маджи. Моя переписка с сыном Андреем. Т. III. Письмо от 15 сентября 1939 г.

1920 г., а первые стихи, кажется, в 1914 г. «Последнее» мое литературно-художественное произведение датируется ноябрем 1938 г. Как видишь, я «болен» этой болезнью около четверти века и никак нельзя сказать, что вылечился.

Первые корреспонденции в газеты я стал писать в 1923 г. (когда лечился на Джалальбадском курорте). Последнюю отослал только сегодня. «Болею» этим, как видишь, 16 лет.

Вся беда моя в том, что, раз заболев, я не могу излечиться. Болезни накапливаются, развиваются, и никакие медикаменты не помогают. Из-за этих проклятых дилетантских болезней я попал в 1928 г. в секцию научных работников, из-за них же меня засосало в высшие учебные заведения и грозит не далее как в текущем году заклеить кличкой кандидата наук с правом быть и.о. профессора. Ведь вот куда могут привести мои запущенные МНОГОЧИСЛЕННЫЕ БОЛЕЗНИ.

А.Е. Маджи с женой
Анной Ивановной

При всех моих болезнях, которые, как ты, надеюсь, убедился, решительно все НЕИЗЛЕЧИМЫ, мне нужна СПОКОЙНАЯ СИДЕЛКА, совсем не типа Юльки. Во мне самом достаточно электричества. Чужое будет давать взрыв, бурю, грозу. Чужое будет нейтрализовать мое, будет мешать. Я прекрасно вижу, как мешают жены моим коллегам – научным работникам, сколько драгоценного времени они у них пожирают, сколько крови отравляют. И это потому, что их жены – Юльки, живущие только серединой своей натуры. Над интересами середины я издевался еще над своими товарищами-студентами Востфака САГУ. Я не жеребец, и жена мне нужна не свиноподобная. Свиноподобные пусть живут со свиноподобными»¹⁵⁷.

Наконец, он сообщает отцу, что его заочный роман с однокурсницей А. Писарчик окончен, и он, наконец, остановил свой выбор на другой девушке:

«Так как моя знакомая Писарчик все время живет по разным городам Средней Азии за исключением Ленинабада, я решил присмотреться к возможной другой кандидатше в спутницы жизни. Есть надежда на лаборантку ботаники. Образование 2-3 класса школы, ворчливая как Софья, очень аккуратная и очень недалекая, но вообще скромная и не кичливая. Знаю ее, уже пять лет. Внешним видом не блещет, как и я сам....»¹⁵⁸.

Избранницей Андрея Евлампиевича стала Игнатьева Анна Ивановна, уроженка г. Балашова, Саратовской области.

¹⁵⁷ Личный архив А.Е.Маджи. Моя переписка с сыном Андреем. Т. III. Письмо от 26 апреля 1939г.

¹⁵⁸ Там же. Письмо от 14 апреля 1940г.

Вскоре в личном дневнике Андрея Маджи появляется короткая запись:

«23/II (1940 г.–В.Д.) опоздали в ЗАГС. Зарегистрировались 25/II. Скромный вечер. Виктор Алексеевич Горелов, Клавдия Федоровна Шмидт»¹⁵⁹.

Несмотря на то, что А. Маджи продолжал проживать в своей крошечной квартирке во дворе Сельхозинститута, семейный быт его налаживается, приобретая все более упорядоченные черты:

«Летом приехали к нам из Ферганы С. и Мара, из Ташкента; П. и Лека. Снимались, купались в Сыр-Дарье. Потом мы с Аней неделю гостили в Фергане.

Провел электричество и радио. Аня вымыла потолки. Раскрасил стены, сделал ставни, дверь к кладовке. Аня выбелила квартиру. Свалился с табуретки, когда приделывал ставни. 8/XI сложили с Аней плиту – горит и греет хорошо»¹⁶⁰.

2 декабря 1940 г. в молодой семье появился первенец – сын Владимир.

---

¹⁵⁹ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л. 1.

¹⁶⁰ Там же . - Л. 1.

Глава IX. Выживание (свидетельства дневника)

На «ленинабадский» период жизни Андрея Евлампиевича Маджи пришлось и еще одно тяжелое испытание, постигшее каждого жителя нашей общей тогда страны – Советского Союза – Великая Отечественная война. Говоря о войне, часто забывают, что это не только военные действия, с их опасностью, смертями; но еще и тыл воюющей страны, который обеспечивает эту войну свежим людским пополнением, продовольствием, оружием и боевой техникой. И этот тыл, уже обескровленный отправкой самых здоровых, активных и сильных людей в горнило фронта, должен работать с троекратным напряжением, обеспечивая победу в смертельной схватке с врагом.

Андрей Евлампиевич Маджи узнал о начавшейся войне в дороге, когда молодая семья в полном составе отправилась с визитом к родителям жены в г. Балашов, в Саратовской области:

«Летом (в три дня) получил ж/д билет в Балашов. Выехали 22/VI и уже в поезде узнали о нападении на СССР Германии.

Балашов. Семья, в которой выросла Аня. Ландшафты из детства.

Речь т. Сталина 3/VII. Возвращение.

Невозможность получения билета на Пензу. Едем на Камышин. Волгой до Куйбышева. Голодание в Оренбургской степи. Просяная каша. Благополучное возвращение. Вовка все время здоров»¹⁶¹.

¹⁶¹ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.3-4.

276. Мосор Д.
Ты чем помог фронту? 1941

Советский плакат периода
Великой Отечественной войны

Таджикистан военных лет, расположенный за многие тысячи километров от фронта, рассматривался правительством страны как глубокий тыл, куда с первых месяцев боевых действий из западных районов СССР были эвакуированы двадцать промышленных предприятий, несколько вузов, пять драматических театров, две киностудии, масса других организаций и учреждений и около пятидесяти тысяч мирных жителей с Украины, Белоруссии, Прибалтики, западных областей РСФСР. В Сталинабаде, Ленинабаде, Канибадаме, Гиссаре, Шахринау, Орджоникидзеабаде было открыто 29 эвакуационных госпиталей, где проходили лечение тысячи тяжелораненых солдат и офицеров.

Наряду с этим, в Таджикистане продолжали работать учреждения, школы, вузы, больницы, научно-исследовательские институты: на место ушедших на фронт заступала молодежь.

Наиболее ценные профессиональные кадры получали правительственную бронь от мобилизации в армию. В числе многих преподавателей вузов такую бронь получил и А.Е. Маджи. Однако это не спасло его семью от обрушившихся на страну материальных трудностей. Лозунг «*Все для фронта, все для победы!*» был наполнен реалиями тотальной мобилизации всех ресурсов страны, что даже и для благодатного Таджикистана было чревато серьезными лишениями. Сухие строчки из дневника военной поры – тому свидетельство:

«Вести о смерти на войне Слаутина, Касаткина, Нестеренко, ранениях Плотникова, Шодиева и др.

Из-за роста дороговизны ликвидировал все сбережения кроме одной сберкнижки. Живу на оклад + 200 р. со сберкнижки. Матери высылаю 200 р. с другой сберкнижки...

*Из-за отсутствия сахара едим урюк, который раньше совсем не употребляли. Цена на урюк с XI по XII поднялась с 6 рублей до 20 и более, упав и 31/XII на 14 и даже 10 рублей. Рис с 14 рублей в октябре поднялся до 35 рублей и 31/XII опять снизился на 30 рублей за кило. Картошка с 2-х рублей поднялась на 7 и так пока стоит. Оклада в 700 рублей, конечно, не хватает»...*¹⁶²

Однако, несмотря на материальные тяготы жизни, А.Е. Маджи не прекращает активной научной работы. Им был завершен ряд крупных работ, начатых

¹⁶² Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I.- Л.5.

еще до войны:

«За 1941 год закончил следующую научно-исследовательскую работу:

1. «Русско-древнеавиловский словарь» – 32 тетрадных страницы.
2. Перевод некоторых неясных мест в древнеавиловских документах, изданных проф. Рифтиным – 52 тетрадных страницы.
3. «Таджикско-английские лингвистические совпадения» – 630 тетрадных страниц»¹⁶³.

В начале января 1942 г. А.Е. Маджи привлечен военкоматом для обучения новобранцев-таджиков: свободное владение таджикским и узбекским языками делает его незаменимым в подготовке отправляемого на фронт пополнения. Именно здесь, в Ленинабаде, из рабочих и дехкан области в те дни спешно формируется 63-я кавалерийская дивизия, уже летом того же года переброшенная в Закавказье; а в августе – вступившая в бои за перевалы на Большом Кавказском хребте в район Эльбруса с егерями 1-й горно-стрелковой дивизии вермахта «Эдельвейс». Андрей Евлампиевич и сам едва не стал участником этих боев – он уже прошел 110-часовую подготовку младшего командира, но подвело состояние здоровья:

*«Январь и февраль невиданно холодно и сыро. Снег доходил до глубины 40 см. Намерзся и намесил грязи за эти 2 месяца более чем за 20 лет жизни. Но ревматизм не обострился, распухли только пальцы ног»*¹⁶⁴.

В мае Андрей Евлампиевич прошел медкомиссию в военкомате и был зачислен в 3-ю категорию запаса.

20 января в семье Маджи родился второй сын – Лев.

Между тем жизнь продолжала испытывать на прочность молодую семью, которая фактически жила впроголодь.

«Январь. Дороговизна растет: урюк 25 р. кило, редька – 5 руб. мясо – 45 р., картошка – 12 рублей. Но оклад не повышен ни на рубль.

...Развел огород. Одно очень мелкое семечко подсолнечника стоит на базаре 1,2 копейки. 1,5 – семечка зерна кукурузы стоят копейку. Семена моркови кило 50 р. Семена капусты – 1 кило – 100 р.

...15 апреля были вынуждены купить рису по 70 р. кило и муки пшеничного размола тоже по 70 руб. кило. Выходит, что моя фактическая зарплата за месяц

¹⁶³ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I. - Л.5.

¹⁶⁴ Там же. - Л.7.

равна стоимости 11 килограммов муки»¹⁶⁵.

«В мае (1942 г.–В.Д.) был исключен из списка научных работников, прикрепленных к закрытому ларьку и закрытой столовой. Однако около двух месяцев до того все же пользовался столовой. Причина исключения – отсутствие научного звания или ученой степени. Два раза жаловался об этом в обком партии и два раза в ЦК КП (б) и один раз в ЦК профсоюза и, наконец, договорился с секретарем обкома Виноградским; кстати, учредили кафедру языков; и с 20/VIII меня включают в списки «привилегированных» научных работников.

В августе задержали на 20 дней выдачу июльского заработка. Вынужден был брать в столовой не 6 блюд обеда, а лишь одно (одну тарелку) обед варили только из своей свеклы, своих помидоров, своей картошки, на второе ели только свою кукурузу, свою морковь, свои подсолнечники.

Пока собрали своей картошки кило 6, своей моркови 3 пучка, своей кукурузы кило 10+ съели кило 5 сырой, своих помидоров кило 15, своей свеклы кило 2. Урюк пришлось брать по 20 руб. на базаре самый дешевый – 350 штукек на килограмм – только косточки да кожица»¹⁶⁶.

В лето съели только один андаляк¹⁶⁷, только одну дыньку и только один арбуз, да и то со склада института (кроме андаляка)»¹⁶⁸.

«Сегодня 21 августа счастливый день: еще до тех пор, когда стало светать, удалось полить огород – неожиданно появилась вода: свекла и редька сможет укорениться; прикрепил, наконец, к столовой научных работников; в ларьке выдали по 400 грамм топленного масла за 12 рублей; в столовой научных работников выдали без карточки по 200 грамм хлеба (!!). Обед сегодня у нас получился роскошный: я взял из института 4 блюда баклажан за 7 рублей и 4 тарелки капустно-картофельного супа; Аня из института научных работников взяла за 9 рублей 3 тарелки щей с кислой сметаной и 3 тарелки сладких лепешечек; на десерт раздали первый раз за лето институтский арбуз (хотя с прожилками, сладкий и красный)»¹⁶⁹.

«29 августа. За 24 рубля был вынужден взять с базара сушеный урюк – 395 штук в 1 кило. Хороший урюк стоит 30–40 рублей...

Мы получили в столовой 1 кило 800 грамм и в ларьке 200 грамм хлеба. По базарной цене это 100 рублей. Две тарелки институтского супа и 3 тарелки щей, и 3 тарелки второго – оттуда же. Таким образом, наше питание в месяце

¹⁶⁵ Там же. - Л.8.

¹⁶⁶ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.9.

¹⁶⁷ Андаляк, кандалак, кандалашка – местное название раннего сорта дынь круглой формы.

¹⁶⁸ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.8.

¹⁶⁹ Там же, -Л.10.

по базарным ценам будет около 2500 рублей, а мы фактически расходовали 450 рублей на обеды и 60 рублей на хлеб, всего 510 рублей. При фактической зарплате, выдаваемой в руки – 700 рублей, мы имели возможность расходовать еще 190 рублей на базарное сладкое к чаю. От молока работники отказались, так как маленькая бутылка стоила 7–8 рублей...

6 сентября ввиду задержки выдачи зарплаты, вынуждены были отказаться от третьей порции супа (цена 1 рубль 80 коп.). Тем не менее, решили ежедневно сушить по 1 буханке хлеба – 200 грамм, выдаваемых мне в столовой научных работников.

Тарелки и миски после каждой еды удивительно чистые, не оставляем в них ни кожуры помидора ни листика свеклы, ни крошки лапшинки. Я обтираю и тарелки, и миски кусочком хлеба. Когда раз или два в месяц бывает мясо, я раздробляю все косточки даже молотком и высасываю. Это всегда делали первобытные люди. Это я заимствовал от них на основании архео-логических данных.

Ишак дров на базаре 120 рубл., кило угля 4 рубля...

Несмотря на то, что все выходные в сентябре ездил за 18 километров за кукурузой, несмотря на огромную лекционную нагрузку в учебном году (1090 час. (за одну ставку), готовлю 12 картин из героического прошлого таджикского народа. Изучил для этого первоисточники и археологические журналы.

Готовлю также доклад на тему «Героическое прошлое таджикского народа» по первоисточникам.

Около двух месяцев болят обе ноги – язвы. В институт вынужден ходить в калошах...»¹⁷⁰

Критическое положение на фронте заставляет страну мобилизовать последние резервы – с части ценных для тыла работников среднего возраста снимают бронь и отправляют на фронт: 22 октября 1942 г. и А.Е. Маджи получает повестку в военкомат «явиться с вещами к 13.00. дня 24 октября».

«24/X 1942 г. – дождь проливной. Сбегал в институт, оформил сдачу кафедры, но зарплаты получить не успел. Дома не съел даже ни ложки приготовленного кукурузного супа и тарелки свеклы, схватив вещевой мешок, побежал в военкомат. Продержали до 5 часов вечера и отпустили до завтра. Других призванных со мной человек 20 увели в баню и на поезд. Вечером Аня устроила настоящий прощальный обед – открыли заветную банку селедки в масле.

25/X 1942 г. Успел получить часть денег в институте, позавтракал дома, попрощался вторично и – в военкомат. Но бывших со мной товарищей направи-

¹⁷⁰ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.12.

ли в баню и эшелон, а меня отпустили до завтра.

26/X Мне вернули паспорт, но вместо отобранного военного билета (с красной звездой) интенданта 3-го ранга, и с военно-учетной специальностью 25 – переводчик Среднеазиатского Военного Округа, выдали бумажку, что я рядовой с вусом¹⁷¹. Я опять в институте»¹⁷².

Помимо лекционной работы А.Е. Маджи, имевшего признанные способности в живописи, постоянно привлекают к ведению агитационной работы, как в его вузе, так и в городе в целом:

«4/XI. Согласно взятого обязательства, вывесил в клубе института 12 акварельных картин из героического прошлого таджикского народа, 9 оригинальных карт-схем интервенций на территорию таджикского народа: походы Кира, походы Дария, походы Александра Македонского на Спитамена, восстание Аброя, восстание Муканы, восстание Восе и др. Отпечатанные на машинке ссылки – выдержки из первоисточников. Картины, схемы и выдержки были обрамлены рамками из толстой коричневой рельефной обоейной бумаги-картона. Получилось хорошо. Слева над выставкой на всю стену был помещен плакат красноармейца-таджика в шлеме и с винтовкой на фоне Темур-Малика с мечом и под знаменем Ленина и Сталина. Выставка была готова точно к сроку – к торжественному заседанию в честь 25-летия Великой Октябрьской революции. Секретарь обкома партии и позже редактор газеты нашли выставку «великолепной»¹⁷³.

Между тем, вторая военная зима оказалась для гражданского населения страны тяжелее первой: уже исчерпаны запасы мирного времени, в экономике остро чувствуется недостаток рабочих рук: студенческая молодежь и школьники брошены на сбор стратегического сырья – хлопка, столь необходимого армии:

«6/XI. Вышел вместе со студентами (отправлен – В.Д.) в колхоз им. Молотова за 8 км. от дома на уборку хлопка бригадиром. Бригада заняла первое место.

10 /XI – подул очень холодный ветер.

11/XI – пошел снег, и нас сняли с хлопка.

12/XI – продолжал весь день идти снег.

13/XI – Вовка стал совершенно сознательно и многократно называть меня «Па-па», а Аню «Ма-ма».

¹⁷¹ ВУС – аббревиатура от «военно-учетная специальность».

¹⁷² Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.17.

¹⁷³ Там же - Л.14.

Нет ни грамма угля, хотя в М(естном)К(омитете) лежит 800 рублей моих денег на уголь, часть с 6-го месяца.

Ларек научных работников выдал к празднику 1,5 кило мяса (баранины), 1 кг селедки, 1/5 кг муки, майку и носки. Через МК получил за 50 рублей ботинки – конечно, не подошли на мои ноги...

На хлопок за 8 км ежедневно утром ходил пешком из дома на рассвете, а возвращался после захода солнца в полной темноте...

В сентябре и октябре топили плитку для приготовления обеда и ужина навозом, собиравшимся на улицах Войкова, Кирова, Сталина и Айни. Ходим ежедневно утром и вечерами с ведрами и маленькой лопаткой из жести. Сэкономили на топливе. Навоз, подсушенный на солнце, горит прекрасно...

13/XI. Приостановила отпуск энергии электростанция, не работает – сидим с коптилкой, т.к. керосин – 100 руб. за литр и не достанешь. Не действует радио...

За кафедру директор Долгополов отказался платить, снизил хлебную норму с 600 до 400 грамм – ниже учителя средней школы. Совмещать в Пединституте категорически запрещает, обязывает сидеть в стенах института по 7 часов ежедневно, хотя не было бы ни одной лекции, не отпустил ни грамма угля, хотя я сделал взнос за уголь еще в июле месяце в размере 800 руб., выключено электричество, вычеркнут из списка на керосин в ларьке научных работников – благодарность за сделанную выставку героического прошлого таджикского народа?!

8/XII. Весь город, кроме некоторых учреждений, во тьме – нет горючего у электростанции. Все, и мы, сидим с коптилками. Так как спичек нет, а пламя копилки задувается от каждого неосторожного дыхания, сижу с платком на нижней части лица, завязываю на затылке выше ушей, чтобы не скатывался. Вспоминаю обычай повязывать чадру на нижнюю часть лица у древних персов – зороастрийцев – чтобы не осквернить священного огня. Наверное, у них тоже не было спичек?! Можно было бы подумать, механически сопоставив факты...

На лекциях, сидя по 6 и более часов «в стенах» института при отсутствии или минимуме угольного даже порошка, мерзнем до дрожи. Мерзнут не только ноги, но и руки и прочее. Сижу на лекциях в перчатках, очень не хочется снимать с головы меховой шапки. Работаю во время обильных «окон», сидя прижавшись к печке. Ноги согреваю, засовывая их, время от времени в отверстие печки.

Питаемся сытно. Наши пожелания: 1) чтобы не уменьшалась норма хлеба – 400 гр., мне – 600 гр., 2) чтобы ежемесячно получать в ларьке хлопкового мас-

Очередь за керосином

ла 400 гр. – мы имеем иногда возможность есть хлеб, макая ломтиками в ложку этого масла, налитого в блюде. Отлично!»

Написал огромную статью «Немецкий язык и фашизм». Она понравилась профессору Румянцеву и корреспонденту ТаджикТА»¹⁷⁴.

Зима 1942–1943 гг. была для тыла всей страны особенно тяжелой – бои на Кавказе и Поволжье в эти месяцы были фатальным рубежом, как для Советского Союза, так и для Германии и ее союзников: в случае прорыва вермахта на левый берег Волги в войну против СССР обязалась вступить Япония, а преодоление немецкими войсками Большого Кавказского хребта было сигналом вступления в войну Турции. Поэтому и в далеком от фронта Ленинабаде семья вузовского преподавателя Маджи внимательно следит за событиями в Сталинграде и других фронтах Второй мировой, упорно преодолевая голод, холод и лишения:

«Прорыв гитлеровского фронта под Сталинградом. Провыв гитлеровского фронта под Вязьмой – Ржевом. Высадка американцев и англичан на северо-западе Африки в Касабланке и Алжире. Осада Триполи...»¹⁷⁵

«1/1/1943 г. Кончится ли в этом году война? Когда в этом году призовут меня в армию?»

¹⁷⁴ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.18-21.

¹⁷⁵ Там же. - Л.22.

Когда едим вполне досыта и более вкусно (мясо и масло), то говорим: «Как будто и Гитлера нет уже на свете!»¹⁷⁶.

«В институте из-за отсутствия топлива с трудом можно высидеть 2 лекции, не отморозив ног. Сижу в ватном пальто, меховой шапке и в перчатках на обеих руках...

На базаре не можем продать даже по дешевке куски мануфактуры и разные вещи...

Весь 1942 год Левка не ел хлеба, его 400 г. хлеба ели мы с Аней. Так он кормил нас весь год, но теперь и он начинает есть мучную кашу и хлеб. Если война продлится еще год, мы не сможем прокормить ребят...

В 9 утра Совинформбюро сообщило о нашем прорыве Воронежского фронта на 160 км. вширь и 90 км. вглубь, о генеральном наступлении на 6 армию фашистов в Сталинграде. Гигантские трофеи Красной Армии.

Огромные потери немцев. «Взвейтесь соколы орлами!»¹⁷⁷

«2 февраля в 16 часов одержана полная победа под Сталинградом. Ликвидированы последние остатки гитлеровских, германских, фашистских армий под Сталинградом. За 31.01–1.02. взяты в плен 45000 фашистов, величайшая победа в мировой истории: разгромлены 330000 гитлеровцев, 60000 автомашин, 750 самолетов, 6000 пушек, 1100 танков. Одних генералов во главе с главным командующим маршалом Паулюсом – 24 человека. Офицеров взято более 2,5 тысяч.

Составил на гитаре марш»¹⁷⁸

«С конца марта сели на жмых – 10 руб. кило. Жарим из него котлеты. Сыты...

Лекция одночасовая по истории Таджикистана оценивается мне пединститутом в 17 р. Это – пол кило картошки или 5 пучков зелени...

20/V. Ели (Вовка и Левка) спелую черешню 50 р. кило. Взяли, конечно, не кило, а 100 грамм. стакан тута (тутовника–В. Д.) стоит 5 р., 400 г. хлеба на базаре стоит 25 р. Наш паек – 1 кило 800 г. стоит 1 р 45 коп., на базаре стоит – 12 р 50 коп. Аня случайно достала картошки не по 40 р., а по 20 р. Мы сварили суп, да такой вкусный!

31/V. Сидим на хлебе и воде. Утром вода со жмыхом, в обед хлеб с супом из ботвы, свеклы, щавеля, шпинатом с хлебом и жмыхом, ужин вода со жмыхом. Из-

¹⁷⁶ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.24.

¹⁷⁷ Там же. - Л.25.

¹⁷⁸ Там же. - Л.29.

редка роскошествуем: берем по 2 горстки тута, стакан 2 р. Зеленые яблочки размером с орех стоят 30 коп. В колхозе 25коп., за хлебом приходится стоять по 1,5 часа, очередь в 3–4 ряда...»¹⁷⁹

«15/VII. Сегодня в столовой научных работников давали только суп, раньше компот на второе давали. Не зря в Ташкенте по радио передавали, что вода есть не только питье, но и еда...

26/VII. Левка не отстает от Ани ни на шаг, все время хнычет или плачет – измучил совсем Аню. Сосет или просит сосать каждые 20 минут и это длится уже долго. Ночью тоже – просыпается несколько раз и просит сосать.

5/VIII. У меня развивается атеросклероз – трудно нагибаться и трудно поворачиваться. Наступившее похолодание по утрам отразилось на ревматизме моей левой ноги. Ступни несколько отекли и болезненно отзываются при ходьбе. С похолоданием по утрам, простудил левую ногу, опять ревматизм проявил, болит и пришлось взять палку.

19/VIII. Красная Армия каждый день продвигается вперед на 5–10 км., освобождая ежедневно более 100 населенных пунктов.

01/IX. Сапожничал целую неделю: починил большие ботинки – подарок брата, которые не брались починить сапожники; починил сапоги, починил две пары брезентовых ботинок Ане, починил ботинки Вовке, починил свои ходовые ботинки-бегунки»¹⁸⁰.

«1944 г.

5/V. Красная Армия взяла штурмом на 3-й день Севастополь; фашисты в 1941–1942 годах осаждали город 250 дней и штурмовали все 250 дней. Вся осада Севастополя длилась с 15 апреля до 9 мая – 25 дней; и это против 250 дней немецкой стратегии.

5/V. Прочел книгу Достоевского «Преступление и наказание». Дрянная книга. Сейчас она нужна больше историкам. Художественная ценность ее равна нулю. Очень и очень тяжелая книга, которую вредно читать.

В большой бедности очень выгодно болеть, но не вообще болеть, а расстройством желудка – садиться на самую жестокую диету и начинает хватать хлеба. Болел с вечера 1.06., 2.06. 3.06, 4.06.

5/VI. Занят Рим.

6/VI. В северной Франции возник 2-й фронт.

¹⁷⁹ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.36.

¹⁸⁰ Там же. - Л.38-39.

26/VI Занято свыше 1600 нас.(еленных) пунктов на Могилевском, Оршанском, Бобруйском, Карельском, Онежском участках фронта. Взят Витебск.

28/VI. Взято 1300 населенных пунктов. Взят г. Орша. Бои в Могилеве и Борисове.

29/VI. Взят Могилев.

30/VI. Взят Бобруйск, Петрозаводск и 1050 пунктов.

3/VII. Взят Минск, идут бои в Польше. Освобождено около 1500 нас. пунктов.

15/VII. Занято 300 населенных пунктов, в том числе несколько городов. Уничтожено 101 немецких машин, сбито 46 самолетов противника. Союзники во Франции продвинулись, заняв несколько деревень (!!).

16/VII. Золото из Германии вывезено в миссию Лиссабона и Берна. Конец войне! Взято Гродно, уничтожены и подбиты 144 немецких танка, сбиты 66 немецких самолетов.

5/VIII. Нарисовал 2 альбома пастелью на тему «Героическое прошлое таджикского народа». Всего 24 рисунка и 12 карт».

31/VII. Узнетает бедность. За 20 лет работы у меня было одно сбережение в сумме 15000 р., теперь осталось 3000 р. На базарные цены это 100 кило картошки или 30 кило муки, то есть 2 пуда муки!! И это все, что у меня есть за 46 лет жизни и более 25 лет работы. Из этих 3000 р, обесцененных в 100–150 р, получится на старые 20–30 р.

Это бедность. 9 кило мяса, 4 кило крупы, и столько же хлопкового масла на 4-х человек. Паек хлеба в 300 г. не дал бы свалиться с ног, если бы не появились болезни.

1/VIII. Сегодня с 7 час. до 10 час. Аня 5 раз ходила в очередь за хлебом и не получила до последнего раза – так беспорядочно и не вовремя происходила выдача: в ларьке привозили хлеб на 2 часа позже и давали через головы»¹⁸¹.

В начале 1944 г. правительством Таджикистана было принято решение о переводе Таджикского сельскохозяйственного института из Ленинабада в Сталинабад. В столице республики были подобраны здания для учебных корпусов, администрации, общежитий для студентов, квартиры для преподавателей. Переезд целого вуза со всем лабораторным оборудованием, библиотекой, мебелью, равно как и семей профессорско-преподавательского состава, да еще в условиях войны, когда большая часть автотранспорта и подвижного состава железной дороги была занята армейскими перевозка-

¹⁸¹ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.50.

ми – было делом очень хлопотным и затратным. Вся тяжесть такой «передислокации» легла на плечи преподавателей и студентов:

«1/VIII. Телефонные распоряжения из Сталинабада – с 25.08. по 9.09. ожидается эшелон.

18/VIII. Энергично укладываемся. Я работаю по 8,5 часов ежедневно по упаковке кафедры ботаники.

25/VIII. Уже более тяжелая работа круглый день, без выходных – упаковываем ботанику, плодоовощеводство, животноводство. Сделал сам 7 больших сундуков. Ночами упаковываюсь дома. С 26.08 началась погрузка института в автомашину. Я – грузчик.

5/IX. Погрузил 2 автомашины нашим и институтским добром в тупике Хосаборот, и мы... на станции Ленинабад. Жили на станции под крышей склада среди гор вещей института два дня и две ночи. Ночью во тьме (нет ни одного фонаря) погрузил имущество института и своего на платформы. Мы попали в полувагон.

7/IX. Выехали прямо на горе ящиков, столов, стульев без каких-либо перил, багеров прямо под открытым небом. Впереди 2 десятка платформ с мелким углем из Шуроба. Вплоть до Урсатьевской всех осыпает углем яростный ветер из Кизилкумов. Все черные, как шахтеры или кочегары. На Урсатьевской стояли сутки, в Кагане тоже сутки и в 12.09 прибыли в Сталинабад. Ехали под палящим солнцем без крыши. Устроились на полувагоне в гуде столов, стульев, иначе не было места. Дети могли сидеть в тесноте, спать не было возможным навтыяжку. В тоннелях Керниченском и Келифском задыхались от паровозного дыма. Отлично ехали вечером из Келифа и утром из Денау.

На станции Сталинабад на открытом месте прожили 2 суток. Ежедневно грузил имущество института на автомашины.

15/IX. Примчались на вершине столов и шкафов на двор института – Шевченко 15. Двое суток спал среди вещей во дворе института. Ребята поместились в аудитории. Ежедневно на разгрузке и погрузке автомашин: оборвался, перемазался, обносился, облупился, руки в занозах, покрылись цыпками до плеч. Через мои руки при самом активном участии прошла погрузка не менее сотни автомашин. Очень изнурительная работа.

Жили в аудитории с семьями Шаровых, Тынчковского и Яковлевой с 15.09 до 29.09., когда удалось получить квартиру – комнату на Куйбышева 30.

С каким облегчением мы вздохнули в своем углу!»¹⁸²

¹⁸² Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.70-71.

Обустройство на новом месте, поздней осенью, было связано с большими затратами: ремонт нового жилья, отопление, обустройство двора и т.д. В условиях войны и крошечной зарплаты решить все это было чрезвычайно сложно. Привычные по Ленинабаду проблемы преследовали семью А.Е. Маджи и на новом месте:

Советский плакат периода Великой Отечественной войны

«Стали делать (на продажу – В.Д.) детские чемоданчики.

30.11. Морозит при густой облачности.

Приходится экономить, отказаться от второй луковицы к обеду (я с супом съедал по 3 луковицы). Аня рассчитала ходить на базар перед его закрытием, ухитряется брать редьку по 1 р. кило вместо 8 р., картошку мелкую по 8–10 р. вместо 20–25 р.

12.12. Аня продала первый чемоданчик за 20 р.(!) – это 2 баночки кукурузной муки: целый ужин четверым досыта. Купили на радостях ребятам орешки по 1 р. штука.

Дней уже десять морозит -10°, -15°, снег не тает. Окна во льду до верха. Водопровод не действует. Радиостанция не действует. Хлебозавод работает с перебоями. Простаиваем в очереди на морозе по 2–2,5 часа за хлебом. Мороз, начавшийся 30.11. дошел до 24.12., когда был действительно теплый и ясный день. Длительность мороза 25 дней!

За 1944 год все советские земли очистили от паршивых немецких гадов. Красная Армия в Норвегии, Восточной Пруссии, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Польше, Югославии, Венгрии и на границе Будапешта.

31.12 Были на елке в институте. Стоял великолепный солнечный день. Мы были сыты, хотя временами уменьшались хлебные пайки. Я получал по 500 гр., Аня и ребята по 300 гр. И мы действительно были сыты.

Сделано за 1944 год:

1) Переехали со всем имуществом из Ленинабада в Сталинабад на вершине от-

крытого полувагона без дверей;

2) Упаковал, нагрузил, разгрузил, таскал и распаковывал имущество кафедры ботаники, языков, плодоовощеводства, селекции, растениеводства, механизации и почвоведения. Через мои руки прошло не менее сотни грузовиков;

3) Отремонтировал для института:

43 стола (у многих приделал ножки),

24 стула,

9 шкафов (делал бока, полки, створки).

Сделал 8 упаковочных ящиков;

4) Изорвался, измотался, облез, износился и получил благодарность от дирекции на собрании;

5) Сделал 20 чемоданчиков для базара;

6) Сделал мышеловку;

7) Исправил двери, полы, в квартире;

8) Нарисовал 2 серии картин и карт;

9) Переработал для всесоюзного археологического съезда работы:

«К вопросу об очажках» (15 таблиц),

«Попытка дешифровки эламских блюд и бокалов»;

10) Собрал материалы к работе «Чередование согласных и гласных звуков в таджикском языке; согласия, полногласия и метатезы»;

11) Выполнена в черновиках на 3/4 большая работа на тему «Таджикско-русские лингвистические совпадения»;

12) Подобрал часть материала к работе «Происхождение терминов «Сум» – рубль и «танга» – двадцать копеек в таджикском языке».

13) Получил из РКВШ утверждения в должности и.о. заведующего кафедрой языков, что обеспечивает матер. снабжение.

14) Составлено и записано 58 мелодий на гитаре. Мало того, что 3 месяца был занят упаковкой, погрузкой, разгрузкой, перетаскиванием (на 2й и 3й этажи),

ремонтom имущества института. 1945 год будет годом окончательной победы и переходом к окончательной сытости, вкусности; и от оборванности и обнаженности и босячества – к обутости и одетости»¹⁸³.

Однако прошедший 1944 г. принес Андрею Евлампиевичу и немало разочарований. Прежде всего, это касалось его карьерного роста, как в науке, так и на поприще дипломатической работы. Что было тому причиной: его дворянское происхождение (как предполагали они с братом); излишняя принципиальность и бескомпромиссность в общении с коллегами по «цеху» науки; высокомерие советских мэтров Клио из Москвы и Ленинграда к энтузиасту из далекого среднеазиатского города?! Возможно – все это вместе. Но результат был вполне однозначный – в попытках защиты диссертации отказ следовал за отказом, равно как и в мечтах о дипломатической карьере...

«15/VI. Получил свою диссертационную работу и документы обратно из Института истории материальной культуры акад. наук СССР через институт истории и археологии акад. наук Узбекистана, как неудовлетворяющую требованиям научно-исследовательской работы. Рецензировал профессор Якубовский, член корреспондент акад. наук СССР, директор Института мат. культуры и бывший заведующий кафедрой истории Средней Азии при САГУ. Я лично подавал три раза письменные просьбы о возможности организовать защиту моей работы и дважды о том же запрашивал пединститут. Ответили мне только на 8-й месяц, да и то только после того, как я два раза пожаловался в парторганизацию САГУ, один раз в ЦК КП (б) Узбекистана и один раз в Главвуз.

Любопытно, что об этой самой работе «К истории феодального Ходжента» у меня имеются положительные отзывы профессора Заходера из Московского Гос.(ударственного) Истор.(ического) Музея, профессора Терентьина из Ташкента, редакции «Вестник Древней Истории» (г. Москва) и журнала «Социалистическая наука и техника», а также положительный отзыв кафедры Истории Пединститута и Ученого совета того же института»¹⁸⁴.

«Авантюра с Афганистаном закончена целиком и полностью – 15/VII. Канитель волочилась 2,5года, а можно считать все 19лет. Простоять в очереди 19 лет и получить шиш – это, что-либо да значит. Хорошо, что пришлось питать иллюзии всего-навсего 19лет, то есть болеть «верой» 19 лет, а не 20 лет, не 25 лет. Кому только все это полезно?»¹⁸⁵.

«1945 год. Год разгрома гитлеризма!! Год триумфа!! Но получу ли я звание доцента и степен ь кандидата? Думаю, что в этом деле я ожидал 8 лет, и еще

¹⁸³ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.60.

¹⁸⁴ Там же. - Л.62-63.

¹⁸⁵ Там же. - Л.65.

подожду годика 3,4, может быть 5–10. Но шила в мешке не утаишь. «Наш бронепоезд» может простоять полтора десятка лет «на запасном пути», но все же это не разбитый товарный состав, а бронепоезд. Долговато не пускают его в бой...».¹⁸⁶

«16/V. Вернули диссертационную работу о суффиксах мн.(ожествленного)ч.(исла) в таджикском языке. Теория Марра провалилась; восторжествовали Фрейманы и Б. Миллеры. По моему мнению, к Марру необходимы большие поправки, что я и делал, но Миллерами и Фрейманами – неприемлемы и поправки». Они перешли в простую контратаку».¹⁸⁷

Хотя 9 мая 1945 г. наконец пришла долгожданная победа, которую А.Е. Маджи принял с восторгом и надеждой, привычные за войну трудности не кончились:

«ДЕНЬ 9 МАЯ ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ! ВОЙНА ОКОНЧЕНА!! (передано по радио в 6 ч.30 мин. утра).

Ларек постоянно делает ухищрения, чтобы выдать научным работникам поменьше продуктов: как правило, из месяца в месяц заменяют 1000 мяса 100 граммами сухого американского яичного порошка. Взамен четырех кило получаем один. Нам сейчас нужна не калорийность, а вес и объем; а наркомторговцам – калорийность. В полной силе принудительный ассортимент. Мяса нет, дают за кило его 750 гр. сметаны, и яичного порошка 250 гр. То же самое при выдаче селедки, колбасы. 1 редиска стоит 20 к., мясо 70–130 р., ячмень 110 р. кило, маш – 100 р. кило, лепешка 18–20 р., 1 стакан клубники 13–25 р., буханка хлеба 1,5 кило –135 р.

27/V. Мы опять на грани голодания. Диссертацию вернули как совсем не подходящую.

Ребята встают утром со словами «Мама, ты кушала? Кушать хочу».

Аня, как волшебник из «Лампы Алладина», великолепно делает из старья новое: сшила себе кофточку из детских платьев, мне великолепную фуражку, перелицевала целиком тужурку, перешила воротники пальто, рубах, брюк, перешивает из рвани вполне приличные платья, из лоскутов – детские комбинезоны и пр. и т.д.

30/V. Моя работа про феодальный Ходжент напечатана. Я получил 1600 р. Это – целый пуд ячменной муки!

11/VI. В Сталинабаде одной из престижных работ является работа электромонтера. Они в часы занятий портят проводки в частные квартиры, а после

¹⁸⁶ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I . - Л.76.

¹⁸⁷ Там же. - Л.83.

занятий у них нет отбою от «пациентов». Мой сосед ежедневно ест мясо, белый хлеб в неограниченном количестве, имеет керосин ведрами!! Обувь новую – гонорар за работу.

7/X. Погода неизменно солнечная. Еще не было дождя. Продал на базаре 6 своих веников. Получил 60 р. Счастлив!! Купил картошки по 20 р. и кусок хлеба за 12 р.; ежедневно копаю свеклу на огороде.

19/X. Окончил огород. Прощай огород!»¹⁸⁸

С переездом в Сталинабад в судьбе Андрея Евлампиевича Маджи начинался новый этап его жизни, в большей степени чем прежде связанный с академической наукой.

---

¹⁸⁸ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь I .- Л.84.

Глава X. Магия восточной рукописи

5 июня 1947 г. в семье Маджи родилась дочь Татьяна:

«12 июня мы слевой и Геной привели Анечку домой. Обед с цветами, ликером, пельменями (из темной муки) и конфетами организовали с помощью Миловановой»¹⁸⁹.

Несмотря на окончание войны, семья Маджи продолжала испытывать заметные материальные трудности. Связано это было с «неостепененностью» Андрея Евлампиевича и, как результат – с непризнанием его в научной и вузовской среде, как «полноценного» ученого.

«Летом (1947 г.–В.Д.) питались хорошо – я еще был на двух окладах.

Москва не разрешила мне «совмещать». Несмотря на сильное недовольство дирекции пединститута, я был вынужден уведомить пединститут о своем категорическом отказе работать у них: я вел у них курс истории древнего мира на русском, таджикском и узбекском языках, кружок тоже на трех языках.

С первого сентября бюджет у нас сократился вдвое, но я принял участие в организации исторического отдела Сталинабадского историко-краеведческого музея. Этот отдел отсутствовал в музее еще до войны. Я составил план экспозиции, дал часть своих экспонатов и нарисовал и вычертил более сотни картин»¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь II. - Л. 2.

¹⁹⁰ Там же. - Л. 3.

Несмотря на все это, исследователь завершил за 1947 г. девять научных работ, в том числе два словаря по 1300 слов каждый и этнографический атлас Афганистана!¹⁹¹

В 1948 г. А.Е. Маджи начал преподавать курс арабской графики аспирантам Таджикского филиала АН СССР, а чуть позже – и курс истории Таджикистана.

В 1950 г. Андрею Евлампиевичу Маджи предлагают перейти в Таджикский Государственный Университет (ТГУ) на преподавательскую работу. Он увольняется из Сельхозинститута, где проработал более семнадцати лет, но... тут выяснилось, что вакансии в университете нет (или ее занял «более достойный» человек), и он оказывается вне сферы вузовской и научной жизни. Маджи вынужден устроиться учителем русского языка в таджикские 8–10 классы мужской школы № 10 г. Сталинабада. С момента организации в апреле 1951 г. АН Таджикской ССР, он преподает русский язык аспирантам¹⁹².

В первые послевоенные годы в дневниках Андрея Евлампиевича заметно разочарование в жизни, пессимизм и усталость:

«Пережитки старого в новом:

1) Кончил почти два востоковедческих вуза (Лазаревский институт и Востфак САГУ в 3 г.); имел одногодичную практику за границей и... двадцать лет состоял в «очереди» в Министерстве Иностранных Дел, а «очередь» эта так и не дошла.

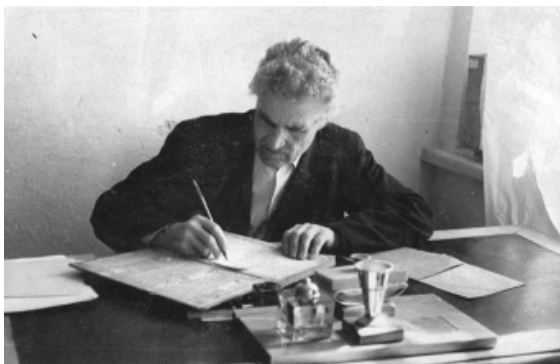
2) Посвятив всю жизнь глубокому и широкому изучению Востока, предполагал и всю жизнь работать там (сов. (етские) учреждения на зарубежном Востоке), для этого и не жил семейной жизнью, пока не стало ясно наличие пережитка.

3) Представил в Министерство иностранных дел пять уникальных работ по Афганистану бесплатно и... не получил даже просимой справки об этом, пока не обратился к Молотову...

4) Четырнадцать лет работаю в Сельхозинституте без единого пропуска занятий (ни разу не брал бюллетеней по болезни) и без опозданий; во время войны ежедневно в течение полугода (в два раза больше нормы) обучал военному делу бойцов по 4–6 часов в сутки (без отрыва от производства, приготовил к фронту взвод стрелков, взвод истребителей танков и несколько отдельных командиров (человек восемь). В институте выполнил 57 научно-исследовательских работ (2/3 из них – в производстве) и... не удостоился даже обычной медали за труд во время войны.

¹⁹¹ Личный архив Маджи А.Е. Списки научных работ. Список неопубликованных научных работ Маджи А.Е. 10 августа 1953г. - Л.5.

¹⁹² Личный архив Маджи А.Е. Автобиографии 1938-1954гг. - Л.4 (об).

А.Е. Маджи за работой по описанию восточной рукописи

5) Начиная с 1936 г. представлял три кандидатские диссертации («Суффиксы множественного числа в таджикском языке»; «Феодальный Ходжент»; и «Русско-таджикские лексические совпадения») и 4–5 вариантов к ним и... все порочно или безответно (в САГУ, который я окончил когда-то, последняя моя диссертация лежит без движения с позапрошлого года, несмотря на пару десятков официальных и неофициальных запросов письменных и личных через знакомых лиц).

6) Имею 80 научно-исследовательских работ (2/3 в производстве или напечатаны) и... без степени и звания.

7) Монтеры, их знакомые и всякие служащие электростанции имеют свет и электроэнергию в неограниченном количестве, а научный работник, при наличии индивидуального счетчика, постановления Совета министров от 5.09.1947 г. и жалоб в Госплан, министру Комхозяйства, Председателю Совета министров, нашему депутату, в ЦК партии, в Верховный совет... электроэнергии не имеет – в столице республики и... без электричества!

Имею почти все основания сказать себе, что мой «бронепоезд» так и простоят не на запасном пути, а в тупике до моей смерти. И еще имею почти все основания сказать про себя: «Бодливой корове Бог рог не дает» – это еще не пережиток для нашего времени – пример – я»¹⁹³.

«26./XI.1948 г. поступил слушателем вечернего университета марксизма-ленинизма. Если доживу, то кончу летом 1951 г., а еще годика через два, т.е. в 1953 г., сдам другие кандидатские экзамены, а еще годика через два, т.е. почти в 60 лет от роду, защищу диссертацию и стану уже не кандидатом в кандидаты наук, а просто кандидатом. Если, конечно, доживу вообще и доживу до такого «счастья» в частности. Научных и прочих трудов тогда будет у меня не менее 250 – как раз в пору стать из кандидата кандидатом...»¹⁹⁴.

«Движение мое не вперед, а назад. Мою работу о проблеме Сыр-Дарьи отказались обсуждать на конференции производительных сил, поместить в журнале «Сельское хозяйство Таджикистана» и даже в «Трудах Сельскохозяйственного института» даже в самой короткой аннотации – движение назад, к концу...»¹⁹⁵.

¹⁹³ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь II. - Л.10-12.

¹⁹⁴ Там же. - Л.23.

¹⁹⁵ Там же. - Л.28.

«САГУ вызвал меня для предварительных переговоров по вопросам диссертации, но... у дирекции ТСХИ не оказалось ни рубля на эту командировку в Ташкент...»¹⁹⁶ «За музеем пропадает 1000 рублей – потеряли мои чертежи к научной работе и лишили меня возможности опубликовать статьи. За Таджикзолото пропадают 2000 тыс.рублей за перевод с английского языка на русский нескольких печатных листов текстов о машинах и надписей на описаниях сотни чертежей (Москва-де смету на это не утвердила!). Присвоили они 3000 руб. и ничего! Я уже работаю, как при коммунизме: от каждого по способностям, а потребности видно предполагают 0 руб. «на черный день» или на кино. Нет уверенности в завтрашнем дне. Звучит парадоксом, но факт, и так уже два года, когда Москва запретила таким, как я (без звания и степени), совмещать за двоих и даже полуторых, если не хватает одного оклада более чем на продовольствие»¹⁹⁷

Лева и Таня – дети А.Е. Маджи

«После войны почти каждый вечер, ложась спать, думаю, как все хорошо и что мне больше ничего не нужно, хотя сбережений у нас хватит всего на месяц–полтора, а имущества при продаже на толкучке – месяца на полтора–два...»¹⁹⁸

Сделано за 1949 г:

«...Перевод арабских первоисточников о Хатлане – Хуттале (Сдано в ТФАН Колпакову).

...Весь отпуск и все выходные дни использовал для выполнения плановой работы «Учебник таджикского языка для русских» досрочно на один год вперед. Срок сдачи 31.12.1950 г., а я уже имел полный черновик в 12 п.л. летом 1949 г.»¹⁹⁹

«Из САГУ получил ответ, что организовать защиту моей диссертации не могут из-за отсутствия в САГУ и вообще в Ташкенте профессора, могущего оппонировать мою диссертацию»²⁰⁰

«Заработав на хлопке за 10 дней работы 80 рублей, растратил и... на пьянку – учусь жить...»²⁰¹

¹⁹⁶ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. ТетрадьII. - Л.29.

¹⁹⁷ Там же. - Л.33.

¹⁹⁸ Там же. - Л.36.

¹⁹⁹ Там же.- Л.38-39.

²⁰⁰ Там же. - Л.40.

²⁰¹ Там же. - Л.40.

1950 г.:

«Выиграл на облигацию в 1000 рублей – 5000 тыс. рублей. На столе, впервые за 10 лет, появился сахар в сахарнице, для «свободного» потребления»²⁰²

«Подал 3 апреля 1950 г. заявление в Университет»²⁰³

«Бегаю – ищу работу. Впервые за последние 20 лет встречаю день 1-го сентября, начало учебного года – безработным. Университет пять месяцев морочил мне голову и я потерял все возможности в пединституте, сельхозинституте и мединституте. Потому вторая половина года проходит для меня под лозунгом «Работа ногами». Пример: Хожу в школу № 10 за аэродромом за три километра от дома, не только каждый день по два раза, но один день и по четыре раза (во время дежурства). Ежедневно делаю шесть километров, а по четвергам – двенадцать. В неделю получается 42 километра. И это за 21 урок! В год – 2000 км... С 17 ноября стал преподавать на курсах русского языка для иранцев и иракцев тоже за три километра от дома. Теперь я ежедневно проделываю уже не 6, а 12 км. А за год выйдет 4000 км.! Кроме того, лишился и зимних, и летних каникул. Долго ли выдержу?»²⁰⁴

1952 г.:

«Сажусь за диссертацию «Памятники древности Восточного Гиндукуша». Срок составления ставлю: 26.VIII. сего года (1952–В.Д.) и до 26.VIII.1953 г., если буду жив, оформить защиту ее. Посмотрим»²⁰⁵

«Сделал в 1 месяц перевод с английского на русский 55 страниц текста об исмаилитах для АН, для академика Богоуддинова. Вышло 5 п.л. по 600 руб., всего 3000, налогов удержали 400 руб., за комиссию «одолжил» Колпакову 200 руб. Домой принес 2400 руб.»²⁰⁶

1953г.:

«Напечатали в газете «Коммунист Таджикистана» от 28.03.1953г. № 74 мою критическую статью на учебник таджикского языка для взрослых Арзуманова. Дело с этой статьей тянулось 1,5 года! Ее просматривали: зам. Министра просвещения (потерял); вице-президент Академии наук; президиум (по-видимому – ученый совет – В.Д.) института языка Академии и два редактора «Мактаби Совети» и «Коммуниста Таджикистана»²⁰⁷

²⁰² Личный архив Маджи А.Е. Дневники. ТетрадьII. - Л.41.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же. - Л.49.

²⁰⁵ Там же. - Л.73.

²⁰⁶ Там же. - Л.75.

²⁰⁷ Там же. - Л.82.

«Опять (третий год) безнадежно хожу по всем вузам. 9.VII. полностью закончил свою 6-ю или 7-ю диссертацию, все три экземпляра, реферата и все 600 таблиц с чертежами, но нет рецензента»²⁰⁸

«Работаю в женпединституте, проведя все приемные экзамены по русскому языку и истории СССР. У меня – половина нагрузки: 6–8 часов в неделю. Со всеми прибавками – 1073 руб. в месяц, т.е. столько же, сколько я получал в школе, но не за 8 часов, а за 18, да еще три бесплатных дежурства ночью, бесплатным инспектированием, бесплатным руководством городской секцией учителей русского языка. Появилось масло сливочное, мясо, иногда сыр и колбаса»²⁰⁹

1954г.:

«8.III.1954 г. Таджикский университет вернул диссертацию, так как не имеет, оказывается, права организовать защиту диссертации по археологии Таджикистана»²¹⁰

«31.III.1954 г. Отослал в САГУ 7 бандеролей с диссертацией. Стоило 45 руб.»²¹¹

«16.VIII.1954 г. Наступили для меня опять черные дни. Я опять безработный, на 26-й год работы в Таджикистане я на улице. Уже 7 дней я без работы. Все дни на ногах: бегаю по всевозможным учреждениям – работы ни часу»²¹²

«25.VIII.1954 г. Был в Пединституте, Мединституте, Университете, Институте истории, Институте усовершенствования учителей, Государственной публичной библиотеке, Гидрометтехникуме, Текстильтехникуме, школе № 4 – нигде работы нет ни по какой специальности (русский язык, таджикский язык, английский язык, языкознание, история, археология). Я уже вижу даже во сне, как хожу и ищу работу. К сожалению, для меня принцип «от каждого по способностям» – недостижим. Снизил норму потребления: раньше тратили на питание 100 руб. на три дня (33 руб. в день по 8 р.25 коп. на человека), а теперь 100 руб. на 5 (по 20 руб. на человека в день). Опасаюсь, что скоро придется снизить норму питания на 100 руб. на 10 дней...Хорошо, что мы успели уже приодеться, а то теперь уже одежды не купишь, но с обувью плохо. Всего моего «капитала» хватит на подпитывание не более чем на год, а там сядем на 2 руб. 50 коп. Разве уж этого так уж мало?! Вот уборщица получает вдвое меньше! Итак, не пропадем. Жаль только, что пропадают и силы и знания, а они еще есть....

Рассказал Семенову, что совсем безработный. Он предложил написать сразу два заявления: в Институт истории и Отдел восточных рукописей и сам даже

²⁰⁸ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. ТетрадьII. - Л.83.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же. - Л.91.

²¹¹ Там же. - Л.93.

²¹² Там же.- Л.95.

продиктовал их.

С 1.IX я принят в Отдел восточных рукописей (младшим научным сотрудником в сектор классической литературы и восточных рукописей – В.Д.). Кончилась моя 30-летняя педагогическая деятельность, и началась новая эра – научно-исследовательская.

Семенов рассказал Колпакову, так что он ужаснулся, что сделали с таким человеком, как я, лишили даже последнего пол оклада зарплаты. Он говорил, что, увидев меня 28.VIII. – перед ним стояла тень человека, а не человек. Вот что случилось со мной после 30 лет педагогической работы, из них 26 последних лет работал в Таджикистане»²¹³

«В 10 дней я переписал на арабском шрифте 4000 названий восточных рукописей хранилища Академии»²¹⁴

«Оклад в два раза меньше моего в вузе, а работы в четыре раза больше.... Вынужден «подрабатывать» статьями, переводами и предложением участвовать в составлении учебника»²¹⁵

1955г.:

«В городе нет не только мяса, сливочного масла, сахара, конфет, керосина, рыбы, птицы, столярного и конторского клея, но даже лезвий для бритвы. Ленину это 38 лет назад не понравилось бы»²¹⁶

«С 1.VIII.1955 г. я в отпуске и переписываю... Рудаки, чтобы дальше разрабатывать тему «Язык Рудаки и его время»²¹⁷

1956 г.:

«5 февраля посадил рассаду помидоров. Выросла прекрасно на окне хранилища восточных рукописей Института языка и литературы АН Таджикской ССР... Я – бригадир огородников. Из 18 человек, 1 – кандидат наук (Ниязи) (у него 7 иждивенцев); 3 младших научных сотрудника (со мной); 4 лаборанта; хранитель фонда рукописей; секретарша с сыном-шофером; бухгалтер (номинально, в пользу секретарши)...»²¹⁸

²¹³ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь II. - Л.96-97.

²¹⁴ Там же. - Л.97.

²¹⁵ Там же. - Л.111.

²¹⁶ Там же. - Л.112.

²¹⁷ Там же. - Л. 114.

²¹⁸ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь III. - Л.2а.

«На хлопке был 20 дней, собрал 394 кг. хлопка. Из 20 дней 15 был в Пахтаабаде и трижды посетил городище близ селения Узбекон-тепа, снял его план, собрал коллекцию керамики первых веков нашей эры до XI-го века, сделал зарисовки. Все сдал в Сталинабадский музей»²¹⁹

«За год написал следующие работы:

1. Полный словарь к Рудаки (2750 слов).

Продал свои четыре книги и рукописи из Маргелана по истории Кокандского ханства за 600 руб. Цену назначила сама комиссия института: 7 томов санскритско-немецкого словаря Бетлингга; древние турецкие надписи Монголии Радлова (на немецком языке); Сборник в честь академика Гордлевского (моего учителя турецкого языка в Лазаревском институте; История Афганистана на фарси и узбекская рукопись из Маргелана. Цена Истории Афганистана – 20 руб., а цену рукописи назначили 10 руб. Зав сектором и ученый секретарь говорят, что комиссия (особенно К. Айни) назначили вдвое меньшую цену, используя мое затруднительное положение, чтобы я продал эти книги «за бесценок». А я очень рад – имею возможность усилить питание и устроить ребятам традиционную нашу елку»²²⁰

Одна из последних фотографий А.Е. Маджи. 26 марта 1961г.

1957г.:

«Тридцать лет был педагогом, и не педагог – лишен пожизненной пенсии. Тридцать пять лет был археологом и не археолог – все варианты археологической диссертации забракованы... Для повышения квалификации и ликвидации отставания в востоковедческой специальности, получившейся в результате работы не востоковедом, а педагогом и археологом в течение 35 лет, прихожу на работу на час раньше других, т.е. не в 9 часов утра, а в 8. Думаю таким образом догнать молодежь и даже перегнать кое-кого из них и даже из кандидатов филологических наук. По выполнению плана я уже два года подряд обгоняю их на 150 и 200%»²²¹

«Займы отменили, а выплаты «заморозили» всего-навсего на 20 лет. Значит, мне жаловаться на то, что мои 16000 займа очень редко выигрывают, больше не придется. Уверен, что, когда от меня останутся одни косточки где-нибудь в овраге сталинабадского кладбища, «народ» вынесет решение полностью отказаться от своих вкладов в займы в пользу государства. Так и должно быть при коммунизме»²²²

²¹⁹ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь III. - Л.10.

²²⁰ Там же. - Л.16.

²²¹ Там же. -, Л.26 –27.

²²² Там же. - Л.27-28.

1958г.:

«Отдал археологу музея (Зеймаль) всю археологическую коллекцию (и афганскую, и таджикскую, и узбекскую) и в придачу свою «диссертацию» и альбом к ней – как описание отданной коллекции. До 12.01.1959 г. (когда я это записываю), не получил за это ничего.

Продал лично Зеймалю много археологических книг (в том числе Фуше), продал музею афганские статуэтки и нумизматическую коллекцию. За все получил около 2000 руб. – так и прожили год»²²³

«Получил (против своего желания) командировку в Ленинград, Москву, и Ташкент знакомиться с каталогами восточных рукописей. Срок 1,5 месяца и больше. От Москвы и Ташкента наотрез отказался и был только в Ленинграде, работал в Институте востоковедения (против Петропавловской крепости; полуденная пушка каждый день пугала своим неожиданным выстрелом) и в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Пробыл в Ленинграде 18 дней, на езду истратил 12 дней, пробыл в командировке не 1,5 месяца и больше, а 1 месяц. Вернул 500 руб. лишнего аванса. Сотрудники Академии смеялись: «все удлиняют командировки, а он сократил; все рвутся в Москву, а он сидел на вокзале 6 часов (при пересадке из Ленинграда в Сталинабад – В.Д.) и не вышел даже на улицы Москвы; все представляют дополнительные счета по командировке, а он вернул третью часть наличными!». Поездка в Ленинград показалась мне каким-то чудесным сном. Ездил в прекрасном цельнометаллическом вагоне с огромными окнами. Билет в Сталинабаде получил, ежедневно ходил в очередь в течение 10–14 дней. В Ленинграде получил билет и плацкарту по заказу просто по телефону»²²⁴

«За год аннотировал 570 рукописей (план 150). Подготовил в окончательной редакции для печати в 1-м томе каталога 400 аннотаций (сверх плана)»²²⁵

В настоящее время востоковедами Таджикистана подготовлено уже восемь томов «Каталога восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР». Этот каталог представляет собой базовый материал для исследования многовековой истории, литературных, научных, культурных, политических и

Дочь А.Е. Маджи, Татьяна Маджи на могиле отца на православном кладбище г. Душанбе. Февраль 2018 г.

²²³ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь III. - Л.45.

²²⁴ Там же- Л.47-48.

²²⁵ Там же. - Л.48.

*экономических отношений с Ираном и Афганистаном, Индией и Пакистаном, а также арабскими странами*²²⁶

*«От К. Айни, как и все сотрудники Отдела востоковедения, включая и двух уборщиц, получил юбилейную большую бронзовую медаль Рудаки»*²²⁷

1959 г.:

*«Я выполнил план на 400 %: подготовил к печати 255 аннотаций для 1-го тома каталога, из них 80 % моих личных, а остальные – Хадизаде, Галимова, Занда, Белиницкой, Дорри. И 450 аннотаций сверх плана (годовая норма 150)»*²²⁸

Заседание Отдела восточных рукописей

1960 г.:

*«Продав Отделу востоковедения ряд восточных, арабских и афганских книг и свою «афганскую» диссертацию со всеми альбомами и схемами»*²²⁹

*«1-й том «Каталога восточных рукописей АН Таджикской ССР», где моих аннотаций 210 из 285, сдан при моем непосредственном участии в типографию, наконец, 14.III.1960 г.»*²³⁰

«План за год выполнил на 300 %, а не на 400 %. Работаю на 11 лет вперед. Сэкономил государству по ставке младшего научного сотрудника около 175000 руб. старыми знаками до 1.01.1961 г.

Сдал 301 аннотацию (арабских рукописей), когда мне не полагалось ни одной по плану. Пятеро других сотрудников вместе сделали по плану – 300.

*Закончил за год полностью (и подготовил – В.Д.) к печати «Счастливую дату» – Тарихи Гулшани – географию Бухарского ханства 1910 г., составленную бухарским чиновником Мух. Садики. Предисловие, перевод 130 листов, 510 примечаний и комментариев, в том числе, 20 из Корана (точно установил суры и аяты), 12 приложений и указаний. Все это – 10 п.л. – 2 годовых нормы младшего научного сотрудника»*²³¹

²²⁶ Академия наук Республики Таджикистан. Душанбе, 2011. - С.227.

²²⁷ Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрадь III. - Л.50.

²²⁸ Там же - Л.55.

²²⁹ Там же. - Л.60.

²³⁰ Там же. - Л.62. См: Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. Т. I., 321с.

²³¹ Там же. - Л.67. Книга Мухаммада Садики Гулшани. Тарихи Хумаюн (счастливая дата), была издана на русском языке в Душанбе только в 2016г. Институтом языка, литературы, востоковедения и письменного наследия им. А. Рудаки АН РТ. Среди исследователей, участвовавших в переводе, составлении комментариев и другого рода подготовке текста этой книги, имя А.Е.Маджи не упоминается.

«Назначен своим зав. отделом восточных рукописей Мирзоевым (он же добровольно и бесплатно – зав. кафедрой восточных языков филологического факультета Таджикского Госуниверситета) почти против моего желания читать лекции на таджикском языке на 3-м курсе арабского отделения по рукописеведению (72 часа) и на 1-м иранистском курсе по истории Ирана с древнейших времен и до 16 в. (до Сефевидов). Ничего, успеваю и то, и другое, и третье, и четвертое...»²³²

1961г.:

«Зарплаты хватает в обрез: только на еду. К 1 января подобрали даже медяки. Если бы не Лева – ходили бы в рванье. Но самому Лева нужны сбережения для учебы на время студенчества»²³³

Последняя запись в дневнике относится к 25 июня 1961 г. Почерк неразборчив, записи отрывочны. До кончины А.Е. Маджи оставалось меньше года...

---

²³² Личный архив Маджи А.Е. Дневники. Тетрады III. - Л.67-68.

²³³ Там же. - Л.70.

Заключение

Жизненный путь рядового труженика русского востоковедения – Андрея Евлампиевича Маджи – завершился 11 марта 1962 г. в Душанбе. По свидетельству его сына, Льва Андреевича Маджи, отец умер от рака желудка, проболев меньше года. Болезнь дала о себе знать во время поездки в Куляб и Муминабад на юге Таджикистана, куда он и его однокурсник по САГУ А. Колпаков отправились по местам их учительства в далеких 1928–1929 гг.

Андрей Евлампиевич ушел из жизни, оставив после себя большой личный архив, состоящий из десятков завершенных и огромного числа незаконченных научных статей; рукописей своих монографий и диссертаций по таджикской филологии, археологии и истории; обширной переписки с коллегами, друзьями и близкими; рукописей своего отца – Евлампия Николаевича – об истории их фамилии. Огромный интерес представляют также *«полевые записки»*, зарисовки и чертежи, сделанные ученым во время многочисленных поездок по Средней Азии, начиная со студенческих практик до археологических разведок в конце 1950-х годов. В настоящее время эти выцветшие и полуистершиеся карандашные рисунки орнаментов и вышивок, резьбы деревянных колонн, надписей на гробницах мусульманских святых – единственные сохранившиеся свидетельства давно исчезнувших объектов богатой культуры средне-азиатских народов.

Возвращение этих интеллектуальных богатств современному обществу – не только долг современного историка науки, но и реализация вклада десятков исследователей и преподавателей Лазаревского института восточных языков и Восточного факультета САГУ, выпускавших на протяжении многих лет великолепные кадры ученых-востоковедов.

Богатое и многообразное научное наследие востоковеда Андрея Евлампиевича Маджи ждет своих исследователей и продолжателей.

ПРИЛОЖЕНИЯ ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ

А.Е. МАДЖИ

В «Приложения» книги включены шесть неопубликованных работ А.Е. Маджи, написанные им в период с 1924 по 1958 г. При подготовке к публикации расшифрованный текст подвергался минимальной обработке с точки зрения редактирования по нормам современного русского языка. С этим, в частности, связана неполнота некоторых сносок в тексте оригинала, особенности компоновки текста, принятые в начале XX в., и т.д. Необходимые уточнения во впервые опубликованных статьях даются в подстрочных сносках с указанием «(прим. автора книги)».

Из неопубликованных работ А.Е. Маджи

1. А.Е. Маджи. Духовный облик бухарского чиновника. (По бухарской рукописи 1885–1922 гг).
2. А.Е. Маджи. Глиняные гробики Средней Азии. Реферат.
3. А.Е. Маджи. Древние надписи в горах Моголтау близ города Ленинабада.
4. А.Е. Маджи. Картины труда и природы в стихах Рудаки.
5. А.Е. Маджи. Некоторые особенности лексики Рудаки.
6. А.Е. Маджи. Происхождение танга – двугривенный и суммрубль в таджикском языке.

Духовный облик бухарского чиновника

/По рукописи № 1243 из хранилища восточных рукописей АН Таджикской ССР/

Всем прекрасно известно, что за люди были дореволюционные чиновники, как в России, так и в других государствах. Нетрудно представить, что и чиновники Бухарского ханства не очень отличались от общего типа. Каждый сразу может сказать, что это были взяточники, вымогатели, стяжатели, чрезвычайно ограниченные люди, весьма малокультурные и слепо преданные существовавшему тогда строю и его официальной государственной религии.

Конечно, среди чиновников были счастливые исключения не только в России, но и в Бухаре. Но и в Бухаре только исключения и притом очень редкие.

В настоящей статье сделаем попытку показать на конкретных фактах духовный облик, т.е. духовные умственные интересы и запросы чиновника выше среднего ранга Бухарского ханства на основании данных его собственной рукописной книги, состоящей из самых разнообразных записей, охватывающих хронологически более 35 лет жизни его автора с 1885 года по 1922-й и отнюдь не предназначенных автором для публикации.

Это довольно большая книга в 180 больших листов текста.

По стилю, качеству записей и по содержанию их можно со значительной степенью достоверности предположить, что автор ко времени начала подробных записей уже был взрослым человеком не менее 30 лет от роду и, следовательно, он родился в середине прошлого столетия во время правления бухарского эмира Насруллахана и принадлежал к кругу бухарского чиновничества, связанного с судебной деятельностью.

Во время бухарской народной революции осенью 1920-го года он бежал из города Бухары и вскоре после этого умер, имея уже более 70 лет от роду. Последняя запись в книге относится к февралю месяцу 1922 года, за несколько месяцев до полного разгрома басмаческих банд Энвер-паши.

Предки автора записей с отцовской стороны были бекского происхождения и выполняли должности мирахура /конюшего 6-й чин/ и джуббачи /начальник гардероба/, а с материнской стороны предки его были – духовные лица.

Анализ содержания книги этого автора позволяет составить следующую картину его духовного облика, его умственных интересов, общего кругозора и культурного уровня.

1. Как чиновник, основным занятием которого была судебная деятельность, автор записей много места уделил в своей книге образцам деловых бумаг и судебных документов. Наличие записей судебного характера в самом начале книги позволяет сделать предположение, что автор занимался такого рода деятельностью сразу после основного учебного материала Мадрасы, в которой он обучался.

Судебные документы включают образцы актов о браке и разводе при различных обстоятельствах, образцы купчих крепостей на землю, документов об аренде земли, мельницы, вакуфного имущества, об освобождении раба, о снятии налогового обложения с земельного участка, о разделе земли наследниками, об опеке над сиротами, образцы доверенностей на получение наследства и совершение различных сделок, образцы завещания и судебных решений об оказании материальной помощи сиротам, документы о взятии на поруки заключенного, о поручительстве, о совершении вакуфных дарений, об использовании земли малолетних наследников, о передаче земли под посев, о примирении истца и ответчика и многое другое.

Образцы деловых бумаг общего характера занимают место во второй половине книги. Этого рода записи включают в себя черновики писем на имя эмира, его матери, принцев, судьи, муфтия, дававшего заключения для постановлений суда на основе духовного закона – шариата, на имя разных высокопоставленных эмирских чиновников, на имя духовных особ высокого и обычного положения, на имя мударриса – преподавателя мадрасы и на имя вообще авторитетных и богатых людей. Тут же приводятся образцы различных документов по случаю преподнесения подарков и поздравлений на

праздники рамазана, курбана и нового года; по поводу назначения на высокую должность; по случаю прибытия ко двору эмира и назначения на должность судьи; о разрешении целования высочайшего стремени; о прощении вины; о сдаче в казну денежного сбора; о получении наукерами /военное ополчение/ фуражного содержания; о размерах этого содержания различным чинам вилоята /область/ и т.п.

Среди этих образцов официальных бумаг находится также черновик донесения керкинского судьи о расследовании жалобы населения о разбое; донесение о сборе земельного обложения по Шахрисябзскому вилояту; донесение хакиму Чарджуйского вилоята о смерти должностного лица; просьба о пособии его семье и ответ на эту просьбу; удостоверение на проезд из Бухары в русские, среднеазиатские владения по личной надобности; копия текста манифеста эмира Сайид Алимхана при вступлении его на престол /в 1910 году/; черновик благодарности за оказанную милость; образец ответного письма на извещение о награде и образцы переписки между друзьями, братьями и чиновниками.

В начале последней трети книги идут копии документов, относящихся к последнему году деятельности эмира Сайид Алимхана уже после изгнания его из Бухары. Это – образец заявления на высочайшее имя о верности и покорности эмиру и о готовности верно служить ему; образец заявления на имя принцев и прочих господ с выражением верно-подданнических чувств, покорности и спокойствия; копия заявления от населения и наукеров о полной готовности служить эмиру в любое время; копия извещения о сборе налога и доставке его в Ширабад в помощь эмиру, копия документа о получении от кушбеги /высший государственный чиновник/ жалования для 15 ополченцев одного из селений Байсунского вилоята, полученных в январе 1922 года; копия донесения об организации вновь государственного управления и нек. др.

Автор старательно и упорно накапливал опыт управленческого чиновника и судьи, что давало ему, несомненно, немалые материальные выгоды.

2. Повышая и расширяя свой общеобразовательный уровень, чиновник переписал в свою книгу в самом ее начале сведения по арифметике в пределах четырех действий с числами любой величины, таблицу умножения, признаки делимости чисел, простейшие дроби. Вслед за этими сведениями по арифметике он переписал некоторые сведения по планиметрии: измерение площадей прямоугольных и криволинейных фигур при целом и дробном выражении единицы измерения длины и ширины, что, безусловно, было необходимо для более или менее точного определения размеров земельных участков при разделе имущества между наследниками умершего владельца и при купле-продаже земли. Эти сведения по арифметике и планиметрии не входили в общий основной учебный план мадрасы, но, весьма возможно, они были ее внеплановым курсом по этим областям знания, иногда препода-

вавшимися в мадрасах Бухары в зависимости от желания обучавшихся.

3. Обучение в мадрасе /духовной средней и высшей школе/, готовившей кадры судей, чиновников, настоятелей мечети, давало прочные навыки по арабскому и родному языку, а также прививало склонность к хорошему каллиграфическому письму.

Чиновник знал четыре языка: родной таджикский, персидский, узбекский и арабский. Однако автор особенно обожал не родной язык, но арабский и посвятил его божественному происхождению даже отдельную запись. На этом языке он скопировал в свою книгу статью по наследственному праву и сорок преданий или хадисов из жизни пророка Мухаммада. На узбекском языке написаны некоторые образцы документов, толкование сорока хадисов в стихотворном изложении поэта Навои и некоторые мелкие стихи.

Знал чиновник также, по крайней мере, около трех десятков русских и западноевропейских слов, вошедших в русский язык, например:

Вагун – в значении железная дорога,

жилиз – в том же значении,

жилиз вагун – в том же значении,

истанса – станция,

бият – билет, удостоверение,

тилигроф,

тилифон,

афтикхана – аптека,

пушвдахона – почта,

кантур – контора,

банк, бонк – банк /

магазинчи – купец, коммерсант,

вастушни – восточный /про банк/,

импиротур – император,

названия всех 12 месяцев и некот. др.

Почти все эти слова являются терминами общечеловеческой культуры, в сферу которой неудержимо вовлекалась Бухара, со времени присоединения Средней Азии к России.

Верноподданнические чувства автор книги проявляет в уничижающих выражениях и наименованиях себя, как просителя на имя эмира. Податель прошения на высочайшее имя во всех образцах именуется обязательно рабом с добавлением, например, таких прилагательных-определений, как:

невежественный,

нижайший,

ничтожнейший,

немогущий,

покорный,

наименьший /из рабов/,

ничтожнейшая песчинка.

Просьбу свою ее податель называет не иначе, как рабской, и уверяет эмира, что пожертвует за него своею жизнью и притом сто тысяч раз и что он не имеет другой мысли и цели, кроме как выражать /своему господину/ рабскую покорность, рабскую услужливость.

Как образец витиеватости стиля, обычно вырабатывающегося у обучающихся в мадрасе, приведем следующую выдержку из одного письма:

«Получив с полным благоговением благословенное высочайшее письмо, поцеловав его и приложив к глазам своим, возвеличенный милостями его высочества, господина моего, с благодарностью выражаю пожелания здоровья дорогой благословенной высочайшей особе на тысяче языках...»

4. Автор проявлял некоторый интерес также к поэзии – 3,1/2 листа его книги из 180 занимают мистические и лирические отрывки по вкусу автора из произведений поэтов 19-го, 18-го и даже 15-го века, а именно: Бедиля, Маджнуна, Фасиха, Ходжа Исмата, Самими, Сахбы, и некоторых других. Стихи таких классиков, как Саади, Ходжа Хафиз, Джами, Фирдавси и Рудаки, автора сборника, очевидно, не интересовали, и они не нашли в его книге несколько места.

5. Автор, как человек, окончивший мадрасу, получил знания по одному из главнейших предметов ее программы; а именно – мусульманскому праву; в

частности по наследственному праву. В книгу старательно переписано много статей этого права, а именно: о порядке раздела наследства между родственниками умершего разных степеней родства и пола; о различиях в доле наследства разных его участников; об устранении от права наследования, вследствие находений более близких родственников и прочих обстоятельствах, лишаящих права наследования и т.п.

На оставленных широких полях этих записей имеются многочисленные примерные расчеты раздела наследства, свидетельствующие о том, что автор длительное время занимался этими, очень выгодными для него, делами. Разбор дел о наследстве давал судебным чиновникам немаловажный доход.

6. Автор был глубоко религиозным правоверным мусульманином – типичным воспитанником мадрасы. В свой сборник он переписал руководство по мусульманскому вероучению, составленному в самом начале XVI века. В этом руководстве описывается, между прочим, сотворение Аллахом ангелов и дьяволов; сотворение людей, избранной частью которых являются якобы мусульмане; потребность людей в правильном понимании вероучения и в духовном руководстве; о Коране и шариате, как истинной науке, науке всех наук; о преданности вере; о муках грешников; о некоторых признаках приближения страшного суда и т.п. Эта запись, а также широко распространенный на мусульманском Востоке нравоучительный трактат – 40 хадисов или преданий о жизни и поступках Мухаммада и его сподвижников – занимает в сборнике столько же места, как и записи по наследственному праву, т.е. пятую часть всего объема книги.

7. Громадный интерес для автора рукописи представляли, вне всякого сомнения, всевозможнейшие гадания, предсказания, приметы, знамения и т.п. Такого рода сведения записаны в самом начале сборника, чередуются с другими текстами по всей книге и они же завершают ее. В общей сложности они занимают в книге вместе с богословием чуть не половину всей книги; совершенно очевидно, что именно этого рода сведения неизменно интересовали автора записей в течение всей его сознательной жизни, наполняли ее и служили руководящим импульсом во всей его деятельности.

Из чего же состояли эти «драгоценнейшие» познания? Они состояли в общем из следующего:

- самые разнообразные гадания по буквам арабского алфавита, их цифровым значениям и по цифрам вообще;

- гадание по чертежу звезды с восемью цифрами, по шести кругам и буквенным таблицам, по четырем, квадратам с цифрами, по таблицам с обозначениями дня недели, светил и планет, имен ангелов и аллаха и часов суток и т.д.;

- гадания об имуществе по цифровому значению букв имени спрашивающе-

го и цифровых значений букв названия дня, в который задан вопрос;

- гадание о судьбе человека по его имени и имени его матери и сумме цифровых значений, составляющих эти имена букв арабского алфавита;

- гадание по дрожанию различных частей тела, с учетом, на правой или левой стороне этой части тела оно произошло;

- предсказание о погоде, урожае, ценах и социальных явлениях на все 12 лет животного цикла летосчисления с 1911 года по 1922;

- предсказания по случаю затмения луны, в зависимости от того, в какой месяц оно произошло и по случаю появления кометы или радуги по месяцам года;

- предсказания по отражению новой луны на различных предметах в разные месяцы года;

- приметы по дням недели при прожогe одежды и особо, при прорыве ее;

- толкования снов в зависимости от дня месяца, когда сон приснился;

- способ магического воздействия на злых духов двадцатью восемью божественными буквами арабского алфавита и их цифровыми значениями;

- способ разрушения талисмана и отражение его вредного действия и т.п. и т.д.

Откроем теперь конкретное содержание нескольких записей этого цикла.

А.) О прожогe одежды. Если прожог одежды случится в субботу, то между мужем и женой произойдет ссора; а если в понедельник, то между ними будет божья благодать.

Б.) О дрожании частей тела. В таблице перечислено 34 части человеческого тела и по дрожанию правой или левой части их приводится 68 примет. Из этого числа больше всего примет, а именно 9, т.е. 13,1/2 %, падает на получение высокого сана и почета; следующее место занимают приметы о богатстве и имуществе /их 8, т.е. 10 %; далее идут 6 примет о путешествии, по 4 приметы о радости и печали, по 3 приметы о здоровье и болезни, о счастье и покое т.д. С получением высокого сана, оказывается, связано дрожание кожи в левой части маковки головы, в левом виске, правом бедре или правом соске; а с получением богатства связано дрожание кожи руки и, наконец, правой части живота и т.д.

Предсказания на год мыши – 1912 год. В начале будет спокойствие и довольство, в середине года сыро и дождливо, будет изобилие, много фруктов, а

когда наступят холода, будет тревожно и произойдет кровопролитие... Зима будет долгая, будет много грабителей и разбойников. В этом году султан должен проявлять осторожность и (ему) не следует говорить никому свои тайные (замыслы). В конце года, возможно, произойдет землетрясение. Каждый новорожденный в первую треть этого года будет великим и мудрым, рожденный во вторую треть будет искусным ремесленником и проникательным человеком, а рожденный в последнюю треть года будет опороченным и лжецом.

Предсказания на год собаки – IX-1920 – VII-1921 год – бухарской народной революции и начало гражданской войны не записаны совсем, хотя для них оставлено 3–4 свободных строчки.

Предсказания на следующий год свиньи – VIII-1921 г. – VIII-1922 г. – (год разгара гражданской войны). Когда наступит год свиньи, родится много девочек, будет меньше посевов ячменя, с просом будет плохо, фрукты будут хорошие и урожай их большой. Много будет опасных болезней, особенно для знатных.

Много будет сырости. Будет жестокий холод и падеж скота и баранов. Будут дуть вредные ветра. Зима придет поздно и будет продолжительна. Среди царей и султанов появятся противоречия. Много будет передвижений людей. Будет обилие воды.

Положение мелких торговцев будет хорошее, а положение крупных купцов опасно из-за грабителей. Будет разорение населения и т.д.

8. Интерес к истории у автора рукописи сперва, по-видимому, отсутствовал. Но коренные перемены в экономике страны с конца прошлого столетия и кровавые события первой и второй декады текущего столетия заставили автора коснуться в своих записях также и истории. Эти записи занимают немного места, но они являются самостоятельными наблюдениями и воспоминаниями самого автора, как современника событий последних десятилетий прошлого столетия и первых двух десятилетий текущего века. Приводятся даты постройки железной дороги через бухарские владения; постройки мостов (деревянного, а затем железного) через Аму-Дарью; проводки в Бухаре телеграфа и телефона; постройки первой аптеки; появления банков, торговых контор крупных коммерсантов и акционерных обществ, магазинов; развития торговли и роста цен на пшеницу, хлопок, рис, мясо и масло; о денежной реформе в Бухаре и установлении курса бухарских серебряной и медной монет; о поездке эмира Абдулахада в Петербург и высших чиновниках Бухарского ханства; о волнениях и резне в Бухаре в 1910 г.; о ремонте бухарских хаузов, мечетей, медресе; о жаловании воинским чинам и учителям; о джадидах и «свободе»; о русских революциях 1917 г.; о росте дороговизны; об обеспечении Бухары хлебом; о занятии английскими войсками Закаспия; об истреблении «неверных» на территории Бухары; о движении красноармейских отрядов; о бегстве эмира и вхождении Бухары в состав Российской

советской Республики и о чрезвычайно большом росте цен на продукты первой необходимости.

Из других записей исторического содержания отметим поэму о кровавых событиях в Бухаре в январе 1910 года – народном волнении и резне шиитов-иранцев, спровоцированной муллами; и поэму некоего Мирзы Абдуррахмана Кара-улбеги о Бухарской революции и бегстве эмира Сайид Алимхана.

Помимо вышеуказанных исторических сведений по Бухарскому ханству, автор высказал некоторые сведения и о других государствах: об Иране (два имени шахов), об Афганистане (имя одного эмира) и Турции (упоминание итало-турецкой войны в Триполи в 1911–1912 годах), и Балканской войны (1912–1913 годов), о Германии (упоминание ее войны с Россией в 1914–1918 гг.), об Англии («интервенция в Закаспии») и о России (в связи с проникновением русского капитала в Бухару, постройкой железной дороги, банков, магазинов, поездкой эмира Абдулахада в Петербург и русскими революциями 1917 года).

9. У автора рукописи были некоторые сведения по астрономии, астрологии и календарю. Из этой области им было записано в своей книге следующее: названия месяцев по знакам зодиака с обозначениями числа дней в каждом из них; объяснение вида этих знаков, названий 46 точек небосвода, помимо упомянутых выше; планеты и светила, соответствующие тем или иным дням недели, их свойства и соответствующие им цифровые значения семи букв арабского алфавита; распределение светил и планет по семи климатам и их областям; сопоставление дня нового года по обычному мусульманскому календарю и по летосчислению по животному циклу за 1890–1897 годы; определение дня недели, на который приходится начало месяца; средняя длина дня и ночи месяцев солнечного года; определение часа дня по длине тени спрашивающего; русские, таджикско-иранские, арабские и турецкие названия месяцев.

10. Кое-какие сведения были у автора по медицине. По крайней мере, он нашел необходимым сделать в своей рукописи следующие записи, имеющие отношение к медицине: рецепты изготовления различных пластырей; рецепты против кашля; рецепт лечения гонореи и задержаний мочи; описание индийской лекарственной смеси, укрепляющей здоровье и удлиняющей жизнь; шесть условий, необходимых для жизни человека; признаки вредного преобладания в теле человека того или иного из основных элементов и даже средство против плача ребенка.

11. Кроме всего вышеупомянутого, есть в рукописи несколько записей по хозяйству автора, по семейным делам, о развлечениях и прочем. Эти записи следующие: рецепт приготовления черной, зеленой, голубой и золотой краски; размеры четырех земельных дарений в пользу мечетей (всего 10 танапов земли); размеры земельных участков, скупленных автором книги в

1900–1903 гг.; (5,1/2 танапов), покупка ряда помещений в медресе Модари Хон в Бухаре; родословная автора со стороны отца и со стороны матери; рассказ и стихи о шахматах, о продолжительности жизни пророков и т.п.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- религия, суеверия и колдовство заполняли всю жизнь и деятельность чиновника;

- чиновник хорошо знал арабский язык духовных книг и духовного закона, богословия и мусульманского права, что открывало ему доступ к судебным должностям и выполнению обязанности настоятеля мечети;

- чиновник хорошо владел стилем деловых бумаг и официальных документов, изобиловавших арабскими выражениями и терминами;

- он владел узбекским языком, имея, очевидно, постоянный контакт с узбекской частью населения ханства, что расширяло арену его деятельности и увеличивало доходы;

- по математике же чиновник обладал знаниями всего только элементов арифметики и зачатков геометрии, сколько требовалось при разделе имущества в должности судьи и при покупке земельных участков и при разных торговых сделках;

- по истории он обладал кое-какими сведениями о правившей династии и весьма скудными сведениями о сопредельных странах. Сравнительно более сведений было у чиновника о Турции, считавшейся главой и духовной руководительницей всех суннитских мусульманских государств и, в том числе, Средней Азии; и о России; но эти сведения приобретались чиновником не из книг, а из того, что он мог слышать на базаре;

- поэзией чиновник интересовался весьма немного, записывая для себя отрывки стихов лишь случайных поэтов;

- по астрономии, перемешанной с астрологией, чиновника интересовало лишь то, что имело отношение к календарю, колдовству и приметам;

- по медицине у него были самые ничтожные представления;

- из развлечений чиновник немного интересовался лишь шахматами.

Идеологически такое чиновничество было надежным оплотом власти эмира, беков и хакимов, угнетения, эксплуатации и мракобесия.

А.Е. Маджи. 31.VIII.1958 г.

Глиняные гробики Средней Азии (реферат)²³⁴

Оссуариями или астоданами, костехранилищами, костяниками, погребальными урнами или глиняными гробиками называются небольшие ящики из обожженной глины размера в среднем в 6 в(ершков) в высоту, 14 в(ершков)²³⁵ в длину и 8 в(ершков) в ширину. Эти гробики имели иногда сверху крышку, увенчанную вместо ручки шариком, с изображениями птицы или головой человека или животного, и употреблялись для хранения костей человеческих скелетов. Разнообразные названия таких сосудов в 1900 году на заседании В.О.И.Р.А.О. были объединены одним термином «*оссуарий*» (*ossuarium*)?, что значит дословно – костехранилище.

Первый оссуарий был найден в Средней Азии в 1871 году при работах в одном саду в городе Ташкенте, но об этом вспомнили лишь в 1906 году. Вторая находка была сделана 1885 году проф. Н.И. Веселовским при раскопках на Афросиабе в Самарканде. Проф. Веселовский при находке 6 оссуариев в Самарканде в 1899 г. нашел при них и золотой брактеат в виде варварского подражания византийским монетам V в. н.э. Аркадии или Феодосии. В том же году при земляных работах в Самарканде же был найден т.н. «*полный оссуарий*», т.е. целый. Около того же времени на одной даче близ Ташкента было найдено два глиняные гроба. В 1886 г. в 22 км. от г. Ташкента близ с. Ниязбаш был найден глиняный гробик.

---

²³⁴ Реферат подготовлен А.Е.Маджи, по-видимому, в 1924-1925гг. еще до поездки в Афганистан, для доклада на заседании Научного студенческого общества САГУ. Текст работы полностью не сохранился. (прим. автора книги).

²³⁵ Вершок – старорусская единица измерения длины равная 4, 445см. Употреблялась в СССР до введения метрических мер в 1927г.(прим. автора книги).

В том же году около Ташкента по дороге в с. Луначарское на Никифоровских землях было обнаружено целое кладбище глиняных гробиков. В 1897 г. глиняные гробики были впервые найдены непосредственно в земле в присутствии археологов (это было найдено на земле узбека Акбар-хана в Ташкенте на границе русского города в сторону Самарканда). В 1899 году было обнаружено несколько глиняных ящиков в Самарканде в доме одного бухарского еврея. При раскопке и извлечении этих оссуариев, между прочим, принимал участие и М.С. Андреев. Затем оссуарии были находимы в с. Зенги-Ата и близ с. Ногай Курган в окрестностях Ташкента, в долине Ангрена, у селения Шахристан к югу от Ура-Тюбе, в Шахрисабзе, в Аули-Ата, в Пишпеке, в Асхабаде и Аннау и в некоторых других местах Ср(едней) Аз(ии) (в декабре прошлого года обнаружен мной раздавленный четырехугольный глиняный ящик, весьма похожий по форме и размеру на оссуарий, в г. Фергане, где, по словам старожилов, при закладке города русскими было найдено много глиняных сосудов с человеческими костями).

Таким образом, выясняется район находок оссуариев, а именно от Ташкента и до Асхабада с особенно обильными находками в районе Ташкента и Самарканда.

По типам среднеазиатские оссуарии распадаются на два главные виды:

- 1) корзинообразные овальной формы и
- 2) четырехугольные в форме ящика.

Четырехугольные оссуарии были находимы преимущественно в Самарканде, Ташкенте и Аулиа-Ата, но там же встречается и овальная форма, почему трудно пока приписать четырехугольную форму исключительно оседлым жителям, а овальную – кочевому или полукочевому народу, как отразившей своей формой формы кочевнической юрты (между прочим, не киргизской, но продолговатой калмыцкого типа). Вообще формы оссуариев как будто преследуют ту цель, чтобы человек и после смерти продолжал пребывать в таком жилище, которое напоминало бы ему его жилище при жизни.

Оссуарии не являются, однако, находимыми исключительно в пределах советской Средней Азии. Так, есть указание на нахождение глиняных и каменных костехранилищ в Персии, в Афганистане, в Кафиристане, на юге Индии, на Кавказе, в Палестине, в Египте и Алжире, на островах Эгейского моря, в Италии, в Германии и в др.местах. Но изучение вопроса при таком широком привлечении сравнительного материала вводит слишком много постороннего элемента, который затемняет сущность дела и потому является вредным, особенно если принять во внимание то, что оссуарии с фигурными (рельефными) изображениями (ступа, (...), меч, булава, (...)) до сих пор найдены исключительно в пределах советской Средней Азии. Вопрос об оссуариях интересен в том отношении, что он касается как раз той поры истории

Средней Азии, которая до сих пор окутана непроглядным мраком, едва-едва начавшим теперь рассеиваться благодаря находкам и исследованиям ряда ученых в Восточном Туркестане.

Оссуарии доставляют довольно широкий материал для изучения, потому что часто богато орнаментированы. Было найдено много черепков с головками и целыми фигурами людей, птиц и животных, а также украшенные богатым листовидным орнаментом. Интересны типы изображенных людей, их одежда, обувь, предметы ритуала и быта, находящиеся у них в руках, и т.п.

Самое назначение оссуариев говорит о древнем обычае погребения по зороастрийскому, парсийскому и буддийскому обряду. Так как в неповрежденных оссуариях обыкновенно находили раздробленные человеческие кости, не носящие следов огня, то получился вывод, что покойников, по-видимому, выносили на растерзание птицам и животным, а затем разрозненные и совершенно лишенные мяса и высохшие кости складывали в эти глиняные сосуды и зарывали в землю. Такой способ погребения засвидетельствован еще Геродотом (VII в. до Хр. эры) и Страбоном (I в. Хр. эры.), которые указывают, что маги погребали трупы не ранее того, как их разорвут птицы и собаки. В Авесте (VI в. до Хр. эры) говорится, что Ахура Мазда на вопрос, куда надо класть кости мертвых, отвечает, что надо сделать костехранилище, недоступное для собаки, лисицы, волка и для дождевых вод. Обычай выставления трупов на съедение хищным птицам и зверям признается восточно-иранским и преимущественно кочевым, так как он связывается с условиями местной природы, с обширными степными пространствами. Этот обычай и теперь существует в Монголии и Китае. Распределение оссуариев при находках обнаруживает то обстоятельство, что они ставились не на кладбища, а расположились небольшими группами в ряд, близко друг к другу, объединяясь, по всей вероятности, принадлежностью к одной и той же семье или роду.

Много дискуссий было уделено вопросу о крышках оссуариев, так как долгое время четырехугольные оссуарии находились без крышек. Но теперь после поездки Бартольда в 1916 году в Джемтысу получено засвидетельствование того, что и четырехугольные оссуарии имели крышки.

Много размышлений и споров было вызвано ажурными стенами оссуариев, наличием на самаркандских гробиках отверстий в стенах и дне и отсутствием этого на катта-курганских, орнаментированных лишь на одной (лицевой) стенке; отсутствием в оссуариях золы, камешков, бус и украшений; наличием в некоторых оссуариях костей от нескольких особей; различием от курганских погребений; зубчатостью краев; тонкостью стенок и аккуратностью выделки катта-курганских (бия-найманских) оссуариев и гладкими краями, толстыми стенками и грубой выделкой самаркандских и т.п.

Находка инженером Кастальским в 1908 году в кишлаке Бия-Найман близ

города Катта-Кургана фрагментов оссуариев, не имеющих себе подобных из всех до сих пор найденных по богатству орнаментировки, позволило уверенно приступить к изучению и датировке этих по-гребений. Вопрос рассматривали с разных точек зрения. Выводы делались: 1) на основании вида оссуариев и хранившихся в них костей, 2) путем привлечения сравнительного материала из других стран и 3) путем сопоставления письменных известий о погребальных обычаях восточно-иранских народностей.

Академик Залеман высказал взгляд, что фигуры, изображенные на бия-найманских оссуариях, несомненно, исповедовали Зороастра, так как в руках этих фигур изображено растение гаома,²³⁶ прославленное Зенд Авестой, дававшее здоровье и главное – бессмертие. Это растение толкли в ступах, и такую ступу мы видим в руке одной из фигур оссуария. Но, если идея гаомы соответствует вполне учению Зенд Авесты, то другие символы и изображения резко отличаются от известных изображений эпох ахменидской, парфянской и сасанидской. У ахеменидов были другого типа короны и тяжелые, ниспадающие до пят одежды. У парфян на головах были высокие клобуки, а наиболее похожие на бия-найманские фигуры сасанидских изображений не сопровождаются на оссуариях самым главным символом – жертвенником огня. Кроме того, на бия-найманских оссуариях часты фигуры женщины, как бы участвующей с различными символами в руках в похоронной процессии, что стоит в полном противоречии с воззрениями Сасанидов, где женщины всегда занимали приниженное положение и не допускались к богослужению. Таким образом, пришли к мнению, что оссуарии Средней Азии указывают на существование в ней совершенно особой формы зороастризма, отличившегося от ортодоксального Сасанидского культа почитанием гаомы вместо огня и допущением женщин к богослужению. Однако на некоторых фрагментах оссуариев из Бия-Наймана различают изображения, похожие на жертвенник и на огонь.

Академик Бартольд, основываясь на письменных источниках о погребальных обычаях в Туркестане в эпоху арабского завоевания, приводит свидетельства историков Табари и Наршахи об избиении в 739 году Хр. э. бухархудата (владельца Бухары) Тукшадэ, когда от тела убитого отделили мясо, а кости отвезли в Бухару.

Но это сообщение Табари и Наршахи можно считать не как отличительный обычай того времени, а скорее, как исключение, представлявшее общий интерес своей необычностью, а потому и отмеченное историками. Кроме того, Бартольд, а также историк-ориенталист Иностранцев отмечают обычай содержания собак для уничтожения мяса трупов в Бактриане и в Самарканде на основании отчета посла Вэй-Цзе, бывшего в Самарканде, как теперь доказано, в начале VII в. до Хр. эры). Однако в рассказе Вэй-цзе есть указание, что после уничтожения мяса кости зарывались в землю с соблюдением не-

²³⁶ Гаома, хаома – лекарственное растение эфедра, широко используемое в восточной медицине, обладающее также галлюциногенными свойствами (прим.автора книги).

которых обрядов, но не клались в гробы. На этих основаниях Бартольд для самаркандских оссуариев ставит *terminus post quem* – начало VII века Хр э., но считает очень затруднительным указать *terminus ante quem*.

Иностранцев на основании фрагментов бия-найманских оссуариев пишет, что, насколько можно судить по изданным снимкам, орнамент и фигурные изображения этих фрагментов принадлежат к тому типу, который может быть объяснен только из парсийского ритуала и сасанидского искусства. Он даже предполагает, что эти фрагменты, возможно, окончательно опровергнут *«вообще весьма сомнительный» terminus post quem*, который пытался установить Бартольд.

Ориенталист Калмыков в своем сообщении *«Открытые Б.И. Кастальским Бия-найманские оссуарии»* относит их к эпохе, начинающейся с сасанидов и кончающейся первыми веками ислама, то есть с III до IX Хр. эры.

Иностранцев отмечает, что, по словам индийского ученого Модии, на одном из персидских оссуариев имелись надписи, но, к сожалению, не сохранилось известий, что это были за надписи.

Есть и еще одна попытка датировки оссуариев. А именно Виктором фон-Эгертом в 1916 году сделано сообщение на заседании Т.К.Л.А. на тему *«Мусульманский шифр «мушаджар» и предположение о применении его на туркестанских оссуариях»*. Фон-Эгерт воспользовался древовидным алфавитом, помещенным в старо-персидском сочинении *«Тухват – ульмуминика»* и пытался прочесть с помощью одного тегеранского перса и одного шугнанского исмаилита древовидный орнамент некоторых оссуариев. Ему удалось, например, получить такой перевод орнамента:

«Ламиборри, дочь Яхьи, жертва пики. Амазонка, верховая, молодчица, видная богатырша. На 24 году. На могиле твоей, розочка наша, цветок мы сажаем. Умерла. Увы, увы, увы!».

При этом Фон-Эгерт замечает, что упоминание в орнаменте о женщине соответствует содержанию оссуария, а именно, что там оказался именно женский череп. Однако остается неясным, зачем понадобилось делать надпись на оссуарии крайне редко употреблявшимся шрифтом, изобретенным совсем не для надгробных памятников, а ради шифра. Народы на надгробьях и памятниках старались не скрыть память о погибшем, а наоборот увековечить ее в общепонятной форме, иногда даже с параллельной надписью на чужом языке.

Из рассмотрения орнаментов бия-найманских оссуариев с точки зрения искусства можно прийти к следующим заключениям:

- 1) Тип лица-арийский
- 2) Клиновидная прямая борода и усы парфянские...

Древние надписи в горах Моголтау близ города Ленинабада

В литературе много раз отмечалось, что в Ленинабадском районе Таджикистана имеются древние надписи и изображения на скалах и отдельных камнях. Упоминались даже переводы этих надписей и описание сюжетов, сопровождающих их изображений. Так, например, у В.И. Масальского («Туркестанский край», 1913 г.) и у профессора Н.Г. Маллицкого («Ходжентский округ», 1930) указывается, что в горах Моголтау в ущелье Бытиклик находятся высеченные на скале изображения змей, собак, коз и арабская надпись: «нет бога, кроме аллаха, Магогмет – посланник аллаха. Работа Эмира Масуда Башируль-Ходжиба. Летосчисление; 6-го сафара 624 года» (1227 год христианской эры), к сожалению, неизвестно только, где же именно находится это ущелье: на современных картах Моголтау такого ущелья нет, и старожилы Ленинабада также никогда о таком ущелье ничего не слышали. По тропе, ведущей от города Ленинабада на северо-запад к перевалу Бадамбек в горах Моголтау, километрах в трех к югу от перевала имеются камни с изображениями коз, змей, лошадей с сидящими на них всадниками, вооруженными луком, и отдельных людей, но надписи не только вышеприведенной, но вообще никакой обнаружить не удалось.

На этой же тропе было случайно обнаружено почти совершенно не отличающееся по цвету очень реалистическое изображение быстро бегущего горного козла с раскинутыми ногами и далеко назад запрокинутыми, изогнутыми мощными рогами, много древних погребений под грудями камней и остатки башневидных построек из камня без глиняной прокладки, но никаких надписей обнаружить не удалось.

В литературе часто совершенно не указывалось сколько-нибудь точного ме-

стонахождения надписей или изображений и никогда не приводилось их фотографических или иных воспроизведений, без чего, конечно, невозможно иметь вполне отчетливое представление об их действительной научной или художественной ценности. Вместе с этим возникли сомнения в древности памятника, правильности перевода надписи на русский язык, а такие и в точности датировки.

Во время одной экскурсии весной 1934 года из Ленинабада на Кансайский рудник на двенадцатом километре шоссе, считая от города, на восточной обочине дороги на отдельно стоящей гранитной скале мною совершенно случайно были замечены белевшие издали ровные строчки надписи. На северном и северо-западном склоне, что интересно, обнаружались после подробного осмотра целая серия надписей и изображения лука со стрелой, руки с растопыренными пальцами и не лишенной художественности композиции, охоты человека с луком и стрелой на горную козу с козленком. Доступ к надписям везде очень удобен по обвалившимся глыбам камня, как по ступеням. Надписи расположены на разных горизонтах скалы, начиная от самого подножия в нескольких метрах от дороги и кончая верхним уступом, на котором лишь с особым вниманием можно различить три строчки текста.

Все надписи, обнаруженные на этой скале, сделаны на арабском или на персидском языках. Все они выбиты на твердой скале и в зависимости от глубины чекана, наклона скалы и ее ориентировки по отношению к солнцу и направлению господствующих ветров имеют различную яркость. Пустынный загар поверхности скалы, имеющий также различную густоту в зависимости от перечисленных факторов, облегчает или ухудшает в той или иной степени чтение. Часть надписей в настоящее время потеряла всякую четкость и только легкое просветление на скале на месте бывших когда-то букв и строчек указывает на их существование.

В этих местах между горной грядой Моголтау и Кураминскими горами пролегал древний путь из Ташкентского оазиса в Фергану, и завоеватели разных эпох пользовались для увековечения своих побед и подвигов удобной скалой, отмеченной примитивными рисунками еще, по-видимому, в глубокой древности.

У подножья западного склона скалы близ изображения охоты на горную козу находится надпись в три строчки:

بِسْمِ اللّٰهِ

الرّٰحْمٰنِ

الرّٰحِیْمِ

... سنه نصرین عمر ...

В этой надписи цифры над словом **سنه** год не ясны, но характер букв сви-

детельствует о сравнительно позднем времени ее появления.

Вся надпись означает: «*Во имя бога милостивого, милосердного. Год .....Наср сын Умара...*»

На северо-западном верхнем углу скалы едва различима другая надпись:

امير بشير محمد امير لشکر در سال هفت صد و بيست

Вся надпись означает: «*Эмир Башир Мухамед главнокомандующий. В семьсот двадцатом году*».

Этот год, отмеченный по мусульманскому летосчислению (хиджри), соответствует 1320 году христианской эры. Таким образом, эта надпись относится к правлению в Средней Азии монгольского джагатайского хана Кебака, имеющего своей столицей город Карши.

В щелчке северного склона скалы археологом Т.Г. Оболдуевой был обнаружен камень с частями разрушенной надписи, находившийся, по-видимому, где-то близ вершины скалы. Обнаруженный фрагмент позволяет предположить, что надпись эта состояла из четырех строчек, первые три из которых составляли обычное мусульманское славословие богу, а четвертая содержала дату и имя. По характеру некоторых букв эта надпись, несомненно, может быть отнесена к числу более старых и установить ее точную дату и смысл было бы важно не только для палеографии, но и для истории, восстановить эту надпись целиком не представляло бы больших трудностей, так как все ее обломки вне всякого сомнения должны быть зарыты вокруг в крупном щелчке.

В настоящем своем состоянии надпись эта может быть реставрирована в следующем виде:

Восстановленные строки означают: «*во имя бога милостивого .....всевышний господь.....*»

Описывая эту скалу с надписями и изображениями, археолог Массон М.Е. в своем докладе «*К истории горной промышленности Кара-Мазара*», напечатанном в издании Академии Наук СССР «*Из истории горной промышленности Таджикистана*» (1934), отметил, что «в ущельях Чорыкдорон или Тю-

я-Боци.... в одном месте на скалах восточного склона, покрытых пустынным загаром, высечено несколько равных рисунков и коротеньких и частью отколотых надписей различных эпох, среди которых есть, судя по палеографическим данным, относящиеся к X столетию. Точно дату из них сохранила только одна, шесть строк пер-сидского текста, который, прочитанный мной, гласит следующее:

Помощь от бога

Победа близка.

Мухаммад сын Ахмеда Гази

из Шахристана

Написано в году 587 (т.е. 1191 г. н.э.)

Надпись эта хорошо сохранилась полностью и написана в верхней части (не восточного, но северного склона скалы) на арабском языке, а в нижней, включающей дату, на персидском. При нанесении ее на поверхность скалы, сказалось влияние неровности поверхности камня и высота строчек от уступа, на котором стоял резчик. Наиболее четко, уверенно и старательно в отношении направления строчек в взаимосвязи букв выработаны две нижние строчки. Это обстоятельство объяснимо тем, что выбивать эти строчка было наиболее удобно: верхние строчки требовали работы стоя с высоко поднятыми руками в неудобном положении, стоя на выступах боковых камней.

Переписав надпись с древнего арабского шрифта на современный обычный арабский подчёрк «*наسخи*», получаем следующий текст:

نصر من الله
و فتح قريب
محمد بن احمد غازى
شهر استانى
نيشته شد سال
با صد هشتاد هفت بود

точное словами указание года, поможет датировать могущие быть обнаруженными другие документы, не имеющие указания на время их составления. Разбираемая надпись в шесть строчек написана всего 85 лет позднее арабского документа Дивасти на том же рукописном почерке, а не на куфи, поэтому ее шрифт должен представлять новую стадию развития арабского рукописного почерка, хотя материалом для нее служил не папирус, кожа, пергамент, ткань, кость, черепок, дерево или бумага и не металл, но камень.

Общее впечатление от шрифта – это: надписи таковы, что рукописный обычный почерк, каким она составлена, переживал в начале девятого века переходную стадию своего развития от бесточечного куфи к точечному арабскому алфавиту современного нам арабского письма через неуверенное еще применение диакритических знаков, часто совсем излишних и противоречивых.

В то время как на документе Дивасти во всех его шестнадцати строчках имеется около 15 мест с диакритическими точками вместо не-обходимых, с точки зрения современного нам арабского языка, – 85, на нашем документе наоборот имеется 40 мест с точками вместо необходимых 23. Хотя первоначальное значение документа Дивасти и нашего памятника совсем не идентично: первый предназначался для прочтения одного только лица и описывает частное дело, второй имел целью чтение многими народами на протяжении тысячелетий, однако, очевидно, что принятая впоследствии система уточнения буквенных знаков точками в самом начале девятого века не имела еще твердого канона, будучи новой и пока еще не прочно установившейся на обширнейшей территории мусульманских стран.

В первой и шестой строчках одна и та же буква "сад" (ص) написана различно; в первой строчке надписи в слове نصر после овала буквы ص нет зубка, как в куфи, последующая буква "ра" (ر) начинается непосредственно от овала, а во втором случае в слове صد зубок столь отчетлив, что почти достигает высоты самой петли.

Буква "ра" (ر) дугообразна (قريب- نصر), как в куфи, за исключением буквы того же типа "за" (ز), которая в слове غازی имеет весьма небольшой изгиб и помещена при том своеобразно значительно выше строчки.

В букве "мим" (م) головка представляет, как в куфи, правильный круг с незаполненной серединой. В начале слова (محمد - من) она лежит на строчке, а в середине слова (احمد - محمد) – под строчкой.

Буква "нун" (ن) на конце слова (بن - من) похожа, как в куфи, на "ра" (ر) и имеет от последней лишь то отличие, что ее правый конец обозначается точкой сверху, а левый – нижний удлинен влево несколько больше, чем у «ра». Конечный «нун» (ن) также весьма сильно напоминает конечное "йа" (ي), отличающийся от него лишь способом соединения с предшествующей буквой и числом и расположением точек.

Буква "алиф" (ا) строго вертикальна с утончением вниз или без утончения.

Буква "лам" (ل) в середине слова الله обычна, но на конце слова سال несколько наклонна вправо и имеет вытянутый влево нижний конец без резкого загиба кверху.

Буква «һа» (ه) в конце слов при соединении (نَبِشْتَه - الله) представляет вид правильного треугольника без выступающей вверх правой стороны, как имеет место на документе Дивасти, не имеет поднимающейся вверх шейки и принимает все нижней стороной к строчке. В середине и начале слов (شهرآستانی) она состоит из двух петель, расположенных одна над другой, но не на строчке, как в куфи, а по обе ее стороны, как в документе Дивасти, причем, однако, обе петли расположены строго одна над другой за исключением слова هَشْتَاد, где верхняя петля немного сдвинута влево.

Буква "вав" (و) имеет совершенно круглую головку. Округленность всей буквы, характерная во второй строчке, на конце шестой строчки в слове بُوَد сильно искажена из-за неправильной поверхности камня.

Верхняя часть букв "фа" (ف) и "каф" (ق) лежит на строчке, плотно примыкая к ней, даже находясь не в середине, а в начале слова (فَتْح قَرِيب -). Головка кругла и имеет середину незаполненной. Точка помещена нормально.

Буква "ба" (ب), "та" (ت), а также "нун" (ن) на конце слов (هَفْت - بن - قَرِيب - من) имеют недотянутый, или значительно не достигающий до высоты первого зубка второй, левый, конец. Точки при конечных (ب, ت, ن) находятся не против середины овала или хвоста, а над или под правым зубком.

Буква "ха" (ح) утратила в верхней своей части характерную для этого почерка угловатость, которая еще заметна на документе, однако в словах (فَتْح و محمد) характерно соединена с предшествующей буквой непосредственно от вершины угла. В положении на конце слова (فَتْح) хвост опускается не вертикально вниз, как у Дивасти, но дает поворот вправо.

В букве "Даль" (د) достигнуто нормальное развитие верхней половины, причем обе части буквы – верхняя и нижняя – почти одинаковы и составляют правильную дугу (محمد - احمد).

Буква "гайн" (غ), в отличие от куфи и документа Дивасти, имеет сильно оттянутый вправо верхний загиб (غازی). У буквы "йа" (ی) на конце слов (غازی شهرآستانی) левый конец более удлинен, чем на документе Дивасти, но не имеет еще изгиба кверху.

Буквы "син" (س) и "шин" (ش) приближаются к куфи своими прямолинейными, угловатыми формами, особенно в середине слова هَشْتَاد و نَبِشْتَه.

Диакритические точки употреблены обильно и своеобразно:

а) над (ت) две точки помещаются и горизонтально (فَتْح - نَبِشْتَه - شهرآستانی), и вертикально (فَتْح - نَبِشْتَه - شهرآستانی);

- б) применяется точка под د (صد- احمد) и над ним (بود- محمد);
- в) применяется точка под ر (قريب شهرامستانی - نصر);
- г) применяется точка под ح (محمد - احمد - فتح);
- д) употребляется диакритический знак над م, притом в виде сплошной горизонтальной черты (سال - شهرامستانی);
- е) употребляется точка под ص (نصر), а также и над ним.

Интересны в надписи и другие особенности:

- 1) написание слова "шахристанский" через «алиф» после "ра" (شهرامستانی);
- 2) употребление в слове "написано" буквы "ба" вместо "вав" (نیشته);
- 3) построение сложных числительных без обозначения соединительного звука "و" между сотнями и десятками и десятками и единицами (صد هشتاد هفت);
- 4) употребление глагола «быть» с косвенным (творительным) падежом (با صد هشتاد هفت بود سال), как, например, в (تاریخ طبری) и ();
- 5) употребление пассивной конструкции в выражении (محمد بن احمد غازی) – явление, характерное для средневекового персидского языка.

Кроме того, предельно отчетливо датированная словами надпись устанавливает наличие применения в именах лиц титула (غازی) – "борец за веру" в эпоху, предшествовавшую не только господству в Средней Азии Караханидов, но и Саманидов, и дает один из древнейших из до сих пор известных образцов персидского языка на арабском алфавите.

А.Е. Маджи.

Ленинабад, 1939 г

Картины труда и природы в стихах Рудаки

Очень немного стихов дошло до нашего времени от обширного творчества замечательного таджикского поэта X-го века Абулхасана²³⁷ Рудаки, но, читая эти небольшие отрывки, старательно собранные учеными исследователями из старинных рукописей, невольно поддаешься их глубокому эмоциональному воздействию.

Разнообразные художественные приемы поэта, удивительно богатая образность его языка, обилие ярких эпитетов, сравнений, метафор, олицетворений даже в разрозненных бейтах стихотворных произведений часто создают перед умственным взором читателя удивительные картины природы, вдохновлявшие когда-то самого поэта.

Поэтическое мастерство Рудаки оставляет неотразимое впечатление вот уже свыше тысячи лет, прошедших со дня смерти поэта.

Как один из примеров сильного впечатления его стихов, певшихся им под аккомпанемент музыкального инструмента, можно напомнить легенду о том, как Рудаки вернул в родную Бухару саманидского эмира из слишком затянувшейся поездки в Хорасан. Когда поэт пропел эмиру сложенные специально для этого свои стихи о Бухаре и о дороге к ней:

---

²³⁷ А.Е. Маджи использовал в данном случае не личное имя поэта – «Абдаллах», а кунью-Абулхасан (прим. автора книги).

Ветры, вея от Мульяна, к нам доходят,

Чары Яр – моей желанной к нам доходят.

Что нам брод Аму песчаный? Нам такой,

Как дорожка златотканная подходит...

Эмир, по словам легенды, бросил все, вскочил с ковра и, как был без сапог в одних туфлях, так и вскочил на коня. Сапоги же привезли ему только уже на втором перегоне по дороге к Бухаре.

Даже отрывки стихов, даже отдельные выражения, собранные воедино из всего того, что дошло до нас от Рудаки, создают перед нами целые картины мирного труда, сельского хозяйства и окружающей крестьянина природы – родные и всегда близкие певцу, вышедшему из самых недр народа.

Вот ярко зеленеющее засеянное поле хлебов. Проносится легкий весенний ветерок и расчесывает, как гребнем, стебельки ячменя со склонившимися тяжелыми колосьями.

Над полями в синеве неба звенит песня жаворонка; проносится, высматривая добычу, хищный коршун; высоко парит орел.

Вот зеленая обочина поля, манящая земледельцев в час отдыха от тяжелого труда, где он утоляет жажду из журчащего арыка. В весеннюю пору все ручейки и арыки полны водой, но летом они пересыхают, и надежда крестьянина и странника утолить жажду порой остается тщетной.

Вот река с плотиной, распределяющей воду по каналам. Ее устои прочны, но могучий напор вод в весенний паводок легко может снести ее, если не дождутся ее строители.

Вот водоем с плавающими на его поверхности цветами и листьями кувшинок, на которые садятся трудолюбивые пчелы. Истомленные жарой стада приходят сюда утолить жажду.

Вот уже поспели хлеба, сжатый урожай свезен на сверкающий золотом снопов хирман. Вот и деревянные вилы, которыми крестьянин подбрасывает по ветру еще смешанное с соломой зерно.

Солнце свершило свой путь по небосводу. Наступил вечер. Сытые стада спешат с пастбищ к своим загонам на спокойный ночлег.

Вот плодовый сад с калиточкой. В нем посажены яблони и гранаты, айва, джидда, фисташки и красавец – стройный кипарис. Вдоль ограды по берегам ары-

ка посажены высокие тополя и миндаль. Из густой зелени листвы раздаются трели соловья.

В цветнике благоухают тысячи роз, разноцветные ирисы, нарциссы, жасмин, фиалки, мальвы.

На бахче зреют дыни и тыквы. В огороде зеленеет чеснок и шпинат.

Черные скалы гор переходят в предгорья, а дальше тянется бесконечная по-лыннная степь, сменяющаяся безжизненной песчаной пустыней, где, быть может, когда-то также кипела жизнь, цвели сады. В ложбинах темнеют заросли кустарников, лозы и камыша, джида и боярки с крупными румяными плодами с черными крапинками.

Вот большая дорога, усаженная тополями, с проходящими по ней в дальние страны верблюжьими караванами.

Утро. Воздух влажен, как воздух облаков в горах. Сияет в небе утренняя звезда. На розах в садах, на тюльпанах в лугах – повсюду оседает сырость ночи обильной росой.

Ночь. То ясную, светлую ночь рисует поэт с плывущим по небу диском полной луны; то безлунную, темную, звездную с яркими планетами и сверкающими созвездиями; то ненастную, пасмурную, черную.

А вот в ясную ночь, с сияющей на чистом небе луной, когда не видно было ни облачка и даже не пролетала ночная птица, могущая на миг заслонить луну, вдруг весь мир погружается в непроглядную тьму – это затмение луны.

Гроза. Вот надвигаются черные тучи, как огромное войско врагов. Крепчает ветер, меняются картины неба. Тучи стремительно перемещаются, рвутся на части, соединяются в массы. Это ветер перестраивает их, как полководец своих бойцов перед сражением. Вспыхивают, сверкают в черном небе мечи молний. Раскаты грома оглушают и устрашают людей, то как грохот больших боевых барабанов, то как неудержимое рыдание. Под натиском ветра низко приникают к земле деревья. Ветер с яростью валит их, вырывает с корнем. Тучи плачут

ливнем дождя. Но вот стихают порывы ветра, смолкают раскаты грома, и на небе тихо сияет, переливаясь всеми красками, дуга радуги,

Осень. Чередуются времена года. Переменяет свой наряд и природа. Но в каждом сезоне своя красота. Пышный сад осенью стал еще красивее. Яркая зелень его одежды принимает новые краски. Листочки на ветках сверкают на солнце, как золотые монеты. С каждой лозы виноградника свисают большие тяжелые гроздья сладких плодов.

Зима. Но вот темными облаками затягивается небо. Становится холодно. Белые снежинки летят с неба маленькими падающими звездочками. Пелена снега закрывает черноту гор. Под белым пологом скрывается и темная вечная зелень стройного кипариса в саду. Дуют холодные ветры. Зябнут ноги путника. Мороз сковывает воды. Лед плотиной покрывает реку.

Весна. Но вот все чаще и чаще по небу проносятся облака, щедро проливающие благодатный теплый дождь на засеянные поля. Исчезает последний снег. Зеленеют и пестрят цветами луга. Набухают и раскрываются почки деревьев. Начинают цвести сады. Солнце все чаще выглядывает из-за туч, как высокий замок из-за скал. Наступает весенняя пора ярких, восхитительных красок, благоуханий, радостей и наслаждений.

Казалось, ночью на декабрь апрель, обрушился с высот,
Покрыл цветов багрянцем дол и влажной пылью небосвод.
Омытые слезами туч, сады оделись в яркий шелк,
И пряной амбры аромат весенний ветер нам несёт.
Под ветром заблестал в полях тюльпана пурпур огневой,
В лазури скрытое творцом явил нам облаков полет.
Цветок смеется мне вдали – иль то зовет меня Лейли?
Рыдая, облака прошли – Маджнун, быть может, слезы льет?
И пахнет розами ручей, как будто милая моя
Омыла розы щек своих в голубизне прозрачных вод...

В другом отрывке Рудаки так описывает весну:

Но вот заволновалась тучка,
как бы Лейли, узрев Маджнуна,
Как бы Азро перед Вамиком, расцвел
пылающий тюльпан.

А солончак, весну встречал, готов
струить благоухание,
И камень источает воду, весенним
ароматом пьян.

Венками из прозрачных перлов
украсил ветви дождь весенний,
Дыханье благовонной амбры
восходит от лесных полян.

И, кажется, гранат покрылся
зеленоблещущей лазурью,
И в небе нитью бриллиантов
проходит тучек караван...

Немного за истекшие века было поэтов, подлинно высокая художественность и выразительность языка которых так богата и эмоциональна, как у великого Рудаки.

20.VI.1958 г.

Некоторые особенности лексики Рудаки

Опубликование полного критического текста всего дошедшего до нас поэтического наследия Рудаки на современном таджикском алфавите, отражающем не в пример арабской графике, все гласные звуки, не только долгие, но и краткие, изучение морфологических элементов в текстах современников Рудаки и устранение путем соответствующих сопоставлений остающихся еще кое-где в тексте Рудаки некоторых туманностей и неясностей поможет установить более полно морфологические особенности не только языка великого таджикского поэта Рудаки, но и вообще таджикского языка, каким он был более 1000 лет тому назад.

Велико богатство и разнообразие дошедшей до нас лексики Рудаки. Она охватывает самые различные области человеческого знания, окружающей природы, воздействия на нее человека, культуры и социальных отношений. Сделаем попытку распределить часть сохранившегося до нашего времени словарного запаса из произведений Рудаки по различным областям знания.

Физическая география и естествознание:

Вселенная – гетй, льаъон, гиъон),

Материя первичная /онбудан/,

Атом – /зарра/,

–песчинка

Земля – /замин, хок/,

вода – /об/,

небо – /мину, осмон, самавот, фалак/,

полюс – /кутб/,

земная ось – /тири гети/,

восток – / машрик/,

запад – /ховар/,

гора – /кух/,

гористая страна – /кўхсор/,

ущелье – /тангй, .дуруштй/,

склон – /нишеб/,

пещера – /саич/,

камень – /санг/,

песок – /рег/,

грязь – / шилк/,

поверхность – /сахн/,

равнина – /хомун, дашт/,

пустыня – /биёбон/,

луг – /чаман/

река – /руд/,

ручей – /чуя/,

поток – /тучбе/,

заречье – /варзруд/,

море – /бахр, Дарьё, ям/,

берег – /канор, корона/,

волна – /мавь/,

а/ Названия городов и местностей:

Средняя Азия:

Бадахшон, Сарахс,

Бухоро, Тароз,

Варарўд, Ховар,

Моваруннахр, Хуросон

Мокон,

Иран:

Нимруз, Сори,

Рай, Эрон.

Саъастон,

Кавказ: Ганља, Ширвон.

Аравия: Уммон /Оман/,

Месопотамия: Бобул /Вавилон/.

Греция: Юнон.

Китай: Халлух, Чин /Китай/

б/ Названия морей, рек и каналов:

Мулиён /название канала в Бухаре/,

Нил,

Обисгун /Каспийское море/,

Ому – /Аму-Дарья/,

Лъайньун – / то же/,

в/ Названия гор:

Саълон – /гора в Аравии/,

Сиём /гора между Самаркандом и Шахрисабзом/,

Ќоф /Кавказский хребет/,

Льудї /гора Арарат/.

Явления природы:

Буря – /туфон/,

ветер – /бод/,

" холодный – /сарсар/,

" восточный – /сабо/,

" западный – /фарвадин/,

" северо-восточный, приятный /барин/,

" несильный, приятный /насимак/,

дождь – /борн, матар, матир/,

капля – /ќатра, решаха/,

гром – /тундар, бахту, бахтур, бахнав, раъд/,

молния – /озарахшо, соиќа/,

радуга – /одинда/,

затмение луны – /гирифтани моъ, кусуф/,

блеск – /дурахш/,
жар – /тоб, таб, гармо/,
искра – /паркона/,
огонь – /оташ, нор/,
пар – /бохур/,
дым – /дуд/,
иней – /шахкоса/,
роса – /шабнам, офшак, офшанг/-,
снег – /барф/,
снежинка – /яхча/,
лёд – /коша/,
облако – /абр, баштар, саъоб/,
холодный – /сард/,
прохладный – /хунук/,
влажность – /тарї/,
мрак – /торї/
заря – /сапида, саъар/.

Металлы:

Железо – /оъан/,
золото – /зар/,
серебро – /сим/,
золото и серебро – /сомит/,
ртуть – /зайбақ/

Минералы:

Рубин – /лаъл/,

яхонт – /ёкут/,

агат – /акиќ/,

хрусталь – /булур/,

сера – /гугирд/,

соль – /намак/,

гранит – /хоро, санги хор/,

драгоценный камень – /гавъар, нагин/.

Деревья:

Ива – /бед, сурхбед/,

тополь – /пада/,

боярка – /хинк, хафча/,

сосна – /нашк/,

кипарис – /сарв, сарвбун/,

заросль ивняка – /бидистон/,

лес, заросший камышом – /ѓаша/

Цветы и травы:

Роза – /гул/,

роза махровая – /садбарг/,

тюльпан – /лола/,

фиалка – /банафша/,

ирис – /савсан/,
ирис разноцветный – /пилгуш/,
жасмин – /ёсуман/,
нарцисс – /наргис, настарун/,
шиповник – /наорин/,
мальва – /хайрі/,
кувшинка – /нилуфар/,
шафран – /заъфарон/,
алоэ – /уд, дорбуй/,
плющ – /фаргунд/,
клевер – /сус/,
трилистник – /курпо/,
чертополох – /жож/,
трава для веников – /нахч/,
“ молодая ” – /паранд/,
“ зеленая ” – /сабза/,
растение – /гиёнь/,
“ опьяняющее ” – /њуэрра/,
“ ядовитое ” – /шаренг, тавъамон/
заросли тростника – /тимос/,

Части растений:

Корень – /бех, реша/,
черешок – /коноз/,

соломинка – /хоша/,
солома – /коъ/,
ветка – /шох/,
лоза виноградная – /соруна/,
кора – /пушиш/,
зерно – /дона, тухм/,
зернышко – /донакак/,
колос – /хоша, сунбул/,

Животные дикие:

Лев – /шер, зайгам/,
барс – /паланг, юз/,
волк – /гург/,
лиса – /рўбоъ/-,
соболь – /самур/,
слон – /фил/, и большой – /зандафил/
обезьяна – /капи/,
лань – /оъу/,
детёныш лани – /охубарра/,
заяц – /харгуш/,
мышь – /муш/,
черепаха – /кашаф/.

Птицы дикие:

Орёл – /укоб/, сокол – /боз, шоњин/,
коршун – /заѓан, каргас/, сова – /чуѓд/,
павлин – /товус/,
соловей – /булбул, зандбоф, зандувоф, андалиб/,
голубь – /кабутар, фохта, сулсул/,
куропатка – /кабк/,
жаворонок – /чарз, сор/,
удод – /худхуд/,
ворон – /зоѓ /,
ворона – /калоѓу/,
утка черная – /мог/,
журавль – /каланг/,
воробей – /саъва, усфур/,
пташка малая – /таз, шахиш/.

Прочие животные:

Пчела – /кабт/,	ящерица – /карбаша/,
саранча – /малах/,	саламандра – /самандар/,
муха – /магас/,	червь – /кирм/,
муравей – /мур/,	червячок – /кирмак/,
тарантул – /ѓунда/,	светлячок – /кирмаки шабтоб/,
скорпион – /каждум/,	шелковичный червь – /кирми бањрома/,
змея – /мор/,	рыба – /моњї/,
змея очковая – /афьо/,	кит – /нањанг/.

Части тела животных:

курдюк – /дунба/,	вымя – /пистон/,
коготь – /чангол/,	перо – /пар/,
крыло – /бол/,	позвонок – /муъра/,
клюв – /калфат, минкор/,	гребень – /толь, лолак/,
жало – /ниш/.	

Человек:

Понятия человек и народ:

Человек – /кас, одам, инс/,
народ – /мардум, халк, аъл/.

Имена людей:

а/ Эпических героев и древних царей:

Доро – /Дарий/,	Кисро,	Сом,
Зуй,	Настуда,	Сосон,
Кай,	Рустам,	Льам /Джемшид/,
Кайкоус,	Сифандиер.	

б/ Ветхозаветных пророков:

Исо,	Юсуф,
Мусо,	Яъкуб,
Сулаймон.	

в/ Философов и мудрецов:

Луќмон,

Суќрот,

Фалотун /Платон/.

г/ Женщин:

Дурустї – /имя жены сасанида Бахрама Гура/,

Салма – /имя библейской красавицы/,

Фотима – /имя дочери пророка Мухаммада/.

Понятия семья и происхождение:

Происхождение – /моя/,

мачеха – /модандар/,

Потомство – /насл/,

мужчина – /мард/,

семья – /табор, ол, аёл/,

женщина – /зан/,

отец – /падар/,

жена – /хотун/,

мать – /модар/ ,

сын – /писар, пур, фарзанд, бин/,

юноша – /фато, барно/,

дочь – /духт/,

ребенок – /бача/,

невеста – /баюк, арус/,

новобрачная – /навбаюк/,

тесть – /хусур/,

родственник – /хеш, хеш ва табор/,

свой – /хештан/,

бабка – /момо/.

Части тела человека:

Тело – /тан, колбад, лъасад/,

внешность – /талъат/,

голова – /сар/,
маковка – /торак, њабоќ/,
темя – /тувил/,
лицо – /ру, рух, чењр, чењра/,
лоб – /пешонї/,
морщина – /чин/,
ухо – /гуш/,
глаз – /чашм, дида/,
ресница – /мижа/,
бровь – /абру/,
зрачок – /кайк, мардуми чашм/,
нос – /бинї, димоѓ/,
усы – /сабил, мн.ч. субул/,
рот – /дањан, дањон, батфур/,
место вокруг рта – /рам, нас, фурунљ/,
зуб – /дандон/,
язык – /зафон, забон/,
язычок – /пушта/,
губа – /лаб/,
подбородок – /занахдон/,
борода – /риш/,
шея – /гардан/,
кадык – /ѓабѓаб/,
щека – /рухсора/,

родинка – /хол/,
затылок – /кафо/,
волосы – /мў/,
коса – /гесу/,
кудри – /зулф, марѓул, љаъд, љим, турра/,
грудь – /сина, пистон, бар/,
стан – /ќомат/,
сердце – /дил, ќалб/,
печень – /љигар/,
пуп – /ноф/,
поясница – /миёна/,
спина – /пушт/,
плечо – /душ, кифт/,
предплечье – /соад/,
рука – /бозу, даст/,
ладонь – /каф/,
кулак – /мушт/,
палец – /ангушт/,
нога – /пой/,
голень – /соќ/
мошонка – /хоягон/,
яйцо – /хоя/,
кровь – /хун/,
кожа – /пуст/,

жила – /раг/,

желчь – /сафро/,

моча – /шош, гумез/,

слеза – /ашк, сиришк/.

Поразительно, что всего в 860 бейтах Рудаки употребил 54 названия различных частей человеческого тела (с синонимами 30 названий), что может свидетельствовать о том, что по крайней мере в дошедших до нас его стихах этот поэт интересовался больше всего человеком и знал человеческое тело, как анатом. К этому можно добавить, что он к тому же удивительно мог использовать любой из этих терминов без какого-либо снижения поэтичности своей лирики.

Дружба и товарищество:

Друг – /дўст, дустгон, ёр, ӯабиб, қарин/,

Дружба – /ёрї, рахам/,

товарищ – / ӯамто, рафиқ, нодим/.

Широким употреблением таджикских и арабских синонимов какого-либо одного понятия Рудаки, помимо улучшения стиля, без какого-либо спора или дискуссии самим языком своих стихов показывал богатство и древность культуры своего народа, а иногда также и превосходство его над арабскими захватчиками во многих областях культуры и науки.

Удовольствие, веселье, счастье, отдых:

Счастье – /бахт, фархундағї, саъд, иқбол/,

счастливый – /хуншон/,

удовольствие – /ханль/,

игра – /бозї/,

игривый – /љамош/,

радость – /барӯон, каруз/,

пир – /базм , лъашн/,

отдых – /роъат/.

Любовь и брак:

Любовь – / дўстгонї, оғош /,

возлюбленная – /дилбар, дилбарак, лўъбат/,

красавица – /нигорин, нигоринрўй/,

стройная – /сарвқад, борикмиён/,

черноглазая – /сиёньчашм/,

веселоглазая – /љамошчашм/,

круглолицая – /гирдсарин/,

кудрявая – /хамзулф, лъаъдмўй, марғуламўй ,мусалсал/,

гранатоградая – /норпистон/,

очаровательная – /шакарханда/,

резвушка – /чобукқадам, чобукльон/,

прелестница – /льонситон/,

лунолицая – /моърў/,

лейлиподобная – /лайлисифат/,

фееподобная – /париваш/,

гуриеподобная – /њурнижод/,

обольстительница царей – /мулукфиреб/,

благоуханноволосая – /мушкинмуй/,

любовница – /льонон/,

очень сладострастная женщина – /льофльоф/,

влюбленный – /ошиќ/,
пылкий – /булкома/,
безумный от любви – /мальнун/,
иосифоликий – /юсуфрўй/,
поцелуй – /бўса/,
объятие – /зоила/,
соединение – /васл, васлат, висол/,
разлука – /њильр, њильрон/,
калым – /мањр/.

Обилие слов, характеризующих привлекательные качества возлюбленной, объясняется тем, что довольно значительную часть тех скудных остатков наследия великого поэта, которые дошли до нас, составляют лирические газели.

Положительные качества человека:

Хороший – /бењ/,
красивый – /хубрў/,
разумный – /фарзона, хирад, бихрад/,
проницательный – /тезфањм/,
мудрый – /хирадманд/,
красноречивый – /хушгуфтор, фасињ/,
ловкий – /чолок/,
храбрый – /шульоъ/,
милостивый – /карим/,
великодушный – /родмард, љавонмард, њурр/,
щедрый – /род/.

благомыслящий – /некандиш, некхоъ нексигол/,
благоразумный – /ъушёр/,
правосудие – /дод/,
благодееание – /бир/,
кротость – /ъилм/,
довольство малым – /каноат/ и др.

Отрицательные качества человека:

Хитрость – /далом, диллат/,
подлость – /хорї/,
уловка – /тунбал, банд, /макр/,
клевета – /туъмат, буътон/,
обман – /тарб/,
неприянь – /бемиърї/,
зависть – /рашк/,
месть – /кин, кина/,
зло – /бадї/,
пьянство – /мастї/,
легкомыслие – /эфудасарї/,
дурной – /бад/,
глупый – /коно, газоф, газофа, аблаъ/,
сумасброд – /хирасар/,
злобный – /пуркина/,
враждебный – /бадандеш, бадхоъ/,

обидчик – /хўрдагурез/
вероломный – /бевафо/
убийца – /хунрез/
надменный – /густох/
жестокий – /сангиндил/
тиран – /ситамгар/
скупой – /оира, зуфр, жукур, бахил/
гнусный – /фажогин, лаъим, биъашм/
беспечный – /ѓофил/
неуч – /бадомўз, шафак/
неучливый – /чираъ/
невоспитанный – /нофрахта/
невежда – /зуфт, нодон, бадомўз/
бесстыдный – /балоя/
пустомеля – /эфуда/
сплетник – /миннам/
мошенник – /гурбуз/
плут – /моргир, айёр/
пьяница – /дурдкаш/
злодей – /хушук, бадкор, балодинь/
вор – /дузд/ и др.

Физические недостатки человека:

Слепой – /кур, нобино/,	одноглазый – /авар/,
глухой – /кар, каргуш/,	беззубый – /кусаль/,
немой – /гунг/,	старый – /пир/,
хромой – /ланг/,	дряхлый – /фартут/.

Местность, жилище:

Область – /вала/,	жилище – /манзил/,
город – /шаър/,	временное жилье – /сипанль/,
селение – /мавзель/,	навес – /нисар/,
деревня – /день/,	шалаш – /коза/,
окрестность – /ъаволї/,	шатёр – /чодир/,
площадь – /майдон/,	палатка – /хиргох/,
улица – /куй, барзан/,	дом – /хона, хон/,
местожительство – /нашиман/,	дворец – /даргоъ, сарой/,
помещение – /лъойгоъ/,	замок – /кушк/,
постройки – /бино/,	крепость /кундиз, ъисн/.

Части дома:

Стена – /девор/,	табурет – сандал-/ чандон/,
дверь – /дар, дара, дарвоз, боб/,	скамья каменная – /суфа/,
дверная рама – /даревоз/,	
решетка окна – /полкона/,	летнее помещение дома – /балькам/,
порог – /остона/,	верхняя комната – /фарвор, болохон,

прут для погоняния волов – /говшанг/,

палка с кривым концом – /чавгон/,

мяч – /гуй/.

Из наличия у Рудаки слов гуй (мяч) и чавгон (палка с кривым концом), употребившихся при игре в поло, явствует, что эта игра, сохранившаяся до настоящего времени в Горном Бадахшане, была излюбленной забавой у таджиков Мавераннахра уже 1100 лет тому назад.

Пища и питье и их приготовление:

Съестные припасы – /туша/,

Хлеб – /нон/,

хлеб ячменный – /нони кашкин, нони лъавин/,

сдобный – /нони симан/,

сладость – /афруша, ширинї, ньаловат/,

пирог медовый – /фарахша/,

остаток угощения, уносимый домой /фаларв, навола/,

похлебка – /обо/,

розовая вода – /гулоб/,

сироп – /лъабинь/,

вино – / май, бода, шароб, набза/,

жаркое – /кабоб/,

осадок, гуща в вине – /дурди май/,

колбаса – /заванль/,

жир – /симан/,

молоко – /шир/,

мёд – /ангабин/,
сахар – /шакар, кáнд/,
соль – /намак/,
изюм – /мавиза/,
уксус – /сикї/,
закваска – /моя, хамирмая/.

Посуда:

Посуда для воды – /обдон/,
вина – /в виде животного/такук/,
обыкновенная – /кадунима/,
хлеба – /из дерева или прутьев/-/ канур/,
монет /глиняная/ – /ханур/,
кувшин большой – /хум/,
небольшой – /кузо, сабу/,
посуда большая из глины или дерева – /хунба/,
кубок – /зиғол, соғир/,
чаша – /льом, ритл/,
блюдо – /табаќ/,
бурдюк – /хик/,
котёл – /потила/.

Сбруя:

Чепрак – /дафнук/,   плеть – /тозиёна/,

Сельскохозяйственные сооружения и пункты:

Нива, засеваемое поле – /киштзор/, луг – /чаман/,
край засеваемого поля – /заръ/, загон для скота – /на ģил/,
гумно – /хирман/, сад – /боġ, бустон/,
водоём – /жи, обкани/, цветник – /гулшан, гулистон
водопой – /обхўр/, цветник из тюльпанов – /лолазор/
колодец – /чоъ/, пастбище – /сипанль, куном/.

Сельскохозяйственные орудия и принадлежности:

Мотыга – /каланд/,
серп – /дос/,
вилы деревянные – /ангушта/,
ступка – /кобила/,
лук для чесания хлопка – /даруна/,
пресс для выжимания масла – /ġан/,
пресс для выжимания виноградного сока – /оипор, чархушт/.

Сельскохозяйственные действия:

Вспашка – /шудгор/,
сев – /кишт, заръ/,
жатва – /дуруд/,
прививка – /пайванд/,
зов овец – /бах-бах/,
расти – /рўидан/.

сеять – /пошидан/,
веять – /бехтан/,
молотить – /кубидан/,
тереть – /соидан/,
собирать – /баргидан/,
выжимать сок – /палудан/,
вить – /табидан/,
ткать – /бофтан/,
доить – /душидан/,
очищать хлопок от семян – /фахмидан/.

Орошение:

Арык – /льўй, жи/,   плотина – /варѓ/, сад/,
Грядка – /льўяк/,   сипай в плотине – /бандуруѓ/.

Полевые культуры:

Пшеница – /гандум/,   просо – /арзан/,
ячмень – /љав, кашк/,   лён – /заѓир/,
рис – /гурунљ/,   хлопок – /памба/.

Растительные и животные продукты:

Воск – /мум/,   камфора – /кофур/,
смола – /катрон/,   вата – /чаѓбут/,
клей – /сирещ/,   яд – /зањр/.

Фрукты:

Виноград – /ангур/,   миндаль – /бодом/,
гранат – /анор, нор/,   фисташка – /писта/,
яблоко – /себ/,   фисташковый орех – /нонак/,
апельсин – /турунль/,   кедровый орех – /льалгуза/,
финик – /рутаб/,   джида – /санльид, чилон/,
грудная ягода – /иноб/.

Бахчевые культуры и овощи:

Дыня – /харбуза/,   чеснок – /сир/,
тыква – /каду/,   шпинат – /баргаст/.

Из вышеприведенных рубрик, дающих термины земледелия, сельскохозяйственных сооружений и процессов сельскохозяйственного производства, полевых культур, орошения и продуктов земледельческого труда в поле, саду и огороде, совершенно естественно отмечается почти полное отсутствие слов языка арабов, лишь очень небольшая часть которых имели отношение к земледелию, а огромное большинство было кочевыми бедуинами.

Домашние животные:

лошадь – /асб/,   баран – /гуспанд/,
молодая – /асби назаин/,   бойцовый – /гуль/,
конь чистокровный гнедой – /якрон/,
вороной – /шабдиз/,
конь быстрый – /хинг/,
ягненок – /барра/.

жеребенок – /курра/,
верблюды – /уштур, сор, муъор/,
корова – /гов/,
верблюд с поклажей, предназначений в подарок /хумлон/,
коза – /буз/,
стадо мелкого скота – /рама/.

Птицы домашние:

Курица – /мурѓ/,
петух – /хурус, хуруч/,
утка – /мурѓобї/,
павлин – /товус/.
Охота и термины, связанные с охотой:
Дичь – /нахчир, сайд/,
пища, даваемая ловчим птицам – /миста/,
сеть – /дом/,
собаководство – /сагбонї/.

Профессии:

Садовник – /боѓбон/,
Слуга – /пешкор, пешёр, чокир/,
Сапожник – /кафшгар/,
слуга-мальчик – /ридак/,
портной – /хайёт/.

служанка – /канизак/,
прачка – /гозур/,
сторож – /ниганьбон/,
меховщик – /вотгар/,
вестник – /пайк, пайкмартаб, наванд/,
наёмный работник – /муздур/,
секретарь – /дабир/,
трудящийся человек – /ранльоъанль/,
виночерпий – /ѓоричї, бода, диъанда, соќї/,
прославитель – /ситогўй, маддох, мадих/,
поэт – /шоир/,
певец – /сурудгў/,
музыкант – /мутриб, муѓанна/,
игрок на лютне – /чангнавоз/,
барабанщик – /таблзан/,
рассказчик – /равї/,
оратор – /сухандон/,
учёный – /олим/,
учитель – /омўзгор/,
законовед – /фаќиъ/,
объездчик – /роиз/,
врач – /табиб/,
псарь – /сагбон/,
хирург – /пизишк/,

фейерверхеръ – /наффон/.

Термины, связанные с торговлей:

Собственность – /мол/,

обман – /фареб/,

состояние – /сармоя/,

подделка – /сохтакорі/,

богатство – /давлат/,

мера – /андоза/,

имущество – /сомон/ ,

аршин – /газ/,

сокровище – /ганч/,

чашка весов – /палла/,

цена – /баъо, нарх, арз/,

золотая монета – /динор/,

выгода – ньуд, суд, ханль/,

серебряная – /дирам/,

доход – /дахл/,

покупать – /харидан/,

убыток – /зиён, нуқсон/,

продавать – /фурухтан/,

условие – /шарт/,

караван – /корвон, қатор/,

здаток – /рабун/,

груз – /бор/,

залог – /гаравгон, руъон/,

базар – /бозор, тим/,

свидетель – /гувох/,

лавка – /дукон/,

доверенное лицо за

купец – /бозаргон, тоъир/,

верность должника – /хиром/,

ходатай – /шофиъ/.

Материя, меха и благовония:

Атлас – /атлас/,

шелковая материя – /мулхам/,

полосатая материя низшего качества – /бурд/,

сорт простой ткани – /пуд/,

китайская – /пармиён/,

бахрома – /табк/,
мех дорогой – /хаз/,
шелк – /паранд, бахрома/,
мирта – /морд/,
парча – /дибо-зари/,
амбра – /анбар/,
полотно, шитое золотом – (якшаба),
муксус – /мушк/.

Дорога и средства сообщения:

Дорога – /раъ, роъ/, караван – /корвон, катор/,
Большая – /шоъроъ, роъишоъ/, верхом – /савор/,
обеспеченная водой – /обрах/, пешком – /пиеда/,
узкая и трудная – тарфанч/, корабль – /кишти/,
проводник – /раъбар/.

Строительные термины:

Постройка – /бино/,
фундамент – /лод, бунлод, бунёд, ниъод/,
стена – /девор, лод/,
столб – /сутун, торанг, тозанг/,
устой – подпора – /позир/,
балка – /фарасб, болор/,
купол – /гунбад/.

кирпич – /хишт/,

доска – /тахта/,

плита – /парниъ/.

В данной рубрике все термины, кроме одного /постройка-бино/, таджикские. Арабы, проводившие всю жизнь в пустыне в своих шатрах, почти не употреблявшие дерева, конечно, не могли дать в первые века своего господства ничего нового для строительного дела в условиях Средней Азии.

Слово – /сухун, лафз, мн.ч. алфоз/,

произведение – /асар/,

рассказ – /достон, кйсса, њадис/,

наставление – /панднома/,

стихотворение – /шеър/,

газель – /газал/,

книга – /нома/,

тетрадь – /дафтар/,

диван – /девон/,

лист – /вараќ/,

поэзия – /назм/,

перо камышевое – /килк, хома, ќалам/,

шарада – /муаммо/,

поэт – /шоир/,

метафора – /маъоз/,

панегирист – /маддоъ/.

Музыка, пение и музыкальные инструменты:

Звук – /бонг, бонгак/,
голос – /ово, овоз/,
мелодия – /тарона, наѓма/,
пение – /лањн/,
слушание музыки и пения – /самољ/,
песня – /суруд/,
барабан – /кос, табурак, табирањ, таб ул/,
барабан с одной ножкой – /даф/,
бубны – /доира/,
флейта – /ной/,
гитара – /дунбарак/,
лютня – /барбат, танбур/,
арфа – /чанг/,
струнный музыкальный инструмент – /руд/.

Украшения:

Украшение – /зев, ороиш, зинат/,   безделушка – /дастхваш/,
украшать – /оростан, пайростан/,   раковина -/садаф/,
венок – /басок/,   коралл – /марљон/,
шапка, украшенная драгоценными камнями, диадема – /дењам/,
жемчуг – /дурр/,
ожерелье – /гирдбандак/,
окрашивание бороды и ногтей – /хизоб/.

серьга – /гушвора/,

узор – /накша/,

кольцо без камня – /кача/, картина – /нигор/.

Краски и цвета:

Краска – /ранг/,

цвет – /гун/,

цветной – /рангин, хазиб/,

разноцветный – /алвон/,

красный – /буссадин/,

розовый – /гулранг, гулгун/,

окрашенный красной глиной – /мумаъар/,

пурпурный – /аргавон/,

цвета мальвы – /хайриалвон/,

желтый – /мусфир/,

шафрановый – /муасфар/,

светло-зеленый – /кабуд/,

ярко-зеленый – /зангоргун/,

зеленый – /сабз, ахзар/,

голубой – /нил, мино/,

белый – /сапед/,

черный – /сиёнъ/,

хна – /ъино/,

сурьма – /сурма, сурмо/.

Обилие терминов для обозначений цветов и красок говорит о высоком развитии уже во время Рудаки изобразительного искусства живописцев, так блестяще подтвержденное фресками начала VIII века из древнего Панджикента. Сам Рудаки, описывая один шатёр, упоминает, например, что он был разукрашен тридцатью тонами красок.

Время:

Время – /замон, њангом, ваќт/,

черёд – /вор, вора/,

век – /дахр/, год – /сол/,

ночь под новый год – /фириснофа, фириснофу/,

месяц – /мањ, моњ/,

неделя – /њафта/,

день – /рўз/,

ночь – /шаб/,

сутки – /шаборўз/,

полдень – /нимрўз/,

полночь – /нимшаб/,

весна – /бањор, новбањор/,

осень – /хазон, мињргон/,

заря – /сањар/,

на рассвете – /бомдодон/.

Месяцы:

Январь – /бањман/,

Март – /фарвардин/,

апрель – /урдубињишт, нисон/,

октябрь – /обон/,

конец декабря-январь – /дай/.

Небесные тела, планеты, связанные с ними явления:

Солнце – /мињр, офтоб, хуршид/,

Марс – /Бањром/,

луна – /мањ, мох/,

полная – /бадр/,

затмение луны – /кусуф/,

Меркурий – /Аторуд, Тир/,

Сатурн – /Кайвон/,

звезда – /ситора, ахтар/,

Плеяды – /Парвин/,

Венера – утренняя звезда – /ситораи, сањарї/,

Семь звезд Большой Медведицы – /њафт тобанда њафт солар/.

Болезни:

Насморк – /хилм/,

чиханье – /шануша/,

гной из глаз – /хим/,

гной – /рим, ситем/, грыжа – /ѓур/,

воспаление миндалевидной железы – /њунок/,

водянка – /хушксмор/,

зоб – /хальс/,
опухоль – /варам/,
зловонное дыхание – /ғашок/,
рвота – /һарош/,
сумасшедший – /девона/,
боль – /дард/,
болезнь – /мусибат/,
больной – /хаста, бимор/,
болезненный – /дардманд/,
больной поносом – /рихин/,
заражение – /сироят/,
рана – /захм/.

Административно-управленческие термины:

Государство – /давлат/,   подать – /хироль/,
царство – /мулк/,   казна – /хазона/,
его величество – /һазрат/,   арест – /һабс/,
повеление – /һукм/,   освобождение – /раһоӣ/.

Все термины административного управления, как видим, полностью арабские, вытеснившие без остатка прежние соответственные слова местного происхождения, начиная с первых веков завоевания арабами южных областей Средней Азии и установления в ней мусульманской религии.

Должности и связанные с ними термины:

Царь царей – /шоһиншоһ/,
государь – /шахриёр, хоқон, хисрав, кисро, кай, шаһ, шоһ, амир, мир, малик, меһтар/.

принц – /шоъзода/,

господин – /хольа, худо, раб/, должность – /мансаб/,

министр – /вазир/, обязанность – /вазифа/,

начальник – /ъарким/, ранг, сан – /лъоъ/,

подарок – /ато, атият, туъфа/,

глава – /садр, садри лъаъон/, свита – /хайл/, слуги-друзья – /маволи/, служба – /хидмат/, стража – /харас/.

Из 15 терминов этой рубрики, не считая синонимы, только 4, то есть одна четвертая часть сохранилась таджикская /царь царей, государь, принц и сан/, все остальные термины уже в эпоху Рудаки оказались почти исключительно арабскими.

Происхождение танга – двугривенный и сумм- рубль в таджикском языке

Деньги в Средней Азии впервые появились еще в V в. до н.э. В это время южная часть Средней Азии, и в том числе территория Таджикистана под именем Согдианы и Бактрии, входила в пределы персидского государства династии Ахеменидов. Однако персидская монета Ахеменидов – золотой дарейк и серебряные монеты персидских сатрапов – крайне редки.

После падения Ахеменидского государства в Средней Азии распространяется золотая греческая драхма Александра Македонского, а после него – золотые, серебряные и бронзовые монеты греко-бактрийских правителей и парфянских царей.

С первого века до нашей эры в Средней Азии возникает государственное объединение юэджийцев-кушан, чеканивших свои золотые монеты по греческим образцам.

Государство эфталитов или белых гуннов в V–VI в. н.э. также чеканило свои монеты, золотые или медные.

В VII и начале VIII века имели хождение монеты правителей Бухары, тюрко-китайские и согдийские, притом не чеканные, а литые. С восьмого века нашей эры, с укрепления арабского господства в Средней Азии, при Саманидах и позднее, распространяются арабские серебряные и золотые дирхемы и динары.

При монголах в XIII–XIV веках дирхемы и динары получают хождение повсеместно в Средней Азии. В XIV в. получает широкое распространение термин «тамга»²³⁸. Так назывались в персидском государстве в это время налоговые сборы с ремесленников и торговцев. По указанию профессора А.А. Булаховского, термин тамга отмечается, как вид подати на Руси еще в XIII в. В ярлыке хана Менгу Тимура 1267 г., как торговая пошлина в духовной великого князя Ивана Калиты 1327 г. и как клеймо, печать в ярлыке царя Тайдулы (по-видимому, имеется в виду ханша Тайдула. – В.Д.) митрополиту Феогносту 1351 г.²³⁹.

Во второй половине XIV в. и русские монеты получают общее название денег. Они были серебряные, мелкие и неправильной формы. Профессор Булаховский указывает, что этот термин в русском языке заимствован из тюркского и является по происхождению тем же словом, что и тамга, и встречается впервые, как отмечает еще профессор Срезиевский в «Собрании государственных грамот»²⁴⁰, в договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича с тверским князем Михаилом Ярославовичем в 1375 г.

С этого времени постоянно упоминается, по всей вероятности, и в государствах Средней Азии термин тамга, обозначавший серебряную монету. В XIX в. эта монета в Кокандском ханстве расценивалась в 20 русских копеек, а в Бухарском – в 15 русских копеек. В конце XVII в. в русских документах, касающихся торговли со среднеазиатскими государствами, эта монета упоминается в форме теня.

Мелкая медная монета носила название фулус, пайса и пуль. Последняя форма сохранила в языках Средней Азии общее значение денег.

Расширение пределов Китая на западе, непосредственно до границ среднеазиатских государств в середине XVIII в., и оживление экономических и культурных связей среднеазиатских народов с Китаем сказались, по-видимому, и в закреплении в Средней Азии термина сум в значении серебряной монеты стоимостью в один рубль или в значении ассигнации соответствующего курса.

Слово танга, означающее в настоящее время монету в 20 копеек, имеющее общий корень с русским словом деньги, происходит не от тюркского корня, как общепринято считать и как отмечал профессор Булаховский, а от более древнего корня, широко распространенного также во многих западноевропейских и южных языках Европы, а также в иранском и таджикском языках.

Так, это слово в таджикском языке связано с корнем танг – тесный, в иранском языке – с корнем taeng, в южно-бадахшанском – tang и в курдском – tenk = узкий, тесный.

²³⁸ Якубовский. Материалы по истории Узбекистана. ... С. 44.

²³⁹ Исторический комментарий к литературному русскому языку. Харьков-Киев, 1937 г.

²⁴⁰ Т. I, № 28. С. 17

В немецком языке родственен корень *end* = тесный и глагольные формы *drungen* = теснить; *gedrungen* = стесненный, сдавленный и *druchen* – давить, того же корня англо-сакский глагол *tengan* = сжимать. На юге Европы родственны с разбираемой морфемой сербский глагол *gangati* = обозначать клеймом, клеймить и именем существительным *gang* = знак, примета, клеймо. Таджикское *тамга* и иранское *taemga*, откуда произошло слово *танга*, в турецком языке восходит к корню *takta* = повешенный, прицепленный, вставленный, накладной, что указывает на происхождение печати на письменном документе, а также явно родственно слову *damga* = клеймо, штемпель, тавро, герб. Несомненно, что в сербском языке слово *данг* и *дангату* появились под влиянием турецкого, а в русском соответствующие морфемы обязаны татарскому. Несомненно, справедливо указание А.А. Горбушиной и В.Г. Яковлева, что слово *деньги* распространилось на Руси в XIV–XV веках «в числе некоторых тюркско-татарских слов»²⁴¹.

Однако более древнее значение разбираемого корня выявляется не в тюркской среде и не в арийской (индоевропейской), а в семитической. А именно в арабском языке сохранился корень *дамага* (دمغ), который означает *разбил, раздробил голову, а также одолел, покорил, унижил*. Это указывает на первичное значение *тамги* как *табу – запрета, нарушение которого грозило жестокой расправой*.

В языках Дальнего Востока также имеются корни, родственные рассматриваемым и проливающим свет на их былую семантику. Так, в японском языке слово *тен* означает *знак, правило, закон, заклад*; в китайском языке соответствующие понятия передаются словом *дянь*. В китайском языке имеется слово *тен* в значении *обмена*; ключ же этого слова обозначает *колесо, повозку*. Слово *teika* понимается, как *обозначенная цена*.

Если слово *танга* увязываясь с понятиями *деньга, деньги*, и со слово *тамга* уже давно определено в ряде своих прежних значений, то слово *сумм=рубль* до сих пор остается почти не затронутым семантическим анализом. О нем высказывалось лишь мнение, что оно родственно слову *сим*, употребляющемуся в настоящее время в узбекском, таджикском и других языках Средней Азии в смысле *проволаки из серебра*, а также в смысле *серебра вообще без какого-то бы ни было указания на время и место происхождения этого корня*.

Слово *сумм* в Средней Азии не местного происхождения и так же, как *танга* проникло сюда извне. По крайней мере, родственные фонетические и семантические морфемы, вскрывающие прежнее значение этого слова, имеются не в Средней Азии, а далеко за ее пределами: в языках Дальнего Востока, а также в Передней Азии. Так, постоянное влияние культуры Переднего Востока в областях Средней Азии имело место уже со времени арабской экспансии, т.е. с VII в. н.э., а на незначительные периоды времени и гораздо раньше.

²⁴¹ Элементы языкознания и сведения по истории русского языка и письменности. М., 1941 г.

Можно было бы ожидать происхождения слова сумм непосредственно с Переднего Востока, но в языках Средней Азии оно фиксируется памятниками сравнительно совсем недавними, а именно XIX–XVIII веков, когда в Средней Азии усилились экономические и политические связи не с Передней Азией, но с Дальним Востоком, в частности с Китаем.

На Переднем Востоке корни, родственные сум, имеются в современном арабском языке. Так, глагольная основа васама (وسم) означает «наложил клеймо», а производное от нее симат (سمة) означает знак, признак, клеймо. Возникает вопрос: что же было объектом клейма? Арабский язык дает ответ и на этот вопрос. В нем имеется глагольный корень сама (سام) = назначать цену, пастись на свободе и саввама (سوم) – наложил тавро, клеймо, заклеил, от чего произошло слово савам (سوام), которое означает скот, пасущийся на воле. Таким образом, собирается семантический пучок: клеймо, знак, примета – клеймение, назначение цены, оценка – скот. В Древнем Египте, на границе с Нубией был город Севене, в переводе – «цена». По указанию профессора В.В. Струве, «это был торговый пункт, где происходил обмен между египтянами и нубийцами»²⁴². В Древнем Вавилоне имелось имя существительно сим, по-видимому, родственное разбираемой морфеме, означавшее понятие стоимость, цена.

На Дальнем Востоке в японском языке имеется корень sen – деньги и мера денег, равная 1/100 части цены (по-китайски – цян), san – имущество (по-китайски – чан), sun – мера, мерило (по-китайски – цунь) и tomi – богатство и tsume – коготь, копыто (по-китайски – со). В китайском языке кроме этого близки слову сум несколько других корней, а именно sumpro – мера 3,03 см. длины, shimi (с корнем, означающим – идти, ехать, бегать), shimen – бумага, блокноты, вексель (с корнем, означающим веревка, нитка, род, табун), shomon – связь, обязательство, облигация, написанное (с корнем, означающим слово), somei – доказательство, испытание силы (с корнем слова), saimu – обозначающим обязательство, облигация (с корнем, означающим человек, народ). Иероглиф, произносящийся по-китайски so, а по японски – tsume и означающий коготь, копыто, в своей структуре до сих пор содержит контур отпечатка копыта даже с его внутренней стрелкой.

В таджикском и персидском языках имеется родственная слову сум морфема сумб в значении копыто, а также сверление – корень от глагола суфтан – сверлить, протыкать с производными сафта (سفته) лицо, у которого отняли одну землю и дали другую; вексель, деньги, даваемые в задаток, и суфта (سفته) – дар, подарок, золотые и серебряные серьги, отправление товара из одной страны в другую.

Казахское джамб (китайское – чжао – копыто, тибетское – ямб и японское иена – слиток серебра) также имеет общий корень с таджикским словом сумм, бахтиярским sum, пехлевийским sumb или sunb, арабским сунбук

²⁴² История Древнего мира. Т. I. Древний Восток. М., 1936 г. С. 150.

(سندیک), древне-персидским (su(n)ba u(n)pa, авестийским safa, немецким huf, английским hosf и русским – копыто.

Связь понятий сум и копыта устанавливается через понятие «отпечаток», так как монетой рубль был не любой слиток серебра, но слиток с определенным клеймом или слиток определенной формы, в частности в виде копыта. У казахов еще перед революцией был термин тойтуляк – «копыто жеребенка», в значении слитка серебра в объеме этого копыта. В определенную эпоху по принципу «целое по части» под этим термином понимался и скот.

В бахтиарском языке som kardap или sum kardap обозначает «пахать». Этим выявляется связь понятий «деньги», «скот» с понятием пахота земли скотом. В английском языке словом bull означает бык, в русском языке ему соответствует слово вол, в бахтиарском – pil= бык, а в персидском, таджикском и турецком означает деньги. В персидском языке слово mal соответствует таджикскому мол=скот, а также мул=много (отсюда образовалось и понятие богатства); в английском языке many – много соответствует также слову money – деньги; в яфетическом чувашском, как указал Н.Я. Марр, mul с его производным uul означает имущество, богатство, деньги²⁴³. В английском и французском языках понятие богатство передается через слово opulence от латинского opulens (сравните с этим корнем таджикское, персидское и турецкое pul, означающее деньги и связанное с mal, означающим скот). Русское бык, древнепрусское resku; древнелитовское rescus – стадо; древне-верхне-немецкое – fihu – стадо; латинское rescus – стадо и rescupia – деньги, богатство и готское faihu – имущество, деньги родственны русскому слову пахать. Н.Я. Марр также указывает на связь понятий скот и плуг на примере племенного названия скифов – сколотов²⁴⁴.

Эта связь понятий деньги и пахать проходит через понятие скот, так как во многих странах важнейшим предметом торговли был скот, он служил мериллом обмена и также употреблялся при вспашке земли и заделывании семян в почву. Так, например, в Древнем Египте за 5000 лет до нас для заделки зерен посева в землю по вспаханному полю пускали стадо баранов.

У народов, стоявших на охотничьей стадии развития, мериллом ценности не мог быть скот, поскольку эти народы не знали скотоводства. У них роль денег заменяли шкурки диких животных. У племен, обитавших на берегах Гудзонова залива в Северной Америке, единственной ценностью были шкурки бобров, у скандинавских народов в древности мериллом обмена, а также различными степенями штрафа служили шкурки лисиц, куниц и соболей, у волжских болгар единицей стоимости были шкурки куниц, у коренных народов Сибири, вплоть до Революции, единицей обмена были собольи шкурки. В Древней Руси меновой единицей, а позднее даже особым денежным ме-

²⁴³ Чувашы – яфетиды на Волге. Избранные сочинения. Т. V.C. 368.

²⁴⁴ Родная речь – мощный рычаг культурного подъема. Избранные сочинения. Т. V. С .429–430.

таллическим знаком была бель или бела – шкурка белки (сравните с таджикско-персидским и турецким – пул – деньги). Так, в «Слове о полку Игореве» говорится: «А князи сами на себе кромолу коваху, а погани сами наращуе на Русскую землю, емляху дань по беле от двора...». У вогулов еще в прежнем столетии копейку обозначали одной белкой, а рубль сотней белок.

Если шкурки белок, куниц, соболей и лисиц были более или менее мелкой единицей стоимости, то рогатый скот, с развитием скотоводства, являлся крупной единицей стоимости. Так, почти до самой Революции русская торговля с бурятами и монголами велась на скот, который затем перегонялся для обмена на серебро (именно на серебро, а не на другой металл) в Китай. Скот в значении денег совсем недавно употреблялся в Тибете, в Южной Африке и у некоторых народов Кавказа. Корова заменялась лошастью, верблюдом или несколькими овцами. В античной Греции, времен Троянской войны, рабыня расценивалась, например, в 4 быка, а жертвенный треножник стоил даже 12 быков.

Русское слово рубль в русском языке, по-видимому, позднего происхождения; и возникло оно не от корня рубить, как до сих пор отмечалось в специальной литературе, но под влиянием торговых связей с Западом. Оно родственно названию старой французской серебряной монеты *livre*, итальянской и турецкой лиры, индийской рупии. Корень ее находится в латинском *libra*=фунт и *libramen*=вес, родственных греческим словам (*ροπη*)=наклонение вниз, вес и (*ρεπω*) склоняться, перевешивать. В греческом языке общими корнями с разбираемой морфемой является слово (*λοφος*)=шея и (*λοφιη*)=грива (в латинском *uuba* – грива). В свете вышеизложенного выясняется также название древне-русской монеты гривна, связанной также с понятие гривы, место гривы – шей и, разумеется, с гривастыми животными – лошастью – основным животным предков славян – скифов.

Обилие наименований денег, связанных с терминами скотоводства, иллюстрирует указание Ф. Энгельса, что: «главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот, скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду принимался в обмен – одним словом скот стал выполнять функцию денег»²⁴⁵.

Маджи А.Е.

1946 г.

Сталинабад.

---

²⁴⁵ Происхождение семьи, частой собственности и государства. М., 1937 г. С. 153.

Библиографическое описание личного архива А.Е. Маджи

Архив востоковеда Андрея Евлампиевича Маджи формировался на протяжении 1917–1962 гг. и содержит в настоящее время более 30 папок с рукописями (частично машинописными) научных работ, фотографии научной тематики, а также несколько семейных фотоальбомов. Все они хранятся у дочери А.Е. Маджи, Татьяны Андреевны Маджи, проживающей в г. Душанбе.

Кроме того, в архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан хранится диссертация А.Е. Маджи *«Очерки по археологии Таджикистана, Тохаристана и Бактрии»*, выполненная в 1954 г. (344 с.) с папкой с 219 таблицами археологических находок, упоминаемых в тексте.

Все упомянутые источники находятся на бумажных носителях, многие из которых в ветхом состоянии. Значительное количество источников выполнено простым карандашом и чернилами на оборотной стороне различных бланков и черновиках административных документов. Многие из документов пострадали из-за ненадлежащих условий хранения (подмочены, поедены мышами).

По словам Т.Е. Маджи, вскоре после смерти отца в 1962 г., Институтом Востоковедения АН Таджикской ССР была приобретена часть его архива и научной библиотеки. Однако в настоящее время рукописе-хранилище Института востоковедения не располагает упомянутыми материалами.

Архив частично использовался для публицистической работы рядом исследователей и журналистов в 1970-х годах (В.А. Германов, О.В. Панфилов). Попытки систематизации архива А.Е. Маджи были предприняты в 1970-х годах его сыном Львом Андреевичем Маджи, однако не были завершены.

На протяжении последних 2013–2018 гг. изучение архива, включающее сканирование рукописей, фотографий и прочих документов, проводилось д.и.н. В.В. Дубовицким. В настоящее время отсканировано свыше 2000 листов архивных документов, условно разделенных на 65 единиц хранения (т.е. тематических электронных папок, включающих от 12 до 160 листов).

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ А.Е. МАДЖИ

I. Опубликованные работы

1. Арба ферганская // Известия АН Тадж. ССР. Отделение общественных наук. 1976. № 2. С. 21–28. Рез. на тадж. яз. № 143511, 3 № 1312.
2. К вопросу об очажках с территории Таджикистана // Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР. 1960. Вып 1 (22). С. 81–87.
3. К истории двух последних десятилетий Бухарского ханства // Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР. 1962. Вып. 2/29/. С. 46–53.
4. К истории феодального Ходжента // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. – Сталинабад, 1945. – С. 114–145.
5. АН Тадж. ССР Каталог восточных рукописей. Т. IV. Душанбе: Дониш, 1970. 276 с.
6. Наскальные рисунки в горах Моголтау // Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР 1957. С. 79–86.
7. Новый источник по истории Коканда, Кашгара и Бухары // Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР. 1958. № 1. С. 35–42.
8. Ценнейшее наследие. Собрание восточных рукописей // Коммунист Таджикистана. 1960. 31 дек.
9. Научная обработка рукописей (восточных) // Комсомолец Таджикистана. 1960. 30 дек.
10. Рудаки и арабский язык // Коммунист Таджикистана I.VI.57.
11. В тиши хранилищ Восточных рукописей // Комсомолец Таджикистана. 22.VIII.56.

II. Сохранившиеся неопубликованные работы

1. Археологические памятники Ферганы (1923 г.). 1 п.л.
2. К истории г. Китаба (1924 г.). 1 п.л.
3. Мусульманские мазары и кладбища Средней Азии (1925 г.). 1 п.л.
4. Маршруты и археологические памятники Афганистана (1926 г.). 2 п.л.
5. Административная карта Афганистана времен Амануллыхана (1926 г.). 1 п.л.
6. Этнографическая карта Афганистана (1926 г.). 1 п.л.
7. Генеалогическая схема афганских племен (1926 г.). 0,5 п.л.
8. География Афганистана Мухаммада Хусейна (перевод с персидского) (1927 г.). 6 п.л.
9. Дипломная работа по Афганистану (228 стр.).
10. Очерки по археологии Таджикистана, Тохаристана и Бактрии. Наблюдения и замечания 1925–1954 годов. Сталинабад, 1954. 344 стр. текста + 219 таблиц керамики и фото.
11. Некоторые особенности лексики Рудаки (34 стр.).
12. Картины труда и природы в стихах Рудаки (6 стр.).
13. Древние надписи в горах Моголтау близ города Ленинабада (рукопись подготовлена в 1939 г.) (14 стр.).
14. Духовный облик бухарского чиновника (По бухарской рукописи 1885–1922 гг.) (15 стр.).
15. Первые упоминания в письменных памятниках названия г. Ходжента (5 стр.).
16. Русско-таджикские лексические соответствия. Реферат (5 стр.).
17. Русско-таджикские лексические соответствия. Диссертация. (около 150 с.)
18. Методология истории Туркестана. Записано по лекциям академика В.В. Бартольда, читанным на Востфаке САГУ летом 1925 г. студентом III курса Маджи. Ташкент (48 стр.).
19. Из истории юэджийцев (2 стр.).
20. Происхождение танга – двугривенный и сумм-рубль в таджикском языке

(18 стр.).

21. Краткое содержание работы «Происхождение танга – двугривенный и сумм-рубль в таджикском языке» (4 стр.).

22. Из поездки на Саймалы-таш (петроглифы) (5 стр.).

23. История мазара шейха Масликаддина. По воспоминаниям потомков составлена дир. Музея Северного Таджикистана Атаевым (4 стр.)²⁴⁶

24. Воспоминания о работе в Кулябе. 1928 г. (24 стр.).

25. Глиняные гробики Средней Азии. Реферат (12 стр. текста и 3 иллюстрации).

26. Методология истории Туркестана (лекции академика В.В. Бартольда на Востфаке САГУ летом 1925 г., записанные студентом III курса А. Маджи). (48 стр.).

27. История персидской литературы по лекциям проф. А.А. Семенова. Ч. 1. (первое полугодие). Записки студента III курса А. Маджи, последние лекции записаны студентом Н.Ф. Левицким. 1924/25 г. (92 стр.).

28. Персидская метрика по лекциям проф. А.А. Семенова. Записал студент III курса А. Маджи. 1924/25 год. (14 листов).

III. Работы о А.Е. Маджи

1. Панфилов О.В. Краеведческая деятельность А.Е. Маджи // Таджикистанская республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов, посвященная 60-летию образования Ленинского комсомола Тадж. ССР // Тез. докл. // Секция обществ. наук. История, философия, право. Душанбе: Дониш, 1985. С. 35–36.

2. География Бухарского ханства // Коммунист Таджикистана. 1960, 6 сентября (о переводе на рус. Яз. рукописи М. Садыка, сделанном А.Е. Маджи).

3. Панфилов О. Преданный науке // Ленинабадская правда. 1985, 15 июня.

4. Филимонова Т.Г. А. Маджи – один из первых краеведов-археологов Таджикистана // Мероси ниёгон. 2007. № 10. С. 160–166.

5. Дубовицкий В.В. Экскурсия в прошлое // Вечерка. 2014, 15 октября.

6. Дубовицкий В.В. А.Е. Маджи – исследователь творчества Абуабдулло Руда-

²⁴⁶ Дубовицкий В.В. Новые данные по мазару шейха Маслихиддина в Ходженте // Вестник ХГУ. 2017. № 1(50). С. 42–48.

ки // Муаррих (Историк). 2016. № 1. С. 40–43.

7. Дубовицкий В.В. Новые данные по мазару шейха Маслихиддина в Ходженте // Вестник ХГУ. 2017. № 1(50). С. 42–48.

8. Маджи А.Е. (Биографическая справка) // Худжанд. Энциклопедия. Душанбе, 1999. С. 446.

9. Маджи А.Е. (Биографическая справка) // Донишгохи давлатии Худжанд ба номи Б. Гафуров. Худжанд, 2007. С. 271–272.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА А.Е. МАДЖИ

Библиография работ А.Е. Маджи

I. Опубликованные работы

II. Сохранившиеся неопубликованные работы

III. Работы о А.Е. Маджи

Список сокращений, встречающихся в тексте:

АН РТ – Академия наук Республики Таджикистан.

ВОИРАО – Восточное отделение Императорского Русского Археологического Общества.

МК – Местный комитет («первичка») профсоюзной организации.

САГУ – Среднеазиатский Государственный Университет (г. Ташкент).

Полпредство – Полномочное представительство (название постоянных дипломатических миссий (посольств) Советской России и СССР в период 1918–1939 гг.).

БФ – Большой Ферганский канал.

ВУС – Военно-учетная специальность.

РКВШ – Республиканский комитет высшей школы.

РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия.

Совдеп – Советы народных депутатов – пренебрежительное наименование советской власти, а также всей страны (Советской России и СССР), употребляемое ее противниками.

ТКЛА – Туркестанский кружок любителей археологии.

ТФАН – Таджикский филиал АН СССР.

Содержание

Предисловие.....	3
Глава I. От Венеции до Ферганы	5
Гимназия.....	15
Глава II. Избрание пути. Питомник «толмачей-практиков».....	19
Глава III. Слом времен. «Оружие и пароль получить у дежурного...».....	28
Глава IV. Учителя и наставники (САГУ)	37
Тени магов.....	52
Глава V. Визит к «Пяти львам».....	60
Глава VI. В проезде переулке гор.....	77
Глава VII. Крупицы прошлого	89
Глава VIII. Желтые воды Яксарта	94
«С невестой своей никак не встречусь...».....	103
Глава IX. Выживание (свидетельства дневника)	107
Глава X. Магия восточной рукописи.....	124
Заключение.....	135
Духовный облик бухарского чиновника	137
Глиняные гробики Средней Азии (реферат).....	147
Древние надписи в горах Моголтау близ города Ленинабада.....	152
Картины труда и природы в стихах Рудаки	159
Некоторые особенности лексики Рудаки.....	164
Происхождение танга – двугривенный и сумм – рубль в таджикском языке	201
Библиографическое описание личного архива А.Е. Маджи	207

Виктор ДУБОВИЦКИЙ

АНДРЕЙ ЕВЛАМПИЕВИЧ МАДЖИ:

полвека научных исследований в Центральной Азии

Редактор: Ирина Дубовицкая

Корректор: Лариса Тарасова

Верстка: Кина Юсупова

Дизайн обложки: Орзу Гарибов

Тираж 500 экз.

Отпечатано в «ООО Орбита»

Дубовицкий Виктор Васильевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан. Он является автором десятка научных статей и монографий, посвященных истории геополитических взаимоотношений между Россией и странами Центральной Азии, современным дипломатическим и геополитическим отношениям, диаспорологии. Помимо множества научных публикаций из-под его пера вышел ряд исторических и документальных повестей, рассказов и эссе. Виктор Васильевич – лауреат премии Союза журналистов Республики Таджикистан (2010 г.) и премии издательства «Граница» Погранвойск ФСБ РФ. Встав у истоков формирования русских диаспор в Таджикистане, Дубовицкий и сегодня продолжает вести активную общественную и научную деятельность.